

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр изучения стратегических проблем СВА и ШОС

**Перспективы
многостороннего
сотрудничества
ШОС
с международными
структурами
в интересах
развития
стратегии
Организации**

Москва
ИДВ РАН
2019

УДК 327.7ШОС:341.7(5)ШОС

ББК 66.4(0),6

П78

*Рекомендовано к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к.полит.н. А.З. Жебин, к.полит.н. П.Б. Каменнов

Редакционная коллегия:

к.воен.н. Ю.В. Морозов (отв. ред.-сост.), Ю.В. Кулинецв

П78 Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. — М. : ИДВ РАН, 2019. — 344 с.

ISBN 978-5-8381-0349-9

Коллективная монография, подготовлена научными сотрудниками Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН и специалистами из других профильных организаций РАН. Она посвящена анализу перспектив развития Шанхайской организации сотрудничества и изучению условий ее сотрудничества с международными структурами в свете обретения Индией и Пакистаном статуса полноправных членов ШОС. Научной основой написания данной работы стал круглый стол, состоявшийся в Центре изучения стратегических проблем СВА и ШОС, в ходе которого были рассмотрены международно-правовые аспекты деятельности ШОС, торгово-экономические параметры сотрудничества, а также актуальные проблемы безопасности в Центральной Азии и на пространстве ШОС. В исследовании представлены новые теоретические и практические подходы к вопросам реализации многостороннего сотрудничества и раскрытия потенциала ШОС в рамках обеспечения коллективной безопасности. Особое внимание уделено анализу региональных проблем и возможностей развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: ШОС, КНР, Российская Федерация, Центральная Азия, международная политика, экономика, российско-китайские отношения.

Предложенные в монографии научные выводы отражают личные взгляды и исследовательские позиции авторов.

**УДК 327.7ШОС:341.7(5)ШОС
ББК 66.4(0),6**

ISBN 978-5-8381-0349-9

© Коллектив авторов, 2019
© ИДВ РАН, 2019

Содержание

От редактора (Ю.В. Морозов)	5

Лузянин С.Г. Введение. Роль ШОС в глобальном измерении XXI века	7

Раздел I. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС В ИНТЕРЕСАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЕЕ СТРАТЕГИИ

Уянаев С.В. Структуры ШОС, РИК и БРИКС: возможности и лимиты сетевого взаимодействия	17
Батюк В.И. Россия и Китай в стратегии администрации Трампа	26
Давыдов А.С. Запад и ШОС: взаимодействие или конфликт интересов? ..	40
Морозов Ю.В. «Индо-тихоокеанская» стратегия Трампа как угроза интересам Китая и России в АТР	53

Раздел II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС

Матвеев В.А. Проблемы учета национальных интересов стран ШОС в Большом евразийском партнерстве	71
Балакин В.И. Интеграционные проекты в Евразии как сфера взаимодействия России и Китая с ЕС и иными международными организациями	84
Кашин В.Б. Роль ШОС в развитии торгово-экономических связей ЕАЭС с азиатскими странами на современном этапе	108
Петровский В.Е. Проблемы и перспективы финансово-экономического сотрудничества в рамках ШОС	118

Раздел III. ШОС И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Климченко А.Ф.</i> Система региональной безопасности на пространстве ШОС: проблема повышения дееспособности	131
<i>Гордиенко Д.В.</i> Возможные направления сотрудничества ШОС с международными организациями в сфере безопасности	145
<i>Морозов Ю.В.</i> Потенциальные области взаимодействия государств НАТО и ШОС в Афганистане	170
<i>Васильев Л.Е.</i> Перспективы взаимодействия ШОС с международными региональными организациями в сфере борьбы с терроризмом	192
<i>Евсеев А.С.</i> Российские национальные интересы в Сирии	208
<i>Климченко А.Ф.</i> Россия, Индия, Китай: проблема безопасности и сотрудничества на пространстве Большой Евразии	231
<i>Васильев Л.Е.</i> Современная политика Китая в области решения проблем безопасности в Азии	240

Раздел IV. ГУМАНИТАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШОС С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

<i>Сафронова Е.И.</i> Коллективная «мягкая сила» ШОС: постановка вопроса	263
<i>Кулинец Ю.В.</i> Мягкосиловые факторы инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии (на примере Университета ШОС)	278
<i>Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.</i> Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества	289
<i>Морозов Ю.В., Кулинец Ю.В.</i> Заключение	313
SUMMARY	324
Table of Contents	325
Об авторах	327

От редактора

*Ю.В. Морозов**

Начиная с Уфимского саммита (2015 г.), когда была принята Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г., на первый план среди приоритетов Организации вышла необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия в сфере политики и наращивания согласованных усилий по обеспечению региональной безопасности и противодействию традиционным и новым вызовам и угрозам совместными усилиями.

В ходе Ташкентского саммита (2016 г.) Совет глав государств — членов ШОС утвердил план действий на 2016—2020 гг. по реализации Стратегии развития ШОС, предусматривающий проведение более 70 конкретных мероприятий в таких областях, как политическое взаимодействие, сотрудничество в области безопасности, торгово-экономическое сотрудничество, культурно-гуманитарное взаимодействие, информационное измерение, международное сотрудничество.

На Астанинском саммите (2017 г.) состоялось официальное присоединение к ШОС в качестве полноправных членов двух де-факто ядерных держав — Индии и Пакистана, которые подтвердили солидарность со странами — основательницами этого международного

* *Морозов Юрий Васильевич*, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

объединения по вопросам построения нового современного миропорядка, информационной безопасности и формирования более справедливой глобальной финансовой архитектуры.

В преддверии саммита ШОС в Циндао (2018 г.) в Институте Дальнего Востока РАН 19 марта 2018 г. был проведен круглый стол «Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации», организованный Центром изучения стратегических проблем СВА и ШОС. В работе круглого стола приняли участие директор ИДВ РАН С.Г. Лузянин, заместители директора ИДВ РАН С.В. Уянаев, В.Я. Портяков, члены редакционной коллегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», научные сотрудники института и эксперты профильных организаций, занимающихся изучением деятельности ШОС.

По результатам прошедшего на круглом столе обсуждения, в ходе которого были рассмотрены международно-правовые аспекты деятельности ШОС, торгово-экономические параметры сотрудничества, а также актуальные проблемы безопасности в Центральной Азии и на всем пространстве ШОС, коллективом авторов подготовлена настоящая монография.

В работе представлены новые теоретические и практические подходы к вопросам реализации многостороннего сотрудничества и раскрытия потенциала ШОС в рамках обеспечения коллективной безопасности. Особое внимание в сборнике уделено анализу региональных проблем и возможностей развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Введение

РОЛЬ ШОС В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

XXI ВЕКА

*С.Г. Лузянин**

К 15-летнему рубежу своего существования Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) заняла достойное место в ряду авторитетных и влиятельных международных организаций, стала действенным фактором обеспечения безопасности, стабильности и устойчивого развития в современной системе межгосударственных отношений. На юбилейном саммите ШОС в Ташкенте (2016 г.) лидеры стран-членов отметили, что уникальным источником её успешной деятельности является «шанхайский дух», который пронизывает коренные принципы и идеи Организации¹.

Мировой характер ШОС проявляется в том, что в ней сопрягаются российский проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайский проект «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). А когда Индия и Пакистан стали членами этой организации, численность населения государств ШОС составила 63,4 % жителей на планете, суммарный ВВП участников ЭПШП — более 40 % мирового показателя² (рис. 1).

* *Лузянин Сергей Геннадьевич*, доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН.

На глобальной арене ШОС активно сотрудничает с международными организациями, прежде всего с ООН с ее институтами и учреждениями. ШОС является наблюдателем при Генеральной Ассамблее ООН. Подписаны документы о взаимодействии с такими международными структурами, как УНП и ЭСКАТО ООН, СНГ, АСЕАН, ОДКБ, ОЭС, СВМДА. И на сегодняшний день ШОС уже привлекла внешних партнеров разного формата, число сопоставимо с тем, что АСЕАН приобрела за 45 лет своего существования. И вполне очевидно, что, следуя примеру АСЕАН, ШОС целесообразно образовывать новые форматы сотрудничества в будущем типа «ШОС+»: «ШОС + АСЕАН», «ШОС + ЕС», «ШОС + США» и т. д. для решения проблем региональной безопасности и других вопросов на равноправной основе. Это может стать фундаментом оздоровления международных отношений на планете³.

Создание ШОС сыграло стабилизирующую роль на среднеазиатском направлении, во многом помогло снизить остроту традиционно присущих ему центробежных тенденций, которые вышли на поверхность после развала Советского Союза. В настоящее время ШОС служит важным ориентиром в развитии межгосударственных отношений, противодействии глобальным вызовам и угрозам, урегулированию международных разногласий.

При этом перед Организацией стоят концептуальные вопросы ее дальнейшего развития. Многие (преимущественно западные) эксперты утверждают, что ШОС переживает внутренний кризис, другие (китайские) эксперты предлагают видоизменить традиционную модель и вектор развития Организации, отойдя от существующего принципа консенсуса в рамках ШОС и усилив ее экономическую составляющую, т. е. развивать механизмы упрощения процедур торговли. В этой связи большинство российских экспертов постоянно вынуждены напоминать, что ШОС не является ни военным блоком, ни регулярным совещанием по безопасности, а занимает промежуточную позицию. Главными задачами Организации провозглашены укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

Рис. 1. Страны — участницы ШОС.

Источник: URL: <https://content.choiz.me>

За более чем 15-летний период своего развития ШОС проделала значительную работу, став частью общемирового политического контекста, фактором серьезного международного звучания, с которым вынуждены свыкнуться и считаться крупнейшие мировые акторы. То, что поначалу рассматривалось как ситуативное объединение, в короткие по историческим меркам сроки выросло в многопрофильную организацию, обладающую достаточной внутренней прочностью, эластичностью и внешней притягательностью, демонстрирующую открытость и готовность на прозрачной и равноправной основе вступать во взаимодействие со всеми, кто того реально желает⁴.

Драйверами развития ШОС выступали Россия и Китай, которым удалось спроецировать 400-летний опыт собственного исторического соседства на развитие новой региональной организации. Отношения Москвы и Пекина, как и других стран — участниц ШОС, отличает зрелость, стабильность и взаимодоверие. Разница в размерах экономик не мешает партнерам строить диалог на принципах уважения друг к другу, равенства и взаимной выгоды, и это гармонизирует весь спектр отношений сторон. Они намерены твердо поддерживать

друг друга в защите суверенитета, безопасности и территориальной целостности, в выборе собственного пути развития, в проведении самостоятельного внутривластного курса. Ими создан уникальный механизм многоформатного взаимодействия, включая постоянные встречи глав государств, правительств, а также руководителей профильных министерств и ведомств, позволяющий согласовывать усилия по самым животрепещущим вопросам⁵.

С момента создания ШОС, с одной стороны, к ней предъявлялись завышенные требования и ожидания быстрой результативности. С другой стороны, противники интеграционных процессов на пространстве Евразии скептически рассматривали возможности Организации на начальном этапе ее становления.

Приведенные выше факты свидетельствуют, *во-первых*, о том, что ШОС является одной из тех немногих международных организаций, существование и функционирование которых притягивает к себе постоянное внимание. *Во-вторых*, ШОС является развивающимся механизмом с огромным потенциалом, заложенным в его Хартии. И, *в-третьих*, являясь молодой международной организацией, ШОС не может не иметь ряда конструктивных недочетов, которые могут оказывать некое негативное воздействие на определенных этапах развития Организации⁶.

А перспективы ШОС определяются не пессимистическими оценками, а тем, насколько организация сможет быть способной к самообновлению, самокритике и работе над ошибками. В этом контексте наиболее действенным и эффективным представляется осмысление опыта развития других международных интеграционных объединений, а также принятие во внимание рекомендаций и выводов экспертного сообщества, заинтересованного в совершенствовании организации и укреплении ее консолидирующих начал.

На международном уровне ШОС выступает против незаконного внешнего вмешательства во внутренние дела государств, навязывания им иной социально-экономической системы и политического строя, экстерриториального применения государствами национального права в нарушение права международного, односторонних санкций, выходящих за рамки согласованных в Совете Безопасности ООН и не соответствующих международно-правовым нормам.

Главы государств ШОС в совместных декларациях неоднократно подчеркивали, что стремятся содействовать развитию многополярности, выступая против односторонних действий и за укрепление центральной роли ООН в международных делах⁷.

Активизация международной террористической деятельности на фоне сирийской войны поставила перед ШОС задачу адекватного реагирования на новый масштаб вызовов и угроз. Усовершенствование «политического профиля»⁸ Организации как влиятельной евразийской структуры было осуществлено в ходе российского председательства в ШОС, завершившегося саммитом в Уфе в 2015 г. Принятая на саммите Стратегия развития организации⁹ наглядно продемонстрировала общность подходов государств-членов к коренным вопросам современного миропорядка, включая проблематику разоружения, урегулирования международных и региональных проблем, мирного использования космоса, информационной безопасности, формирования более справедливой международной финансовой структуры.

Согласно этому документу, приоритетами Организации на ближайшую перспективу является необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия в сфере политики и наращивания согласованных усилий по обеспечению региональной безопасности, противодействию традиционным и новым вызовам и угрозам.

На Уфимском саммите началось присоединение к Организации в качестве полноправных членов Индии и Пакистана. Снятие международных санкций с Ирана позволило говорить о возможности реальных прогнозов дальнейшего расширения ШОС, что по сути в значительной степени изменяет конфигурацию отношений на Евразийском континенте.

Накануне юбилейного Ташкентского саммита (2016 г.) рядом экспертов высказывались опасения, что без изменения структуры Организации дальнейшее её расширение станет затруднительным: многие члены ШОС имеют друг с другом натянутые отношения. Основная опасность расширения ШОС — потеря управляемости, поскольку все вопросы в Организации принято решать не голосованием, а консенсусом. Особенно это актуально в свете разногласий между Китаем и Индией¹⁰. Однако участники саммита не испугались потенциальных сложностей и подтвердили намерение осуществлять

процедуру приема Индии и Пакистана в качестве полноправных членов ШОС¹¹. Организация уже доказала эффективность четким и последовательным выполнением своих изначальных задач по урегулированию довольно сложных приграничных проблем между Китаем и четырьмя постсоветскими странами. В области экономики участники будут добиваться сопряжения национальных стратегий развития и усиливать координацию своих торгово-экономических программ. Кроме того, государства — члены ШОС подтвердили поддержку инициативы Китая о создании проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП) (рис. 2).

В рамках инициативы ОПОП наибольшую значимость для Китая имеют страны Центральной Азии, поскольку они выступают в качестве первых регионов, через которые сухопутные коридоры ведут на Запад. На данный момент у Китая нет соглашений о свободной торговле ни с одной из стран региона, поэтому Пекин заинтересован в развитии отношений со странами ШОС и выстраивает многосторонние форматы сотрудничества¹².

Среди приоритетных проектов важное место занимает сопряжение ОПОП с ЕАЭС, а также углубление сотрудничества в рамках ШОС. В июне 2016 г. были запущены переговоры по разработке проекта соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР¹³. В первом квартале 2017 г. был согласован список инфраструктурных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»¹⁴. Кроме того, главы правительств ШОС высказались за дальнейшее развитие механизмов упрощения процедур торговли и поручили Специальной рабочей группе по упрощению торговли рассмотреть подготовленный китайской стороной проект соглашения об упрощении процедур торговли¹⁵.

Решения саммита глав государств в Астане (2017 г.)¹⁶ обозначили радикальное качественное и количественное (за счет вступления Индии и Пакистана) усиление ШОС на евразийском пространстве. Особенно рельефно просматриваются направления, связанные со сферой безопасности Организации. Очевидно, что новые акценты должны быть точно расставлены руководством ШОС в интересах всех ее членов без перекосов на основе взаимного доверия и открытости.

Прием новых членов позволяет включить в фокус внимания ШОС не только традиционный регион Центральной Азии, но и Южную Азию. Подобное расширение рамок активности Организации, возможно, может приветствоваться не всеми членами ШОС. При этом особую актуальность приобретает соблюдение равноправных условий членства в Организации, которая превращается в гораздо более мощную силу в мировой политике, чем 3—4 года назад. Сохранение в ШОС правила обязательного консенсуса позволит малым странам чувствовать себя в Организации более уверенно.

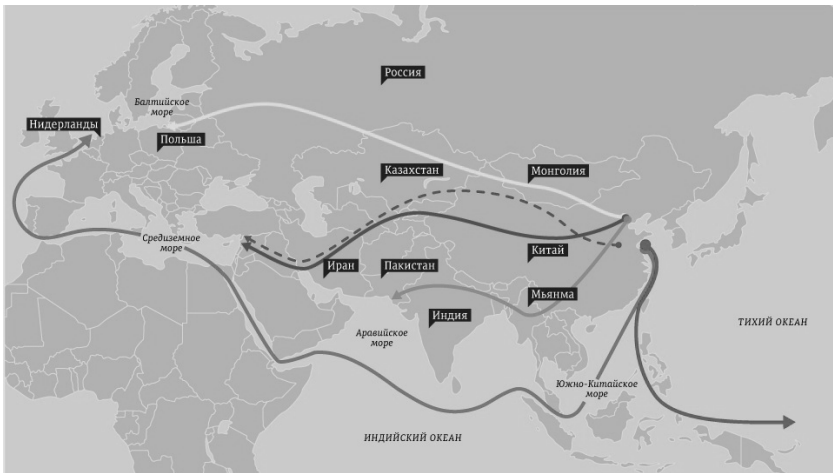

Рис. 2. Схема предполагаемых маршрутов проекта «Один пояс, один путь».

Источник: URL: <http://eurasianeconomic.org>

Расширение ШОС за счет двух влиятельных государств Южно-Азиатского региона и активных игроков на ее южных, наиболее стратегически чувствительных рубежах, в том числе и на наиболее турбулентном афганском направлении, потребует от «восьмерки» определенной внутренней взаимной адаптации, прежде всего, административно-технического и организационного характера. В условия неопределенности афганского фактора и других террористических вызовов назрела необходимость осторожной военно-

политической эволюции ШОС. Усиление силового компонента Организации будет выгодно всем ее государствам-членам.

Проблематика безопасности в самом широком смысле слова, начиная от противодействия терроризму и экстремизму и кончая борьбой с незаконным оборотом наркотиков, будет и далее оставаться в сфере приоритетного внимания «шанхайской восьмерки». Сталкивающиеся с этими же вызовами Индия и Пакистан могут и готовы вносить свой существенный вклад на данном направлении, включая участие в работе Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. Принятие на саммите Конвенции по противодействию экстремизму и заявления о совместном противодействии международному терроризму являются прямым доказательством неослабевающего внимания государств-членов к этой проблематике. Поэтому присоединение Индии и Пакистана к ШОС можно считать очередным шагом к созданию новой системы коллективной безопасности в Азии¹⁷.

Новые геополитические и экономические реалии (Евразийский экономический союз, Большое евразийское партнерство, мегапроект «Один пояс, один путь», долговременные программы экономического развития стран — членов ШОС) требуют обеспечения их определенной сопряженности и увязки на базе учета интересов каждого участника Организации и развивающихся трансрегиональных процессов.

Анализ тенденций развития ШОС показывает, что она не противопоставляет себя никому, но становится все более влиятельным игроком на евразийском экономическом пространстве, демонстрирует укрепление торгово-экономических связей между ее странами-членами. Для Организации является значимой возможность определять свое место и роль в реализации договоренностей президента России Владимира Путина и председателя КНР Си Цзинпина, достигнутых в Москве 8 мая 2015 г., когда был подписан документ, определяющий сопряжение планов Евразийского экономического союза с китайской инициативой строительства «Экономического пояса Шелкового пути»¹⁸.

По-прежнему актуальной для ШОС является борьба с силами «трех зол» — экстремизмом, терроризмом и сепаратизмом, — незаконным оборотом оружия и наркотиков, незаконной миграцией. Ра-

бота Региональной антитеррористической структуры является одним из приоритетов Организации. При этом важно отметить, что страны — наблюдатели при ШОС становятся все более привлечены к практическому взаимодействию по обеспечению региональной безопасности и стабильности. Одним из примеров является новый формат встреч секретарей советов безопасности, министров иностранных и внутренних дел, глав верховных судов, генеральных прокуроров, проводимых по формуле «ШОС+». Также можно утверждать, что в среднесрочной перспективе сотрудничество в ШОС будет дополняться рядом новых направлений: в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества, в сфере туризма, — что будет помогать большей открытости стран-членов, более тесному сотрудничеству представителей гражданского общества.

Ожидается, что в 2018 г. в качестве председательствующей страны свой вклад в развитие Организации внесет Китай. Пекин уже озвучил свои планы, что собирается использовать платформу ШОС для содействия углубленной состыковке инициативы «Пояс и путь» со стратегиями развития стран — участниц Организации, чтобы тем самым придать новый импульс совместному развитию государств региона¹⁹. Такой подход открывает дополнительные благоприятные возможности для расширения географии международных связей ШОС, а также диалога с другими многосторонними структурами, тем более что предстоящий в 2018 г. саммит ШОС в Циндао станет первым в формате евразийской «восьмерки». Детали повестки будут оговариваться в течение ближайших месяцев, но ожидаемо темами для обсуждения станет широкий спектр вопросов — от экономики до борьбы с терроризмом.

Лоббирование Китаем в ШОС экономической сферы при сохранении внимания к вопросам безопасности должно пойти на пользу Организации, превращая ее из региональной диалоговой площадки в полноценный полюс принятия ключевых решений для Евразии. Подобная эволюция ШОС представляется все более целесообразной в интересах обеспечения региональной и международной стабильности, совместного противодействия новым вызовам и угрозам, решения насущных экономических проблем и в целом для постепенного создания принципиально новой матрицы всей структуры международных отношений.

Примечания

- ¹ Ташкентская декларация 15-летия ШОС. 24.06.2016.
- ² Чжао Лэй. К общему пониманию // Китай. 2017. № 5. С. 24—25.
- ³ Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. URL: <http://www.materik.ru/institute/about/>
- ⁴ Воробьев В. ШОС как растущий властелин «хартлэнда» // Россия в глобальной политике. 2012. № 1.
- ⁵ Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина. М.: ДеЛи плюс, 2017.
- ⁶ Воробьев В. Куда будет двигаться ШОС? // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5.
- ⁷ Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина. М.: ДеЛи плюс, 2017.
- ⁸ Конаровский М. ШОС — перед вызовами нового масштаба и качества // РСМД. 01.04.2016.
- ⁹ Стратегия развития ШОС до 2025 года. Саммит в Уфе. 10.07.2015.
- ¹⁰ Коростиков М. ШОС перерастает свой формат // Коммерсант. 24.06.2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3019884>
- ¹¹ Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества. 24.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5094>
- ¹² Ли Синь: Обзор и анализ экономических интересов Китая и России в Центральной Азии // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2012. № 5. С. 48.
- ¹³ ЕАЭС и КНР готовы перейти к переговорам по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве // Евразийская экономическая комиссия. 27 июня 2016 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016-1.aspx>
- ¹⁴ Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014—2015. Рабочая тетрадь. РСМД. М.: Спецкнига, 2015.
- ¹⁵ Совместное коммюнике по итогам заседания СГП ШОС (Сочи. 30.11—01.12.2017). URL: <http://rus.sectsco.org/news/20171201/359134.html>
- ¹⁶ Информационное сообщение по итогам заседания СГП ШОС (Астана, 8—9 июня 2017). URL: <http://rus.sectsco.org/news/20170609/289250.html>
- ¹⁷ Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии // Итоговый экспертно-аналитический доклад. 10.01.2016.
- ¹⁸ Мезенцев Д. ШОС становится все более влиятельным игроком // Аргументы и факты. 16.06.2016.
- ¹⁹ URL: http://russian.news.cn/2017-12/12/c_136820290.htm

Раздел I

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС В ИНТЕРЕСАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЕЁ СТРАТЕГИИ

*С.В. Уянаев**

СТРУКТУРЫ ШОС, РИК И БРИКС: ВОЗМОЖНОСТИ И ЛИМИТЫ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Взаимодействие международных структур как сам феномен внешнеполитической жизни — это тема, которая является весьма актуальной, однако пока она вряд ли опирается на обилие фактического материала. К примеру, между ШОС и рядом структур (ООН, СНГ, СВМДА, ОДКБ, АСЕАН) заключены меморандумы о сотрудничестве и взаимопонимании. Всего таких меморандумов — девять, но в большинстве случаев они носят декларативный характер, сведения о реальной кооперации (за исключением некоторых отдельных событий по линии ШОС—ООН) практически не встречаются.

Предметом необходимого анализа является и исследовательская методика, которая позволяла бы определить если не реальную практику, то хотя бы потенциал взаимодействия многосторонних струк-

* *Уянаев Сергей Владимирович*, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

тур, которое в последнее время определяется еще и как «сетевое взаимодействие».

Видимо, все это не случайно: каждая из международных организаций/структур имеет собственную повестку дня, в рамках которой она решает свои очерченные определенным кругом задачи. Вместе с тем вопросы в повестке зачастую могут иметь определенное сходство, что, по крайней мере потенциально, может предопределять возможности сотрудничества. Причем если не полностью между структурами в целом, то по меньшей мере между отдельными их участниками.

В этой связи методологически применительно в ШОС РИК и БРИКС есть смысл сравнить повестки каждой из структур, попытаться выявить общее и различия, в частности с точки зрения формулируемых целей и задач, а также определить организационные (институциональные) и другие особенности данных форматов. Это позволит рассуждать о возможностях и лимитах их взаимодействия.

Элементы сходства

Сходство касается прежде всего пересекающегося состава участников. Все три страны, составляющие РИК (РФ, КНР и Индия) являются членами и ШОС и БРИКС, причем Индия обрела в ШОС полноформатный статус. Таким образом, формат ШОС «поглощает» большую часть участников двух других структур, в том числе БРИКС, оставляя (из числа последней) за своими рамками лишь Бразилию и ЮАР (рис. 1).

Далее, обращаясь к задачам и целям, в качестве базовых прописанным в официальных документах ШОС, РИК и БРИКС, нельзя не видеть сходных моментов, которые связаны глобальной повесткой — с подходами к таким основополагающим вопросам, как миропорядок и структурирование современного мира.

Во всех трех структурах участники в той или иной форме выступают за многополярный мир, центральную роль ООН, демократизацию международных отношений. Если говорить о ШОС, то эти положения были зафиксированы еще в первых официальных документах — Декларации о создании ШОС (Шанхай, 2001 г.), Декларации

Рис. 1. Страны — члены БРИКС. Источник: URL: <http://vestifinance.ru>

глав государств от 2002 г. (г. Санкт-Петербург), где говорилось, в частности, о задаче усилий по «построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»¹. Подобные положения можно найти в коммюнике проводящихся с 2005 г в специальном отдельном формате 12 встреч министров иностранных дел РИК, в декларациях вот уже девяти саммитов БРИКС и в другим документах².

Продолжая перечень сходных приоритетов, отметим, что в ШОС, РИК и БРИКС (в каждом случае со своими акцентами) присутствует внимание к вопросам глобальной и региональной безопасности, задачам урегулирования в горячих точках планеты с приоритетом диалоговых механизмов, решительной борьбе с терроризмом и т. п.

Наконец, внешне сходным моментом можно назвать декларируемое стремление наладить практическое взаимодействие в экономической, культурно-гуманитарной и других сферах каждого из форматов, где предпринимаются попытки выработать и претворить в жизнь те или иные совместные многосторонние проекты.

Особенности и различия

Но, как часто бывает, сходство соседствует с заметными различиями. Выделим лишь основные.

Первое. Прежде всего, — это различия институциональные. ШОС — полноформатная международная организация. Она имеет Устав, Хартию, а самое главное — наднациональные органы, которым страны-участники в рамках — не союз, а с жесткими взаимными военно-политическими обязательствами, но и не ставящая институциональных задач диалоговая платформа типа различных СВМДА, АРФ или других подобных переговорных структур.

Примером диалогового формата является как раз РИК — структура гибкого неформального взаимодействия в целях реализации совпадающих внешнеполитических целей и задач внутреннего развития. Вместе с тем в РИК нет присущих организации уставных документов, а тем более наднациональных органов. Однако в отличие от простых переговорных площадок здесь предпринимаются шаги институционального характера — переговорные площадки работают по ряду направлений (внешняя политика, сельское хозяйство, здравоохранение и т. п.), где накапливается документальная база в виде совместных коммюнике глав внешнеполитических ведомств.

Промежуточное положение между РИК и ШОС с организационной точки зрения занимает БРИКС. Не случайно в русском варианте структура официально именуется как «объединение БРИКС» (BRICS grouping). В БРИКС (как и в РИК) также нет Устава и постоянных наднациональных органов. Но её институциональные шаги продвинулись здесь заметно дальше, чем в РИК. Создана и развивается целая сеть (несколько десятков) переговорных дорожек по различным направлениям сотрудничества, увенчанная ежегодными встречами глав государств. В практическую плоскость способны выйти проекты экономического сотрудничества, которые связаны с созданием специального Банка БРИКС и совместного Пула валютных резервов.

Иными словами, в организационном плане ШОС, РИК и БРИКС — структуры, стоящие на разных ступенях институциональной лестницы.

Второе. Важным отличием служит разница в приоритетах, узлом содержания повестки дня: при всех отмеченных выше элементах сходства (многополярный мир, ООН и т. п.) фокус задач каждой из структур носит конкретный характер.

Для ШОС это, *во-первых*, региональная стабильность и безопасность в центре Евразии, включая борьбу против «трех зол», *во-вторых*, рост и развитие стран-участниц за счет экономического и других направлений сотрудничества.

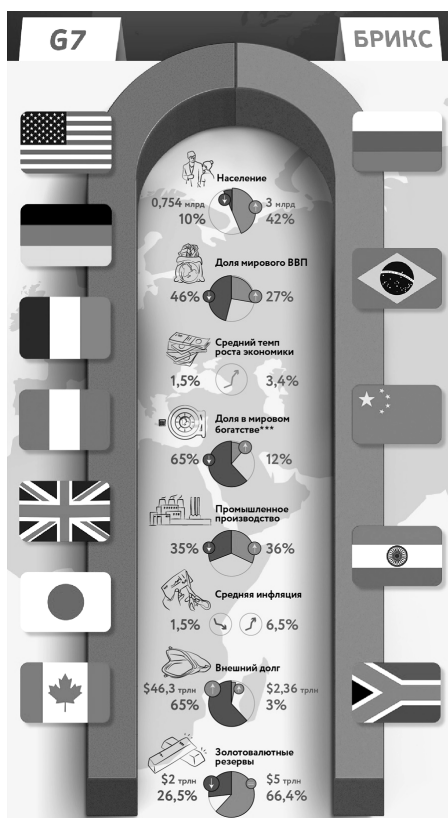

Рис. 2. Сравнение экономических потенциалов БРИКС и G7.

Источник: URL: <https://vz.ru>

Для РИК с точки зрения главной повестки характерны задачи более общего характера — согласование принципиальных подходов РФ, КНР и Индии к важным глобальным и региональным международным вопросам.

В части региональной повестки между РИК и ШОС больших различий нет, центральной темой для РИК также является положение в Евразии. Нюансы состоят в том, что в ШОС первоочередным региональным сюжетом является Центральная, отчасти Южная Азия; а для РИК региональная повестка несколько шире и распространяется на весь регион АТР.

Самые очевидные особенности отличают повестку дня БРИКС, где с момента образования повышенное внимание уделялось вопросу реформирования глобального экономического управления, задаче повышения права голоса «стран с развивающимися рынками» (те же страны БРИКС) во Всемирном банке, МВФ и т. п. (рис. 2).

Значителен (пусть и чуть в меньших масштабах) удельный вес политической проблематики, которая в своем региональном измерении как раз имеет выраженное своеобразие. Например, евразийская проблематика мало актуальна для Бразилии и ЮАР. На практике это уже не раз выражалось в том, что в годы председательства в БРИКС этих двух стран региональная повестка дня «пятерки» концентрировалась в основном (это отражалось в документах соответствующих саммитов) на африканской и латиноамериканской тематике³.

Потенциал и лимиты сотрудничества

Возможности и лимиты взаимодействия между этими тремя международными структурами, как понятно, во многом проистекают из приведенных черт сходства и различий. Пересекающийся состав участников и близость ряда декларируемых задач позволяют вести поиск форм и путей некоего объединения усилий для их реализации.

Однако зачастую специальный характер повестки дня, которой отдельно руководствуются ШОС, БРИКС и РИК, специфические интересы отдельных стран объективно создают для взаимодействия видимые ограничители. К числу таких лимитов относятся и некото-

Рис. 3. Страны — члены ШОС. *Источник:* URL: <http://vestifinance.ru>

рые сферы гипотетического взаимодействия, например экономика, поскольку экономические проекты во всех трех структурах (пусть и в разной степени) реализуются пока с большими сложностями.

Если рассуждать именно о возможностях некой координации и взаимодействия, то здесь, прежде всего, стоит говорить о РИК и ШОС. *Во-первых*, фактическая связь этих двух структур уже существует, причем она существенно возросла с включением Индии в число полноформатных членов ШОС (рис. 3).

Именно на площадке РИК возможно предварительное принципиальное согласование (и надо думать, это уже реально происходит) некоторых важных вопросов, составляющих повестку дня ШОС (Афганистан, борьба против терроризма и т. п.). Не будем забывать и о том, что речь идет о тройке «тяжеловесов» ШОС, на которую приходится абсолютно больший процент совокупного ВВП всех участников Организации и большое международное влияние в целом. Их согласованный голос имеет повышенный шанс быть услышанным другими членами Организации и быть реализованным в условиях принятых в ШОС консенсусных решений.

Во-вторых (это касается и объединения БРИКС), возможна специальная координация входящих во все три структуры стран по сходно воспринимаемым вопросам глобальной повестки дня (спра-

ведливый миропорядок, многополярность, недопустимость односторонних санкций, демократизация международных отношений и т. д.).

Сходность трактовок этих вопросов в документах ШОС, РИК и БРИКС, как отмечалось выше, имеет место уже сегодня. Причем концептуально присутствующий во всех трех структурах принцип «ненаправленности против третьих стран» не мешает использованию в декларациях и коммюнике ряда знаковых положений. Это — тезис о «справедливом миропорядке», который «должен базироваться на подлинно партнерских отношениях без претензий на монополию и доминирование в международных делах»⁴.

Это и тезис о том, что «любое военное вмешательство, не санкционированное Советом Безопасности, несовместимо с Уставом ООН и неприемлемо»⁵. На фоне претензий на единоличное доминирование, которое демонстрируют США, адресат таких формулировок очевиден, и они могут быть усилены.

Кроме того, уместно еще раз обратиться к приведенному выше понятию «сетевой дипломатии». В Концепции внешней политики РФ она определяется как деятельность в рамках неформальных альянсов, «опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач»⁶.

Продвижение глобальной и региональной безопасности, стабильности и развития, включая проекты евразийской интеграции, в том числе российскую инициативу Большого евразийского партнерства, — как раз одна из таких задач, которую ШОС, РИК и БРИКС, невзирая на разницу в институциональном статусе, могут решать в совместных интересах.

Примечания

¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectsc.org/documents/>

² См., напр.: О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/436746; Совместное заявле-

ние лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 г.). URL: http://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/53fd/b580/6272/6907/2b04/0000/original/I

³ См., напр.: Этеквинская декларация и Этеквинский план действий. URL: http://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/53da/1fa2/676c/761f/8d13/0000/original/V

⁴ Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана, 5 июля 2005 г.). URL: http://rus.sectesco.org/documents/саммит_ШОС-2005

⁵ О консультативном совещании стран БРИКС по ближневосточной проблематике 22 мая 2015 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1305642

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2013-03-04/9_concept.html

*В.И. Батюк**

РОССИЯ И КИТАЙ В СТРАТЕГИИ АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА

Для Вашингтона Москва и Пекин — снова враги номер один

Одним из игроков на мировой арене, который не является ни членом ШОС, ни РИК и БРИКС, но стремится удержать глобальное лидерство в мире, являются Соединенные Штаты Америки. Поэтому целесообразно проанализировать концептуальные и практические действия США по отношению к России и Китаю в рамках удержания своего глобального лидерства в мире. Так, утвержденная президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. Стратегия национальной безопасности США (СНБ-2017) уже самым радикальным образом отличается от своей предшественницы, СНБ-2015, которую утверждал 44-й президент США Б. Обама.

Во-первых, составители СНБ-2015 не сомневались в безальтернативности и несокрушимости американского лидерства в мире. Как писал Б. Обама в предисловии к данному документу, «сегодня Соединенные Штаты — сильнее и находятся в лучшем положении для того, чтобы воспользоваться возможностями нового столетия и оградить наши интересы от рисков беспокойного мира... Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и про-

* *Батюк Владимир Игоревич*, доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН.

движения интересов нашей национальной безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины — Америка должна быть лидером. Сильное и устойчивое американское лидерство крайне важно для основанного на правилах международного порядка, который отстаивает глобальную безопасность, благополучие, а также человеческое достоинство и права всех народов. Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать»¹. А вот у тех, кто работал над СНБ-2017, оптимизма насчет американского лидерства существенно меньше. В документе прямо говорится об «американском обновлении и **восстановлении** американского лидерства... Америка, которая в безопасности, процветает и свободна, — это Америка, которая сильна, уверена в себе и которая **будет лидировать** за рубежом»². Но если американское лидерство еще нужно восстанавливать, и об этом лидерстве говорится в сослагательном наклонении, значит, с точки зрения нынешнего американского руководства, этого самого лидерства **сейчас фактически нет**.

Во-вторых, в СНБ-2017 приоритеты расставлены совсем не так, как в СНБ-2015. Вот что говорится в последнем документе об основных вызовах национальной безопасности США: «Наши сложные времена наглядно продемонстрировали силу и значимость незаменимого американского лидерства в мире. Мы мобилизовали и возглавили международные усилия по наказанию России и противодействию ее агрессии, по ослаблению, а в конечном счете и по уничтожению ИГИЛ, по искоренению вируса Эболы, по прекращению распространения материалов для изготовления ядерного оружия, по переходу к новому этапу в глобальной борьбе за снижение углеродных выбросов. Во всем нашем политическом спектре усиливается уверенность, что вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать, а в том, как мы должны лидировать, ведя мир в будущее»³. В СНБ-2017 ни об Эболе, ни об углеродных выбросах ничего не говорится. О главных вызовах национальной безопасности США говорится следующее:

«Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание... В то же время диктаторские режимы Народно-Демократической Республики Корея и Исламской Республики Иран наме-

рены дестабилизировать свои регионы, угрожать американцам и их союзникам и притеснять свои собственные народы. Транснациональные группы, несущие угрозу, от террористов-джихадистов до международных преступных организаций, предпринимают активные усилия, направленные на нанесение ущерба американцам»⁴.

Военная стратегия Соединенных Штатов: место в ней России и Китая

Утвержденная 19 января 2018 г. национальная оборонная стратегия Соединенных Штатов призвана обеспечить реализацию — посредством военных инструментов — целей стратегии национальной безопасности США.

Соответственно, национальная оборонная стратегия США 2018 г. следующим образом определяет характер ВОЕННЫХ угроз Соединенным Штатам: «Центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является *восстановление долгосрочного стратегического соперничества* со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится все более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью»⁵.

Таким образом, новая американская оборонная стратегия на первый план ставит противостояние военным державам — прежде всего КНР и РФ, в меньшей степени КНДР и ИРИ. Что касается террористических группировок и организованной преступности, то борьба с данными вызовами американской национальной безопасности рассматривается в данном документе как второстепенная задача.

Авторы документа не скрывают своей тревоги по поводу того, что американские вооруженные силы утрачивают свое некогда неоспоримое и абсолютное превосходство. «На протяжении нескольких десятилетий Соединенные Штаты обладали неоспоримым или внушительным превосходством в любом операционном пространстве, — указывается в национальной оборонной стратегии. — Мы могли размещать наши войска там, где хотим, собирать их там, где хотим, и действовать так, как мы хотим. Сегодня же в любой сфере мы

сталкиваемся с противоборством — в воздухе, на земле, на море, в космическом и киберпространствах»⁶.

Говоря о современном военном потенциале России, западные аналитики указывают на российское превосходство в таких элементах военной мощи, как дальнобойная артиллерия, радиоэлектронная борьба, кибернетический потенциал и потенциал «гибридной войны»⁷. Особую тревогу у американской стороны вызывает то обстоятельство, что на востоке Европы американские ВВС и военно-воздушные силы их натовских союзников могут утратить столь привычное для них превосходство в воздухе. Размещение в калининградском эксклаве системы ПВО С-400 «Триумф» означает, что в случае вооруженного конфликта в Прибалтике Москва сможет установить бесполетную зону над всей территорией Литвы и третью территории Польши. Командующий ВВС США в Европе генерал Ф. Горенч выразил в связи с этим серьезную озабоченность⁸. В свою очередь, госдепартамент США также выразил озабоченность по поводу ракетных комплексов С-400 и «Искандер», переброшенных в Калининградскую область, подчеркнув, что они являются фактором, который «дестабилизирует европейскую безопасность»⁹. Американское военно-политическое руководство опасается того, что в случае широкомасштабного вооруженного конфликта на востоке Европы российская сторона может воспрепятствовать подходу американских подкреплений, реализовав в данном субрегионе стратегию anti-access/area denial¹⁰.

Как подчеркивается в Обзоре ядерной политики США, утвержденном в феврале 2018 г., «Россия рассматривает США и организацию Североатлантического договора (НАТО) в качестве главных угроз своим современным геополитическим амбициям. В российской стратегии и [военной] доктрине подчеркивается возможность... применения ядерного оружия. В этой доктрине ошибочно указывается, что угроза ядерной эскалации или фактического применения ядерного оружия первыми послужит “деэскалации” конфликта на выгодных для России условиях. Такое ошибочное восприятие увеличивает вероятность опасных просчетов и эскалации. Россия стремится обеспечить реализацию своей стратегии и доктрины путем всеобъемлющей модернизации своего ядерного арсенала... Помимо модернизации “унаследованных” советских ядерных систем, Россия раз-

разрабатывает и развертывает новые ядерные боеголовки и пусковые установки. Эти усилия включают многократную модернизацию каждой части российской ядерной триады: стратегических бомбардировщиков, ракет морского базирования и ракет наземного базирования. Россия также разрабатывает по меньшей мере две новые системы межконтинентальной дальности, гиперзвуковой глассадный аппарат и новую межконтинентальную ядерную подводную автономную торпеду с атомной силовой установкой. Россия обладает значительными преимуществами в производстве ядерного оружия и в нестратегических ядерных силах над США и союзниками. Она также создает большой, разнообразный и современный набор нестратегических систем, которые обладают двойным потенциалом (могут быть вооружены ядерным или обычным оружием). Эти системы театра действий и тактической дальности не подотчетны в соответствии с Новым договором СНВ, и модернизация нестратегических ядерных вооружений России увеличивает общее количество такого оружия в ее арсенале, значительно улучшая ее возможности доставки. Это включает производство, обладание и летные испытания крылатых ракет наземного базирования в нарушение договора о РСМД. Москва считает, что эти системы могут предоставить полезные варианты для преимущества эскалации. Наконец, несмотря на частую критику Москвы в адрес США по проблеме ПРО, Россия тоже модернизирует свои давние ядерные системы противоракетной обороны и разрабатывает новые баллистические перехватчики»¹¹.

В последние годы Китай также начал быстрыми темпами наращивать свой наступательный потенциал. Китайские военные теперь способны проводить в отношении США стратегию «ограничение доступа/воспреещение присутствия» (Anti-Access/Area Denial). Тем самым они сумели радикальным образом изменить привычное для США соотношение сил в регионе.

К тому же КНР сумела добиться количественного роста и качественного совершенствования своих стратегических ядерных сил. Как отмечается в докладе Министерства обороны США «Развитие военного потенциала и потенциала в области безопасности Китайской Народной Республики», опубликованного в апреле 2016 г., в настоящее время арсенал китайских МБР, способных достичь территории континентальных Соединенных Штатов, насчитывает от 75

до 100 единиц, включая жидкотопливные DF-5 и DF-5B (последняя — с РГЧ ИН) и твердотопливные DF-31 и DF-31A с мобильным стартом. В настоящее время в КНР ведутся НИОКР по созданию твердотопливной ракеты DF-41 с мобильным стартом и РГЧ ИН. Кроме того, на вооружении ВМС КНР находятся четыре ПЛАРБ «Джиуланг» (модель 094), оснащенные БРПЛ JL-2 с дальностью 7200 км¹².

Иными словами, китайские атомные субмарины нового поколения будут способны нанести удар по Соединенным Штатам, находясь вблизи китайских берегов под защитой ВМФ и ВВС КНР. Кроме того, осуществляется программа по переоснащению китайских межконтинентальных баллистических ракет разделяющимися головными частями индивидуального наведения и средствами прорыва противоракетной обороны. Тем самым Китай демонстрирует свою способность к ядерному сдерживанию США.

Очевидно, что абсолютному американскому военному превосходству в АТР брошен серьезный вызов, и с этим не могут не считаться американские военные.

Меняющееся соотношение сил в регионе заставило многих американских экспертов задуматься о возможности широкомасштабного военного американо-китайского конфликта и о его возможных последствиях. Летом 2016 г. был опубликован доклад, подготовленный сотрудниками американской корпорации «РЭНД», посвященный будущей войне между США и КНР¹³.

«Война между США и Китаем может быть такой разрушительной для обеих стран, для Восточной Азии и для всего мира, что может показаться немыслимой, — говорится в предисловии к докладу. — Но это не так: Китай и США уже конфликтуют из-за нескольких региональных проблем, которые могут привести к военной конфронтации между ними или даже применению оружия. Обе страны сконцентрировали мощные военные силы, действующие в непосредственной близости друг от друга. В случае инцидента или обострения обстановки обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы нанести удар по вражеским силам, прежде чем испытать удар с их стороны. И если начнутся военные действия, у обеих сторон будет в наличии достаточно сил, технологий, производственных мощностей и персонала для ведения вооруженной борьбы на огромных

пространствах суши, моря, воздуха, космоса и киберпространства. Таким образом, китайско-американская война, которая, возможно, будет большой и дорогостоящей, не является немислимой: напротив, она нуждается в дополнительном осмыслении»¹⁴.

При этом в докладе подчеркивается та мысль, что военные действия в случае американо-китайского конфликта могут пойти совсем не так, как это планировалось в Пентагоне, где еще совсем недавно не было и тени сомнений в американской победе в случае войны с Китаем: «Укрепление военного потенциала Китая, особенно в рамках осуществления стратегии “ограничения доступа/воспрещения присутствия” (A2AD), означает, что Соединенные Штаты не могут рассчитывать на получение оперативного контроля, уничтожения обороны Китая и достижение решительной победы в случае войны»¹⁵.

У американских экспертов имеются веские основания для столь пессимистических оценок. Так, по данным Пентагона, в настоящее время ВВС НОАК являются крупнейшими в Азии и третьими по мощи в мире, насчитывая 2800 самолетов (без учета беспилотников), из них 2100 ударных (включая истребители, бомбардировщики, истребитель-бомбардировщики и штурмовики). Военно-воздушные силы КНР стремительно сокращают разрыв с западными ВВС по целому спектру возможностей: от самолетов боевого управления и связи до самолетов систем радиоэлектронной борьбы (РЭБ). В настоящее время численность самолетов четвертого поколения в ВВС НОАК составляет около 600, и в ближайшие несколько лет они составят большинство среди ударных самолетов. В докладе министерства обороны США обращается особое внимание на то обстоятельство, что в ближайшее время на вооружение китайских военно-воздушных сил должно поступить 24 истребителя-бомбардировщика Су-35 российского производства с усовершенствованной РЛС. Кроме того, в 2015 г. в Китае начались испытания истребителей пятого и шестого поколений¹⁶.

Серьезную озабоченность американских военных вызвало переоборудование китайских бомбардировщиков типа Н-6 (аналог советского Ту-16) в носитель крылатых ракет большой дальности. Бомбардировщики такого типа, оснащенные ракетами «воздух—поверхность», способны нанести удар по любому объекту в западной

части Тихого океана. Боевые возможности этого самолета еще больше расширятся после того, как он будет оснащен системой для дозаправки топливом в воздухе.

Что касается китайской системы ПВО, то, по оценкам Пентагона, последняя является одной из самых мощных в мире. Ее основу составляют импортированные из РФ системы С-300ПМУ1/2 (натовское обозначение — СА-20) и системы ПВО китайского производства CSA-9 (HQ-9). Стремясь к дальнейшему улучшению своих систем ПВО, Китай планирует импортировать российский С-400 «Триумф», а также одновременно развивать свои аналоги CSA-X-19. В этой связи американские военные аналитики обращают внимание на то обстоятельство, что С-400 и CSA-X-19 могут создать основу для системы противоракетной обороны КНР¹⁷.

Китайская Народная Республика в последние годы добилась серьезного прогресса и в количественном наращивании и качественном совершенствовании своих управляемых ракет «поверхность—поверхность», способных наносить удары высокоточными боеголовками, в том числе по надводным судам. Противокорабельная баллистическая ракета «Дунфэн» 21 (модификации С и D) обладает дальностью от 800 до 1000 км. На вооружении НОАК имеются и крылатые ракеты наземного базирования CJ-10. Она имеет дальность стрельбы более 1500 км и обладает высокой точностью. Эти ракетные системы дают НОАК возможность атаковать корабли, включая авианосцы, в западной части Тихого океана¹⁸.

В последние годы ВМС КНР были оснащены новейшими образцами надводных и подводных кораблей как китайского производства, так и импортированных из России (эсминцы класса «Современный» и их китайский аналог «Лююань», всего шесть единиц), подводные лодки (класса «Кило» и их китайский аналог — подлодки типов «Сонг» и «Юань», всего 38 единиц). Эти подводные и надводные корабли оснащаются противокорабельными крылатыми ракетами (класса SS-N-22 «Солнечный ожог» и их китайские аналоги), а также системами ПВО, что позволяет им проводить операции вдали от родных берегов¹⁹.

Наконец, вооруженные силы Китая смогли существенно увеличить свои возможности в таких высокотехнологичных сферах вооруженной борьбы, как космос и киберпространство. Помимо разра-

ботки систем вооружений направленной энергии и спутниковых глушилок, Китай разрабатывает противоспутниковые системы и, как полагают американские военные эксперты, он испытал противоспутниковую систему в июле 2014 г. В 2013 г. Китай продемонстрировал свою способность запускать объекты на геостационарную орбиту.

Противоспутниковый потенциал КНР вызывает серьезную озабоченность у высокопоставленных американских военных. Так, выступая в Стэнфордском университете 26 января 2017 г., командующий Стратегическим командованием США генерал Дж. Хайтен заявил, что уже в недалеком будущем китайцы смогут угрожать любому американскому космическому аппарату, находящемуся на любой, в том числе и геостационарной, орбите. «Чтобы предотвратить это, мы должны быть готовы к войне, — подчеркнул Дж. Хайтен. — И все должны знать, что мы готовы к войне»²⁰.

НОАК продолжает укреплять свои военно-космические возможности, которые включают в себя спутниковую систему навигации «Байдоу» и космические средства наблюдения, способные отслеживать объекты по всему миру и в космосе. Китай стремится использовать космический потенциал для развития систем разведки, наблюдения и оповещения, работающих в реальном времени, что позволяет поднять на более высокий уровень командование и связь в ходе межвидовых операций.

Американские планы укрепления военной мощи

Чтобы противостоять этим вызовам, американское военно-политическое руководство считает необходимым осуществить широкомасштабные инвестиции в национальную оборону, с тем чтобы «восстановить боеготовность и обеспечить боевую мощь... Страна должна обладать достаточными и боеготовыми силами для нанесения поражения врагам и достижения таких результатов, которые обеспечат надежную безопасность американскому народу и защиту нашим жизненно важным интересам»²¹.

Для достижения этих целей американская национальная оборонная стратегия 2018 г. предусматривает модернизацию ядерных

сил, инвестиции в американские силы и средства, предназначенные для проведения операций в космическом и киберпространствах, дальнейшее развитие систем связи, вычислительных устройств, боевого управления, контроля, разведки и рекогносцировки (command, control, communications, computers and intelligence, surveillance, and reconnaissance (C4ISR)), развитие систем ПРО, борьбу с мобильными боевыми платформами в сфере действия вражеских систем ПВО и ПРО, увеличение возможностей американских вооруженных сил по осуществлению маневра и обороны в условиях nepřияте́льского нападения, инвестиции в автономные боевые системы с использованием элементов искусственного интеллекта и, наконец, укрепление устойчивости и надежности боевого снабжения и обеспечения²².

При выработке Обзора ядерной политики Соединенных Штатов, утвержденного министром обороны США в феврале 2018 г. (ОЯП-2018), американское военное ведомство руководствовалось, в первую очередь, ключевыми положениями новой Стратегии национальной безопасности, которую президент Трамп одобрил в декабре 2017 г., а также Национальной оборонной стратегии США (январь 2018 г.). В соответствии с этими переменами в американской стратегии национальной безопасности и оборонной стратегии, ОЯП-2018 предусматривает серьезные перемены в ядерной политике США. Как подчеркивается в данном документе, «со времени последнего ОЯП, подготовленного в 2010 г., ситуация в плане глобальных угроз, в том числе все более явных ядерных угроз со стороны потенциальных противников, заметно ухудшилась. Сегодня Соединенные Штаты оказались перед лицом ядерной угрозы, более сложной и разноплановой, чем когда-либо, когда потенциальные противники весьма активно реализуют свои программы разработки и развертывания ядерного оружия и средств его доставки»²³.

Соответственно, ОЯП-2018, в отличие от ОЯП-2010, предусматривает не сокращение роли ядерного оружия в американской военной стратегии, а, напротив, увеличение этой роли. Как говорится в документе, «в то время как Соединенные Штаты продолжают сокращать количество и снижать значимость ядерных вооружений, другие страны, в том числе Россия и Китай, движутся в противоположном направлении. Они пополняют свои арсеналы новыми видами ядерных средств, усиливают роль ядерных сил в своих стратегиях и пла-

нах и ведут себя все более агрессивно, в том числе в космическом пространстве и в киберпространстве»²⁴.

В этих условиях Пентагон готовится не сокращать, а наращивать и совершенствовать американский ядерный арсенал, развивая американскую стратегическую триаду (межконтинентальные баллистические ракеты [МБР], баллистические ракеты на подводных лодках [БРПЛ], стратегическую авиацию). Кроме того, американское военно-политическое руководство предполагает серьезно укрепить нестратегические ядерные силы США, а также системы боевого управления и связи.

Соединенные Штаты приступили к реализации Программы создания системы оружия наземного базирования для обеспечения стратегического сдерживания (Ground-Based Strategic Deterrent [GBSD]), в рамках которой в 2029 г. начнется замена ракет Minuteman III на более современную МБР. Эта программа предусматривает также модернизацию 450 пусковых установок для МБР.

Воздушный компонент американской ядерной триады состоит из 46 способных нести ядерное оружие стратегических бомбардировщиков В-52Н и 20 ядерных стратегических бомбардировщиков В-2А с низким уровнем демаскирующих признаков (типа «стелс»). Этот компонент, с точки зрения нынешней американской администрации, также должен подвергнуться модернизации. В Соединенных Штатах начата реализация программы создания и развертывания бомбардировщика следующего поколения В-21 Raider. В рамках этой программы предусмотрено усиление и последующая замена элементов обычных и способных нести ядерное оружие бомбардировщиков начиная с середины 2020-х годов.

Бомбы свободного падения В83-1 и В61-11 способны держать под угрозой самые разные защищенные цели. Поэтому оба вида бомб останутся в арсенале, по крайней мере до тех пор, пока в достаточной степени не будет подтверждена эффективность бомбы свободного падения В61-12, которая появится на вооружении в 2020 г. Начиная с 1982 г. бомбардировщики В-52Н оснащались КРВБ. Оснащенные КРВБ В-52Н способны действовать вне зоны противовоздушной обороны противника, оставаясь эффективными. Однако КРВБ выработали свой ресурс более 25 лет назад, и им противостоят постоянно совершенствуемые системы ПВО противника. В рамках

Программы замены крылатых ракет дальнего радиуса действия, применяемых вне зоны поражения ПВО (Long-Range Stand-Off [LRSO]) будут сохранены возможности бомбардировочной авиации для доставки оружия, применяемого вне зоны ПВО и способного прорвать комплексную систему ПВО, что должно обеспечить эффективность воздушного компонента триады в долгосрочной перспективе.

Существующие американские нестратегические ядерные силы оснащены исключительно небольшим количеством бомб свободного падения B61, которые находятся на вооружении истребителей-бомбардировщиков F-15E и самолетов двойного назначения союзников США (вроде «Торнадо»). В Соединенных Штатах планируется замена стареющих самолетов типа F-15E многоцелевыми истребителями F-35 передового базирования, способными нести ядерное оружие. В сочетании с продолжающейся программой продления срока службы бомбы B61 это будет иметь большое значение для поддержания стабильности сил сдерживания в Европе и для обеспечения безопасности союзников по НАТО.

Очевидно, что военно-политическая стратегия администрации Трампа предусматривает большую роль ядерного оружия, в том числе и в отдельных регионах мира. Американская ядерная мощь призвана обеспечить сдерживание как России, так и Китая.

Таким образом, новая американская администрация выработала СВОЮ стратегию национальной безопасности, основные положения которой радикальным образом отличаются от стратегии предшествующей администрации. Америка больше не уверена в своем глобальном лидерстве; она вынуждена вести ожесточенную борьбу с великими державами-противниками Соединенных Штатов, прежде всего с Китаем и Россией. И решающую роль в этом противостоянии должна сыграть американская военная, в том числе и ядерная, мощь.

Некоторые американские эксперты обращают внимание на то, что такая политика официального Вашингтона в отношении Москвы и Пекина способна лишь подтолкнуть их к взаимному сближению. Так, незадолго до своей кончины патриарх американской политологии З. Бжезинский указывал, что «Соединенные Штаты должны помнить о серьезной опасности заключения стратегического альянса между Китаем и Россией, к которому их может отчасти

подтолкнуть внутренняя политическая и идеологическая инерция, а отчасти непродуманная внешняя политика США... Для Соединенных Штатов не может быть ничего опаснее тесного союза этих двух держав»²⁵.

Следует отметить, однако, что в настоящее время среди американской политико-академической элиты превалирует иная точка зрения, в соответствии с которой Америка достаточно могущественна, чтобы сокрушить всех своих врагов — вопрос только в отсутствии политической воли (то ли из-за «мягкотелости» Обамы, то ли из-за «пропутинских симпатий» Трампа)²⁶.

Удивительно, но факт: в американском экспертном сообществе очень мало обсуждается как экономическое, так и политическое сближение РФ и КНР в последние годы, в том числе в формате таких многосторонних структур, как Шанхайская Организация Сотрудничества или БРИКС. Очевидно, что уже в который раз Соединенным Штатам придется убедиться в опасности «самонадеянности силы».

Примечания

¹ National Security Strategy. February 2015.

² National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. II, 1.

³ National Security Strategy. February 2015. P. 2.

⁴ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 3—4.

⁵ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States. P. 2.

⁶ Ibid. P. 3.

⁷ Thompson L. War In Europe: Why The Army Is Worried // Forbes. DEC 11, 2015. URL: <http://www.forbes.com/sites/lorenthompson/2015/12/11/war-in-europe-why-the-army-is-worried/#74b3ec673857>

⁸ Gladstone R. Air Force General Says Russia Missile Defense 'Very Serious' // The New York Times. Jan. 11, 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/01/12/world/europe/air-force-general-says-russia-missile-defense-very-serious.html?_r=2

⁹ Москва ответила на заявление США о переброске С-400 под Калининград. Подробнее на РБК: URL: <http://www.rbc.ru/politics/22/11/2016/58345fc99a7947dbf68149df>

¹⁰ SECRETARY OF DEFENSE ASH CARTER SUBMITTED STATEMENT TO THE SENATE ARMED SERVICES COMMITTEE ON THE FY 2017 BUDGET REQUEST FOR THE DEPARTMENT OF DEFENSE THURSDAY, MARCH 17, 2016. P. 11.

¹¹ Nuclear Posture Review 2018. P. 9—10.

¹² ANNUAL REPORT TO CONGRESS. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016. Office of the Secretary of Defense. Generated on 2016 April 26. P. 26—27.

¹³ *Gompert D., Cevallos A., Garafola C.* War with China: Thinking Through the Unthinkable. Santa Monica: RAND, 2016.

¹⁴ Ibid. P. i.

¹⁵ Ibid. P. ix.

¹⁶ ANNUAL REPORT TO CONGRESS... P. 30.

¹⁷ Ibid. P. 32.

¹⁸ Ibid. P. 25.

¹⁹ Ibid. P. 26—27.

²⁰ Pellerin Ch. Hyten: Deterrence in Space Means No War Will be Fought There // DoD News, Defense Media Activity. Washington, Jan. 26, 2017. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1061833/hyten-deterrence-in-space-means-no-war-will-be-fought-there>

²¹ National Security Strategy of the United States of America... P. 5.

²² Ibid. P. 6—7.

²³ Nuclear Posture Review 2018. P. V.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Бжезинский З.* Кризис мировой власти и тройственный союз США, Китая и России // Россия в глобальной политике. 9 января 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennyi-soyuz-SShA-Kitaya-i-Rossii-18528>

²⁶ *Kagan R.* The Twilight of the Liberal World Order // Brookings. Tuesday, January 24, 2017. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/>

*А.С. Давыдов**

ЗАПАД И ШОС: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ?

На первом этапе существования ШОС политические и политологические круги на Западе имели весьма ограниченную информацию о процессах, происходящих в рамках этой Организации. И вскоре появился целый ряд исследовательских работ, содержащих скептические и зачастую негативные оценки ее деятельности¹. Они были связаны, прежде всего, с региональным усилением Китая, укреплением российско-китайских отношений и прогнозировавшимся антизападным курсом этой вновь возникшей структуры. Одновременно Запад не исключал постепенной трансформации ШОС в военно-политический союз, способный стать неким евроазиатским аналогом и антиподом НАТО.

Однако по мере становления и укрепления ШОС оценка ее деятельности в западных публикациях становилась более объективной. Ее восприятие там постепенно менялось. Определенную роль, безусловно, сыграла констатация в Хартии ШОС и других ее документах того, что это не военная структура, а ее действия направлены не против третьих стран или иных международных организаций, а преследуют цели борьбы с новыми, нетрадиционными угрозами безо-

* *Давыдов Андрей Сергеевич*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».

пасности: международным терроризмом, религиозным экстремизмом, незаконным оборотом оружия и наркотрафиком.

Тем не менее настороженность у западных стран в отношении ШОС не исчезла и продолжает сохраняться поныне. В аналитических материалах некоторых политологов-исследователей из стран — членов ШОС причины такой настороженности и опасений видятся в том, что:

- происходит повышение уровня международного признания ШОС. Расширение ее состава за счет двух ядерных держав — Индии и Пакистана — якобы расценивается Западом как потенциальная угроза его стратегическим интересам в Азии;
- дальнейшее сближение позиций России и Китая и развитие их взаимоотношений с центральноазиатскими государствами неявно, но предполагает ограничение влияния Запада в регионе;
- участники ШОС неоднократно выступали с негативными заявлениями в адрес западных стран, включая США, выражая недовольство их политикой в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР). Они четко декларируют неприятие однополярного мироустройства и намерены действовать «не против Америки, но без нее»;
- особую обеспокоенность Запада вызывают проводимые странами — членами ШОС военные учения, а также кажущееся ему явным стремление к активизации роли Организации в урегулировании ситуации в Афганистане².

Следует особо выделить вопрос о взаимоотношениях ШОС и США, который актуален по целому ряду причин.

Во-первых, Америка уже на протяжении длительного времени не только рельефно обозначает свои интересы в регионе, входящем в сферу активности ШОС, но постоянно стремится к укреплению в нем своих позиций и укоренению присутствия.

Во-вторых, деятельность ШОС постоянно находится под пристальным вниманием соответствующих сегментов американской политической и политологической элиты. И, наконец, сама ШОС не может не учитывать влияния так называемого американского фактора в процессе своего развития³.

В момент создания ШОС в начале нынешнего века отношение к ней со стороны США можно было охарактеризовать как двойственное. С одной стороны, американцы не придавали Организации

должного значения, рассматривая ее как разновидность некоего «дискуссионного клуба», а с другой — с подозрительностью воспринимали ее как попытку сговора России и Китая совместно противостоять американскому проникновению в ЦАР.

США стали по-новому смотреть на ШОС после того, как она прошла определенный этап организационного и целевого становления, а желание присоединиться к ней стали высказывать, помимо первоначальных членов, другие государства. В 2005 г. статус наблюдателя в ШОС получил один из главных противников Вашингтона Иран. В 2006 г. этого статуса была удостоена Монголия, к которой США давно проявляют особо острый интерес. Союзники американцев Южная Корея и Турция также обнаружили заинтересованность в деятельности этой новой международной структуры. И, наконец, в 2017 г. членами ШОС стали партнеры США — Индия и Пакистан.

Таким образом, сегодня для Америки очевидно, что деятельность ШОС:

- не сводится только к противодействию наращиванию американского влияния в ЦАР;
- не ограничивается исключительно рамками этого региона.

Последнее могло способствовать усилению «антишосовских» настроений среди американской военно-политической элиты. К тому же достаточно болезненный осадок остался в США после принятия Советом глав государств ШОС еще на саммите 2005 г. Астанинской декларации, в которой высказывались сомнения по поводу целесообразности присутствия американских войск в Центральной Азии после окончания активной фазы антитеррористической операции в Афганистане.

С инициативой включения этого положения в декларацию выступил тогда, как известно, Узбекистан, который после событий в Андижане решил изменить подходы к сотрудничеству с США и Западом и, по крайней мере вербально, больше ориентироваться на Москву, Пекин и других членов ШОС.

Понятие «Центральная Азия» в американской политической традиции гораздо шире, чем в нашей, где оно синонимично «Средней Азии» и объемлет четыре бывшие советские республики — Узбекистан, Киргизию, Таджикистан и Туркмению. По представлению

Рис. 1. Страны Центральной Азии. *Источник:* URL: <https://ds03.infourok.ru/uploads/ex/126d/0000fccc-3cefd49a/img0.jpg>

американцев, оно включает помимо последних Казахстан, Афганистан, Пакистан, Монголию и Западный Китай (рис. 1).

Центрально-Азиатский регион стал приоритетным с точки зрения американских интересов безопасности после событий 11 сентября 2001 г. В Стратегии национальной безопасности США (2002 г.) Евразия впервые выдвинулась на ведущую позицию, потеснив по своей значимости Западное полушарие и Европу⁴.

Наряду с подозрением РФ и КНР в сближении на антиамериканской почве США нарекли ЦАР потенциальным центром сосредоточения исламского экстремизма и, мотивировав, таким образом, необходимость присутствия в этом регионе для борьбы с ним, одновременно вознамерились использовать возможность проникновения туда для воссоздания новых и освоения имеющихся энергоисточников, альтернативных ресурсам Саудовской Аравии.

Концептуально намерения США по укоренению в Центральной Азии вылились в «назначение» ими самих себя «евразийской держа-

вой» с одновременно сделанным выводом о необходимости трансформации роли НАТО, поскольку его поле деятельности в Европе якобы исчерпано и «будущее военной миссии альянса — в Азии», где «Соединенные Штаты должны реализовывать свои основные внешнеполитические приоритеты»⁵.

И вот уже на протяжении полутора десятилетий США предпринимают явные и скрытые попытки так или иначе расколоть ШОС. Для этого они используют различные способы и средства. Пытаются создавать военные базы на территориях стран — членов Организации. Заявляют о своем стремлении присоединиться к ней в качестве наблюдателя либо партнера по диалогу. Предлагают проекты формирования альтернативных антитеррористических структур в ЦАР с участием «избранных» членов ШОС. И, наконец, инициируют осуществление так называемых цветных революций в тех странах — членах Организации, которые считаются ее «наиболее слабыми звеньями».

В 2005 г. таким «слабым звеном» американцы сочли Киргизию. Приход к власти в ней Курманбека Бакиева породил у США надежды на укрепление своего влияния в этой стране. Спустя короткое время состоялась попытка повторения киргизского сценария в отношении Узбекистана, закончившаяся, как известно, упомянутыми выше андижанскими событиями.

Последовавшее реструктурирование политики США в Центральной Азии предполагало обновление курса в этом регионе через реализацию совместно разработанного американскими дипломатами и политологами нового плана по установлению тесной связи между Центральной и Южной Азией через Афганистан, ставшего частью так называемой Программы партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии.

В ней предусматривалось взаимодействие американской стороны на двусторонней основе и в многостороннем формате с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном. При этом роль ШОС как таковой и ее основных членов — КНР и РФ — в этом документе умышленно игнорировалась. Таким образом, четко проявилась взятая на вооружение американской стороной тактика на раскол рядов ШОС и отрыв остальных членов Организации от ее центрального ядра — России и Китая.

В 2015 г. тогдашний госсекретарь США Дж. Керри запустил новый геополитический проект C5+1, включавший диалог на уровне министров иностранных дел Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана и США, первоначально прошедший в Самарканде. Вторая встреча в данном формате состоялась в августе 2016 г. в Вашингтоне. Идею администрации Б. Обамы поддержали его преемники. Первый глава внешнеполитического ведомства в правительстве Д. Трампа Р. Тиллерсон провел встречу с министрами иностранных дел государств Центральной Азии в Нью-Йорке.

Комментируя характер этих встреч, министр иностранных дел РФ С. Лавров отметил, что по замыслу и содержанию интерес к ним со стороны США продиктован не целями экономического или транспортного развития указанных стран, а чистой геополитикой. Так или иначе, не имеющий никакого формального статуса формат C5+1 подвергает эрозии сложившуюся в регионе договорно-правовую систему и действующие в нем международные организации.

В частности, следует обратить внимание на попытки перехвата структурами США и НАТО контроля над подготовкой военных специалистов в этих странах в противовес ОДКБ, с которой они связаны определенными обязательствами. Американцы вкладывают значительные средства в подготовку высококомобильных подразделений армий стран региона, спецназа и охраны первых лиц государств, усиливают темпы обучения элитных военных подразделений Таджикистана, Узбекистана, Казахстана. Организовано обучение в США офицерского и старшего командного состава вооруженных сил этих стран. Осуществляются программы сближения параметров армий Центральной Азии со стандартами НАТО. Казахстан проводит с альянсом совместные учения «Степной орел», на которые Россия не приглашается даже в качестве наблюдателя⁶.

По мнению некоторых российских экспертов, Узбекистан наряду с Туркменией, которая, правда, не является членом ШОС, относятся сегодня к тем странам, которые в наибольшей мере интересуют США в Центральной Азии, так как они «еще не сформулировали своего геополитического выбора» в отличие от Казахстана и Киргизии, якобы «включенных в российскую сферу влияния», и Таджикистана, который «туда движется, несмотря на растущее влияние КНР на Душанбе»⁷.

Рассматривать позицию Узбекистана и ситуацию в нем целесообразно на фоне его взаимоотношений с другим явным лидером регионального развития в Центральной Азии, крупнейшей в экономическом и демографическом отношениях страной — Казахстаном, тесные связи и взаимодействие с которой на двустороннем уровне порою выходят за рамки ШОС.

По заверениям источников в обеих странах, у них нет серьезных расхождений по всему спектру вопросов региональной безопасности. Им удалось в свое время решить вопросы делимитации и демаркации почти всех участков общей границы. У Узбекистана с Казахстаном почти нет таких производственных секторов, где национальные производители конкурировали бы между собой. По данным 2015 года, взаимный товарооборот между ними составлял около 2 млрд долл., и в ближайшем будущем планируется довести его до 5 млрд долл. Хуже со структурой этого товарооборота. Уже многие годы основные статьи его остаются неизменными, и важнейшей задачей в среднесрочной перспективе является его диверсификация.

Единой является позиция двух стран по такому важному, остроуму и деликатному для засушливых зон Средней Азии вопросу, как региональное вододеление, планы регулирования стоков Сырдарьи и Амударьи. Одинаковы также взгляды Узбекистана и Казахстана в отношении афганского урегулирования: мирное разрешение конфликта при сохранении территориальной целостности Афганистана желательно с учетом интересов всех группировок, которые участвуют в афганских процессах.

В Казахстане реализуется программа форсированного и инновационного развития, а в Узбекистане продолжается осуществление активной промышленной политики, создание индустриальных кластеров, формирование новых отраслей, увеличение доли промышленности в ВВП. Таким образом, в двух странах синхронно идут процессы, которые взаимно усиливают их экономический потенциал, создают возможности для большего взаимодействия их экономик, серьезного и долгосрочного сотрудничества.

Воспрепятствовать ему, однако, могут расхождения, существующие у них в политико-военной сфере. Казахстан участвует в тех или иных постсоветских структурах — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийском экономическом союзе

(ЕАЭС), а Узбекистан — нет. Свое членство в ОДКБ он приостановил в 2013 г. Это создает определенные ограничения для сотрудничества в военно-технической области.

Что касается ЕАЭС, то даже сами узбеки признаются, что с точки зрения экономической целесообразности участие в этом объединении для их бизнеса является выгодным, поскольку перед ним возникают проблемы при экспорте в страны ЕАЭС своей продукции. Но экономику перевешивают политические соображения: нежелание поступиться суверенитетом, неготовность в рамках собственной протекционистской политики передать на наднациональный уровень даже часть полномочий по реализации таможенной тарифной политики, регулированию банковской сферы, определению фитосанитарных норм. Политика Узбекистана по дистанцированию от интеграционных проектов касается не только России, но и Китая, который продвигает, в частности, идею формирования зоны свободной торговли ШОС.

И такой разобщенностью среди членов ШОС могут легко воспользоваться Штаты, если вознамерились еще больше углубить отрыв Узбекистана от этой структуры. Тем более что анализ последних событий показывает: в отношениях между США и Узбекистаном по инициативе Вашингтона начался новый виток сближения.

Если говорить об экономическом сотрудничестве, то, по данным МИД Узбекистана, в 2016 г. объем американо-узбекской торговли составлял всего 454 млн долл. Начало «новой эре» в торгово-экономических отношениях двух стран положила реформа 5 сентября 2017 г., в процессе которой Узбекистан девальвировал свою валюту и сделал ее полностью конвертируемой. Это резко повысило привлекательность страны для зарубежных инвесторов.

В настоящее время 164 предприятия, частично принадлежащие США, имеют инвестиции в Узбекистане в объеме более 1 млрд долл. Во время делового форума США—Узбекистан, состоявшегося в Нью-Йорке 20 сентября 2017 г., узбекская делегация во главе с президентом страны Ш. Мирзиевым подписала контракты на сумму 2,6 млрд долл., среди которых соглашения об экспорте урана и импорте самолетов, а также о сотрудничестве в нефтегазовой, нефтехимической, электронной и машиностроительной отраслях. После

13-летнего перерыва возобновляет работу с Узбекистаном экспортно-импортный банк США⁸.

Взаимодействие с Западом и США будет реализовываться и уже реализуется в виде партнерских проектов и получения грантов на углубление сотрудничества в военно-технической отрасли и в сфере образования. Если зависимость от военных поставок из США будет усиливаться, со временем это может свести российско-узбекское сотрудничество к минимуму.

Со своей стороны, американцы неуклонно стремятся минимизировать базис для развития сотрудничества между Ташкентом и Москвой. Вашингтон рассматривает Узбекистан в качестве наиболее удобного плацдарма распространения своего влияния в Центральной Азии. Средства, выделенные США на пропаганду и развитие демократии в Узбекистане и других странах ЦАР, — одна из важнейших составляющих плана по закреплению американского влияния в регионе, нацеленного на разрушение суверенитета расположенных там государств. Даже такому сильному лидеру, как Шавкат Мирзиев, непросто просчитать истинные замыслы его американских партнеров. В будущих взаимоотношениях с ними не исключено то, от чего он старательно дистанцирует свою страну в ШОС: расплатой за получаемые сегодня кредиты может стать ее независимость.

Другая бывшая советская республика из числа нынешних членов ШОС, в опоре на которую США рассчитывают реализовывать свою стратегию в Центральной Азии, — Казахстан. 16—18 января 2018 г. с официальным визитом в Вашингтоне находился его президент Н. Назарбаев. Итог визита — подписанные с крупнейшими американскими компаниями соглашения на 7,5 млрд долл., повышающие инвестиционную привлекательность этой страны.

По состоянию на сентябрь 2017 г. США с общим товарооборотом в 1,1 млрд долл. занимали 7-е место среди экономических партнеров Казахстана. При этом по сравнению, например, с 2014 г. произошло его более чем двукратное снижение, объясняемое казахстанскими экспертами «значительным понижением цен на ресурсы, так как в структуре казахстанского экспорта существенное место занимает поставка на американский рынок урана, желтого фосфора, тантала, серы»⁹.

На середину 2017 г. в Казахстане действовало порядка 500 американских компаний, а особой сферой американо-казахстанского сотрудничества являлся нефтегазовый сектор. Но современный уровень отношений двух государств определяют не только торгово-экономические связи, но и заметное место Казахстана в евразийской политике как члена ЕАЭС, ШОС и ОДКБ.

Активная роль Н. Назарбаева в нормализации российско-турецких отношений, более высокая эффективность астанинской переговорной площадки по разрешению вооруженного конфликта в Сирии по сравнению с женовской, особо доверительные отношения Казахстана как с Россией, так и с КНР — все это не осталось незамеченным в США.

В то же время Вашингтон должным образом оценил обозначенное в ходе визита желание Назарбаева установить «расширенное стратегическое партнерство» с Америкой, его интерес к развитию упомянутого выше формата C5+1, а также поддержку Штатами независимости и территориальной целостности Казахстана. Заявив на встрече с Д. Трампом, что «Казахстан является другом Соединенных Штатов», его президент продемонстрировал, что он не прочь уравновесить, таким образом, влияние Москвы в регионе¹⁰.

Создалось впечатление, что Астана готова занять место Москвы везде, где получится. Тем более что, по словам Назарбаева, отношения США с Россией «ушли на ноль». Экономически это уже происходит, причем не только в области производства цветных металлов на базе, доставшейся Казахстану в наследство от СССР. Трамп предложил казахам сотрудничать в космосе, помятуя про расположенный на их территории Байконур.

С другой стороны, существует мнение, что, приближая к себе Назарбаева, известного предрасположенностью и склонностью к проведению многовекторной политики, американцы пытаются проложить еще один путь к обеспечению контроля над Центральной Азией — ключевым маршрутом транзита в китайском проекте «Один пояс, один путь».

Пресечь его им вряд ли удастся, но само присутствие с опорой на дружественные режимы бывших советских республик в этом регионе позволит США не только влиять на Китай, но обосноваться в так называемом мягком подбрюшье России — зоне, где у нас отсут-

ствуют по-настоящему оборудованные границы. А это, по словам незабвенного З. Бжезинского, «определяет контроль над всей Евразией». Таким образом, визит Назарбаева выявил также намерение Вашингтона путем вмешательства в дела Центральной Азии начать вмешиваться и в дела тех стран, которые прямо делать этого не позволяют.

И, наконец, по версии журнала «The National Interest», Казахстан привлекает США в качестве посредника между Америкой и Россией, поскольку уже давно выступает как «мостик» в трудных переговорах между РФ и Западом¹¹.

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам:

1. Сегодня ШОС как геополитическая структура не выглядит в глазах Запада монолитным блоком, каковым представлялась порою несколько лет назад. Это обусловлено разнонаправленностью геостратегических целей отдельных членов Организации, внутренней конфликтностью между некоторыми из них, а также расширением ее членского состава.

2. Отсутствие твердых внутренних скреп и общеприемлемой единой программы действий Организации, замененной ее Стратегией, представляющей по существу декларацию о намерениях, заставляет ведущих членов ШОС — КНР и Россию — искать пути достижения целей, обусловленных их собственными национальными интересами, помимо или в обход ее каналов — через реализацию инициативных проектов или создание параллельных структур («Один пояс, один путь», ОДКБ, ЕАЭС и т. п.).

3. Подобная внутренняя аморфность ШОС в условиях борьбы с Западом за формирование многополярного мира против сохранения монополярности, безусловно, ослабляет Организацию и облегчает западным странам, включая США, задачу уменьшения влияния ШОС в мире, несмотря на представительный характер ее экономических и демографических параметров. Ее решение достигается Западом путем изыскания в ШОС «слабых звеньев» с целью внесения раскола в ее ряды.

4. В целях сохранения организационной структуры ШОС членам Организации необходимо, по возможности, преодолеть или ми-

нимизировать внутренние распри и конфликты, четко определив эффективную и приемлемую для всех программу ее действий.

В то же время, ослабив конфронтационную составляющую, целесообразно усилить взаимодействие с Западом по актуальным проблемам современной международной жизни, представляющим обоюдный интерес.

Не следует открыто противостоять или препятствовать стремлению Запада и США к расширению связей с ШОС. Необходимо, работая на опережение, иметь в запасе ряд предложений на случай активизации их желания быть привлеченными к сотрудничеству с ШОС. Предложенная самой Организацией программа такого вовлечения обеспечит ей лидерство и инициативу в развитии контактов с западным миром.

Конкретными сферами таких контактов, прежде всего, могут быть те, в которых заинтересованы обе стороны, — терроризм, борьба с наркотрафиком, Афганистан и т. п. В нынешних условиях можно было бы предложить США выступить совместно инициаторами привлечения ШОС к упорядочению ядерных арсеналов в тех азиатских странах, которые продолжают наращивать их, включая КНДР, в целях последующего их сокращения в рамках борьбы с угрозой ядерного терроризма.

Однако, предлагая взаимодействие Западу, не следует упускать из виду те потенциально негативные моменты, которые могут возникнуть для Организации при налаживании таких контактов. Например, создание ситуации, при которой в руках Запада могут оказаться рычаги, позволяющие влиять на ШОС изнутри, препятствуя ее структурному укреплению.

Чтобы этого не случилось, ШОС следует продолжить консолидацию своих экономических, политических, военных и специальных структур в целях дальнейшей самоидентификации.

Примечания

¹ См.: *Изимов Р.* Проблемы взаимодействия ШОС и стран Запада // *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 14. Вып. 2. 2011. С. 160.

² Там же. С. 161—162.

³ См.: *Давыдов А.С.* К вопросу о взаимоотношениях ШОС и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2010. Т. 15. № 15. С. 68—76.

⁴ URL: <http://press-unity.com/stati/8072.htm>

⁵ Ibid.

⁶ URL: <http://vpoanalytics.com/2018/02/20/s5-1-protiv-shos-konkurenciya->

⁷ URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20141205/224728565.html>

⁸ URL: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/10

⁹ Американский проект предполагает отрыв Казахстана от Китая и России. URL: <http://samonitor.kz/30308/>

¹⁰ Казахстан впустил Америку в «мягкое подбрюшье» России. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/190733>

¹¹ URL: <http://www.nalin.ru/zachem-na-samom-dele-nazarbaev-letal-v-ssha>

*Ю.В. Морозов**

«ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ» СТРАТЕГИЯ ТРАМПА КАК УГРОЗА ИНТЕРЕСАМ КИТАЯ И РОССИИ В АТР

В 2017 г. администрация Трампа издала ряд документов, излагающих основы американской политики в современном мире. Среди них особо важным является «Стратегия национальной безопасности», которая была опубликована в конце года¹. В ней немалое место уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), ряд стран которого Д. Трамп посетил в ноябре 2017 г.

В преддверии визита Трампа в Индию, 18 октября, госсекретарь Р. Тиллерсон выступил с речью, содержащей ряд установочных заявлений о политике США в АТР². А в январе 2018 г. глава Пентагона Дж. Мэттис артикулировал свое видение тенденций, происходящих в этом регионе. Согласно его заявлению, «американские дипломаты всегда будут выступать “с позиции силы” благодаря мощи вооруженных сил страны»³ (рис. 1).

На практике эти заявления подтверждены следующими акциями 45-го президента США: в 2017 г. он ввел новую американскую стратегию в Афганистане; вывел США из «Транстихоокеанского партнерства» (ТТП); поставил крест на «Трансатлантическом партнерстве» (ТАП) и заявил, что в регионе будет проводить «индо-тихоокеанскую» стратегию (IPS/ИТС).

* *Морозов Юрий Васильевич*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Рис. 1. Азиатско-Тихоокеанский регион.

Источник: URL: <https://im0-tub-ru.yandex.net/?id=0540160515157ee370fc552b3c98be1d->

Стратегия США в АТР —

вызов для национальных интересов Китая и России

В интерпретации Вашингтона, ИТС — это стратегия, проводимая на обширном пространстве «от западных берегов Индии до западного побережья США»⁴. Это пространство, включая страны региона, расположенные там, нужно Соединенным Штатам для того, чтобы сбалансировать усиление Китая в Восточной Азии, которая является естественной «осью» АТР. И тот, кто контролирует Восточную Азию, — управляет АТР и впоследствии — целым миром. Поэтому «нарезка» ИТС практически соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США (рис. 2).

Как считает эксперт Российского совета по международным делам И. Кравченко, «для Трампа важно установить тесное взаимодействие с ведущими странами в регионе (рис. 3).

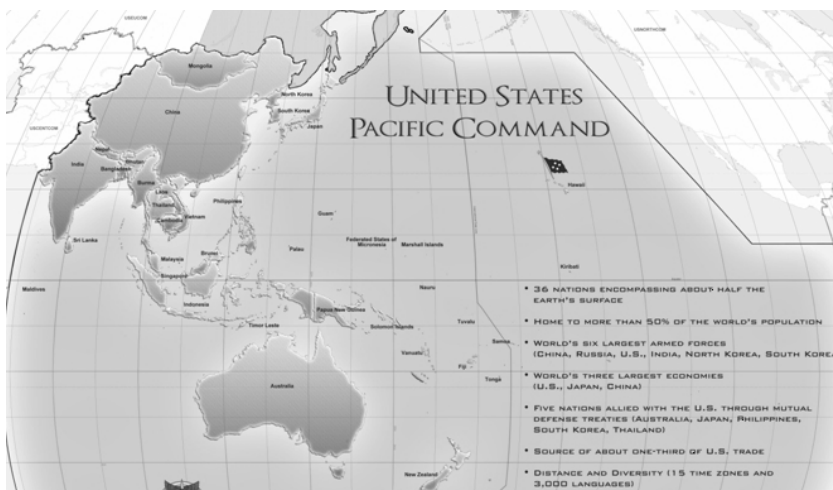

Рис. 2. Зона ответственности Тихоокеанского командования США.

Источник: URL: <http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/20180314-morozov.png>

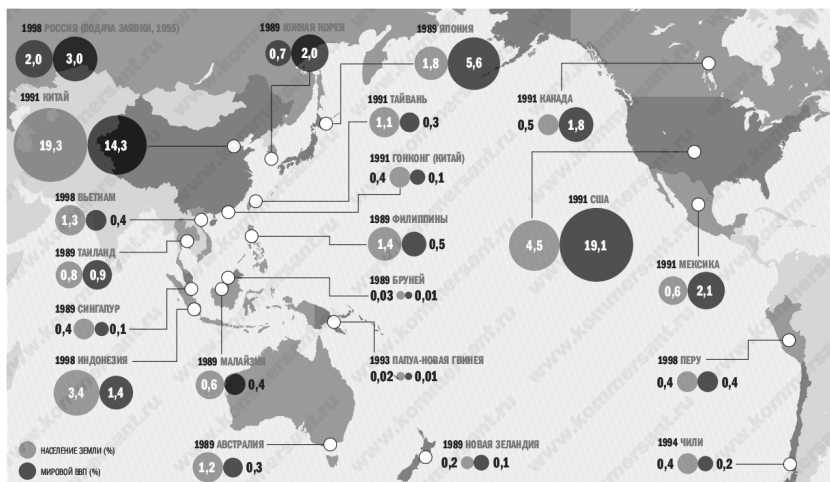

Рис. 3. Доля стран АТР в мировой экономике и в населении планеты.

Источники: URL: <http://argumenti.ru/images/arhnews/457980.gif>

Речь идет о своеобразной военно-политической оси, соединяющей США, Индию, Японию, Южную Корею и Австралию с учетом их противоречий с Китаем, который строит новые острова в Южно-Китайском море для создания там военных баз. Пекин также активно спонсирует портовые проекты в Пакистане и на Шри-Ланке. Рост влияния Китая в АТР вызывает озабоченности у Индии и других стран региона, у которых есть нерешенные вопросы с КНР»⁵.

В связи с этим Трамп видит АТР именно в качестве «Индо-Тихоокеанского» региона, а не «Азиатско-Тихоокеанского», и намерен укреплять отношения со странами ИТС. Для этого ему нужны новые военные контракты и диверсификация рынка на пространстве ИТС и привлечение региональных инвесторов в проекты США.

Как отмечает в книге «Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность» О. Арин, важность ИТС для Вашингтона вызвана потребностью в военно-политическом сохранении господствующих позиций США на Тихом океане и в Восточной Азии⁶. И, несмотря на истерику американских СМИ, связанную с якобы имевшим место вмешательством России в американские выборы, Белый дом видит геополитическую угрозу не в ней, а в Китае. Это зафиксировано в Стратегии безопасности США 2017 г. Их главным соперником этот документ первым называет именно Китай, а только потом — Россию. В перечне региональных приоритетов американской внешней политики. Также в ИТС в качестве угрозы американская стратегия ставит на первое место опять Китай. Как отмечает доцент МГИМО (У) А. Безруков, «Трамп в своей стратегии официально закрепил признание того, что конфликт с КНР — неизбежен»⁷. Это уменьшает взаимозависимость двух экономик и усугубляет противоречия США и КНР по целому спектру проблем. При этом антикитайский поворот — это больше, чем обострение отношений. Америка занимает «новую линию обороны», продолжая быть лидером глобального англосаксонского мира, включающего не только США, Великобританию и Канаду, но и Австралию, Индию, Новую Зеландию, а в будущем — некоторые другие страны⁸. Это позволяет Вашингтону использовать проамериканских акторов, которые будут пытаться «размывать» влияние Пекина. Такие надежды США возлагают в первую очередь на Индию. Именно она по своим показателям способна сбалансировать Китай. Так, к 2030 г. числен-

ность жителей Индии может превзойти китайскую, причем они будут гораздо моложе стареющего населения КНР, что скажется на темпах роста экономики. К 2050 г. индийская экономика может стать второй в мире по объему ВВП, уже сегодня ее темпы роста превышают китайские⁹.

Однако существенным вопросом остается — насколько сама Индия готова к миссии главного партнера США, поскольку эта роль неизбежно означает усиление противостояния Китаю. Нью-Дели пока ведет себя в отношении Пекина достаточно осторожно, и нет оснований говорить о том, что Индия отказалась от своей линии «стратегической автономии», которая подразумевает избегание тесных военно-политических альянсов с великими державами. Показательно и то, что Нью-Дели не готов участвовать в совместном патрулировании с ВМС США в Южно-Китайском море для поддержания «свободы мореплавания», чего очень бы хотели в Вашингтоне. Кроме того, в июне 2017 г. Индия стала полноправным членом ШОС наравне с Китаем и Россией.

Фактором, существенно влияющим на стратегию Трампа в АТР, является ракетно-ядерная программа Северной Кореи, представляющая угрозу для США, что отразилось на американских отношениях с Японией и Китаем. На пресс-конференции 6 ноября 2017 г. премьер-министр Японии и президент США заявили, что будут усиливать давление на КНДР, которая продолжает разрабатывать ядерное оружие¹⁰. При этом Вашингтон рассчитывает, что Пекин, контролирующий большую часть внешнеэкономических контактов КНДР, способен заставить Пхеньян «образумиться» за счет применения к нему экономических санкций и других рычагов. В обмен на сотрудничество Белый дом даже был готов пойти на уступки Пекину в сфере торговли и по проблемам Тайваня и Южно-Китайского моря.

Однако далеко не все в Вашингтоне верят в то, что Китай готов помогать США в решении северокорейской проблемы. Так, сенатор-республиканец Т. Коттон уверен, что Китай ведет «двойную игру». По его мнению, наличие ядерной Северной Кореи выгодно Пекину, это отвлекает внимание США от экономической экспансии Китая и других его действий, предпринимаемых в АТР¹¹. Ему вторит политик П. Рон, который считает, что «в одиночку Китай и Россия

очень уязвимы, но вместе они дополняют друг друга и сильны, что представляет прямую угрозу для США»¹².

Это сказывается на направлениях противоборства с КНР и РФ, где первым вектором является наращивание экономического и военного потенциалов США за счет ускорения роста и модернизации экономики, укрепления вооруженных сил и создания «мобилизационного» резерва техники и вооружения, который будет необходим, если противостояние с РФ и КНР перейдет в «горячую фазу». Показательным примером в этой области является бюджет США на оборонные потребности, который включает 617 млрд долл. финансирования основных потребностей и операций Пентагона, дополнительные 69 млрд долл. из фондов военного времени, а также 30 млрд долл. на программы ядерного вооружения, включая расходы на программы министерства энергетики в этой сфере. В целом расходы на национальную оборону в США вырастут до 716 млрд долл. При этом основные противники для Вашингтона, с которыми он намерен вступить в соревнование, являются Пекин и Москва¹³.

Вторым примером является перевод военно-стратегической конкуренции с Китаем и Россией в новые области, способные обеспечить доминирование США на следующие десятилетия, в первую очередь — в космос и киберпространство. Что касается Китая, то в последнее время рост его оборонного бюджета несколько замедлился. Однако в военные расходы этой страны не включены НИОКР и ОКР. При этом бюджет КНР предполагает только серийные закупки вооружения. А разнообразные исследования в сфере обороны идут очень напряженно. В частности, к 2030 г. страна намеревается стать мировым лидером в области искусственного интеллекта. Научные поиски нарастающими темпами идут и в других сферах. Но увидеть результаты этой работы можно будет только тогда, когда начнутся массированные серийные закупки перспективного вооружения. То есть ответ в Пекине на стратегию США в АТР готовят, и готовят давно.

Еще одним направлением будет попытка задействовать проамериканский альянс против своего главного конкурента — Китая, привлекая для этого Индию, Японию и иные государства. Однако их желание стать инструментом США в противостоянии с КНР, а тем более с Россией на стороне Китая — неочевидно¹⁴. У Вашингтона есть еще одна опция для противостояния Китаю и России — развя-

зать в АТР серию конфликтов. Такие дестабилизирующие региональную безопасность конфликты уже наблюдаются на Ближнем Востоке. Но в АТР они могут стать в лучшем случае «партизанскими», а в худшем — последней мировой войной для человечества.

В целом реализация стратегии ИТС представляет вызов для китайских национальных интересов в АТР. Она подразумевает неприятие инициативы КНР «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), которая, по мнению Вашингтона, создает угрозу экономическому доминированию Китая в Азии¹⁵. Американская стратегия в АТР — это также свобода действий для ВМС и ВВС США во всех акваториях Тихого и Индийского океанов в соответствии с принципом «свободы мореплавания». А попытки Пекина установить суверенитет над Южно-Китайским морем, а также его территориальные споры в регионе рассматриваются Вашингтоном как посягательство на принцип «свободы и открытости». В стратегию ИТС укладываются и адресуемые Китаю обвинения США в «подрыве суверенитета соседних стран» и превращении их в своих «сателлитов»¹⁶.

Что касается России, то смещение геополитического и военного акцентов Вашингтона на запад от Малаккского пролива частично ослабит российское влияние в АТР. В настоящее время в Тихом океане позиции РФ, кроме военных, не особенно сильны, а в Индийском они не сформированы. Однако они есть в регионах Азии, намеренно исключенной Трампом из нарезки ИТР, где соперничество между Москвой и Вашингтоном нарастает. Это касается предложений Москвы по ядерной программе Пхеньяна. Выступая на пресс-конференции, посвященной итогам своего турне в 2017 г., Трамп подчеркнул, что США не примут российский план «двойного замораживания» по КНДР, который предполагает остановку Пхеньяном любых ядерных испытаний с одной стороны, а Соединенными Штатами и Южной Кореей крупномасштабных военных учений — с другой.

Это касается важнейшего субрегиона АТР — Северо-Восточной Азии (СВА), которая превращается в мощный плацдарм роста и является перекрестком геополитических интересов РФ, КНР и США (рис. 4).

В процессах, происходящих в СВА, все большую роль играют транснациональные политические и экономические организации

Рис. 4. Северо-Восточная Азия как субрегион АТР.

Источник: URL: <http://900igr.net/up/datas/148573/005.jpg>

(БРИКС, ЕАЭС и ШОС), где Россия и Китай играют значимую роль, что не по нраву Вашингтону.

Анализируя подходы к стратегии США в другом важном субрегионе АТР — Центральной Азии (ЦА), необходимо выделить два момента, обуславливающих наличие вызовов для России. Первый — политика Вашингтона нацелена на формирование «Большого Ближнего Востока» (ББВ), а также на вовлечение стран региона в сферу своего влияния (рис. 5).

В рамках ББВ администрация США рассматривает ЦА как объект расширения зоны ответственности, которая охватывает «дугу нестабильности» (Афганистан, Иран, Пакистан) и ряд других государств региона. И второй — решения, принимаемые Д. Трампом на этом направлении, остаются в русле стратегии его предшественника и подчинены решению афгано-пакистанской проблемы. При этом взаимодействие с военно-политическими и экономическими орга-

Рис. 5. Большой Ближний Восток по взглядам США.

Источник: URL: http://present5.com/presentation/41232487_233702920/image-1.jpg

низациями с участием РФ и КНР (ОДКБ и ШОС) — не предусмотрено.

Тем не менее в российско-американских отношениях летом 2018 г. произошел определенный сдвиг. Главной сбывшейся надеждой первой полноценной встречи В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки оказалось отсутствие больших сюрпризов. Президенты не поставили друг друга в неловкое положение провокационными идеями — ни хотя бы сколько-нибудь реализуемыми, ни изначально фантастическими, а, наоборот, аккуратно подыгрывали друг другу в особо острых моментах. Это не похоже на начало прекрасной дружбы, но и повода к новому обострению встреча не выявила: для саммита президентов двух стран, регулярно сталкивающихся в разных сферах и регионах мира, чьи отношения уже переведены на язык взаимных санкций, это не самый худший результат.

Судя по итоговой пресс-конференции, предварённой компактными выступлениями обоих лидеров, два часа, которые Путин и Трамп провели наедине, прошли в достаточно интенсивном обще-

нии. Так или иначе, в своих выступлениях президенты упомянули практически все важные темы потенциальной повестки, которую накануне саммита обсуждали эксперты — пусть и в предельно коротком, чуть ли не Twitter-формате, — в том числе вопрос российского вмешательства в выборы президента США в 2016 г. Потенциально самый конфликтный вопрос оказался возможностью поддержать друг друга, оставшись при этом при своем. Не случайно ни тот ни другой президент даже не произнесли слова «санкции», а, упомянув Крым, заявили только о неизменной разнице позиций — и двинулись дальше. По итогам встречи Путин и Трамп не связали себя никакими обязательствами — ни устными, ни тем более письменными: итогового коммюнике после встречи не было, хотя в дипломатическом языке наверняка найдутся формулы переложения на официальный язык того, о чем президенты говорили на пресс-конференции. Такой исход выглядит отчасти проигрышным на фоне результата встречи Трампа с Ким Чен Ыном, по итогам которой было согласовано общее заявление, тем более что их переговоры были первым контактом лидеров двух стран, находящихся в состоянии куда более драматичного конфликта, фактически преддверия войны не дипломатов, а ракет¹⁷.

Эволюция взаимоотношений России и США

Если оценивать нынешние российско-американские отношения, то в настоящее время их можно охарактеризовать как «холодная война-2». Это связано с событиями на Украине, в Сирии, в Афганистане и антироссийскими санкциями. Еще одна проблема российско-американских отношений обусловлена «вмешательством» РФ в американский избирательный процесс. Вашингтон настаивает на том, что Москва вторглась в эти выборы в 2016 г. с помощью киберопераций. Поэтому в доктрине национальной обороны Пентагон поставил соответствующую деятельность в число главных угроз США. Трамп также обвиняет Москву в подрыве нефтяного эмбарго, которое он хочет ввести против Пхеньяна, а Россия вставляет ему «палки в колёса». Сильна напряженность и вокруг Ирана, где Вашингтон активно поддерживает протестные движения, а Москва ви-

дит в этом устремления США сменить режим в стране посредством проведения там «цветной революции».

Эти разногласия создают атмосферу сильнейшего недоверия между Москвой и Вашингтоном. Так, в 2018 г. администрация Трампа и конгресс почти единогласно проголосовали за новые санкции против России. Свидетельство тому — очередная порция антироссийских санкций в виде опубликованного 31 января 2018 г. «черного списка», куда вошли политики и бизнесмены, поддерживающие президента В. Путина. Упорство США в проведении санкций против РФ объясняется недовольством Вашингтона тем, что Россия «обошла» США в Сирии¹⁸. Поэтому Вашингтон усиливает информационное и санкционное давление на Россию, беспрецедентное даже в сравнении с самыми мрачными периодами холодной войны против СССР¹⁹.

Также следует понимать, что за возможное налаживание отношений Д. Трамп как бизнесмен-прагматик может потребовать от России «отдаления» от Китая. Но для нее в ближайшей и среднесрочной перспективе при решении глобальных и региональных проблем в разы важнее плодотворное сотрудничество с КНР, чем с США. Хотя в период предвыборной кампании Д. Трамп и заявлял, что он хотел бы наладить отношения с Москвой, однако сейчас он осознает, что при нынешней внутривнутриполитической ситуации в США это даст ему больше минусов, чем плюсов. Поэтому возобновление российско-американского сотрудничества им отложено и, судя по всему, — надолго. По отношению к Москве Вашингтон будет стремиться проводить консолидированную политику с его союзниками. Однако отношения Запада с Россией в ближайшей перспективе вряд ли выльются в открытый конфликт.

Приоритеты политики России в АТР и отношения с Китаем

Оценивая приоритеты российской политики в АТР, их можно кратко суммировать следующим образом. *Во-первых*, повышение качества российско-китайского сотрудничества, прежде всего — в экономической, научно-технической и гуманитарной областях. *Во-вторых*, максимальная «диверсификация» экономических и политиче-

ских и иных связей России в АТР, включая его субрегионы. Тесное сотрудничество с КНР не исключает для РФ возможности стратегического партнерства с Индией, сотрудничества с Японией и странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. *В-третьих*, преодоление наметившихся сложностей в Азии и в акватории Тихого и Индийского океанов. *В-четвертых*, недопущение военного конфликта на Корейском полуострове с сохранением долгосрочной цели превращения полуострова в безъядерную зону. *В-пятых*, активизация участия России в режимах обеспечения безопасности в АТР.

Что касается перспектив развития российско-китайских связей, то в этой области сохранится позитивный тренд на их укрепление. Однако качественных прорывов здесь ожидать вряд ли стоит, так как постепенно будет нарастать асимметрия сотрудничества в торгово-экономической сфере: китайские инвестиции в большем объеме поступают в Россию, а не наоборот. Тем не менее такая модель сотрудничества важна для РФ в свете западных санкций против нее²⁰.

Политическая повестка будет превалировать над торгово-экономической, где надо решить проблемы разбалансированности уровней сотрудничества, создания финансовой системы, которая страховала бы КНР и РФ от использования Вашингтоном фактора финансовой зависимости наших двух стран от США. В рамках ШОС возможно дальнейшее продвижение в сторону сопряжения российской инициативы ЕАЭС и китайской инициативы ЭПШП, которые обеспечат выход Организации на глобальный уровень за счет реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов.

В военно-политической области РФ и КНР будут выражать общие взгляды на будущее мирового порядка и сохранят солидарность по ключевым глобальным и региональным проблемам. Однако углубление их отношений в сторону военно-политического союза будет идти медленно. Москва и Пекин сохраняют за собой важную роль в урегулировании северокорейской ядерной проблемы и будут содействовать поддержанию статус-кво в области нераспространения ядерного оружия в регионе. Существует вероятность того, что они смогут убедить Пхеньян хотя бы временно отказаться от испытательной деятельности в обмен на частичное сокращение военной активности США, Южной Кореи и Японии. Однако уступки противостоящих сторон будут носить символический характер,

а обмены жесткими заявлениями и демонстрация силы возможны в любой момент. США и их военные союзники не пойдут на значительное сокращение в АТР планов учений и мероприятий оборонного плана.

Заключение

Анализ точек зрения политологов, касающихся стратегий главных действующих субъектов в АТР, позволяет прийти к целому ряду выводов и определить области взаимодействия России и Китая в интересах совместного купирования угроз, которые несет им реализация «Индо-Тихоокеанской стратегии» США.

Во-первых, в 2017 г. Трамп определил три принципа стратегии США в мире. Он воспринимает международные отношения «как арену сотрудничества и соперничества в своих интересах разных сил» и намерен усилить оборонный сектор США. При этом его политика в АТР характеризуется как элементами преемственности, так и нововведениями. Преемственность — идентификация Китая как главного геополитического вызова для Америки и ставка на Индию как потенциального балансира Китая. Нововведения же связаны с ядерной программой КНДР, которая внесла заметные коррективы в стратегию США. Из-за необходимости заручиться поддержкой КНР в давлении на Северную Корею Трамп временно сменил «гнев на милость» в отношениях с Китаем. Вместе с тем большим вопросом остается, как будут развиваться американо-китайские отношения в случае, если действия КНР по Северной Корее не приведут к желаемому Вашингтоном результату и тот начнет подозревать Пекин в двойной игре и нежелании решить северокорейскую ядерную проблему. Тогда нельзя исключить ухудшения отношений между США и Китаем.

Во-вторых, союзнические отношения США с другими государствами мира в рамках военно-политических альянсов — один из важнейших инструментов сохранения американского доминирования в ключевых регионах мира под девизом Трампа «Америка превыше всего». В Европе — это НАТО, в АТР самым развитым является индийско-австрало-американо-японский «четырёхугольник».

Эти военно-политические объединения направлены на долгосрочное сдерживание Китая и России. Главным актором в этих альянсах остаются США, которые направляют политику этих альянсов в нужном для себя направлении, занимаются вопросами их строительства и функционирования.

В-третьих, в сфере торгово-экономических отношений в АТР Белый дом делает ставку не на «свободную», а на «справедливую» торговлю. Для этого Трамп вывел США из ТПП и отдает приоритет двусторонним торгово-экономическим соглашениям, поскольку такой формат предоставляет Вашингтону гораздо больше рычагов воздействия. Отказавшись от ТПП, администрация Трампа предпочла краткосрочные торговые преимущества этого партнерства более долгосрочной перспективе формирования в АТР экономической модели, основанной на либерально-постиндустриальном капитализме, которая является основой экономической деятельности США.

В-четвертых, к ключевым угрозам России и Китаю и вызовам региональной безопасности в АТР в ближайшей перспективе относятся: закрепление в официальных документах Соединенных Штатов роли Китая и России в качестве соперников США в мире; нарастание российско-американских и американско-китайских противоречий; формирование Вашингтоном «Большого Ближнего Востока» и вовлечение его стран в сферу американского влияния; расширение зоны ответственности США в «дуге нестабильности», включающей Афганистан, Пакистан, Индию и Иран; применение Америкой военной силы, политических и экономических, информационных и иных акций против неугодных государств для замены существующей власти на проамериканские режимы при помощи «цветных революций»; вероятность развязывания военных конфликтов на Корейском полуострове и в АТР с вовлечением в них Китая и России; обострение споров вокруг Южно-Китайского моря и растущая военная активность США в акваториях Тихого и Индийского океанов; стагнация российско-индийских и китайско-индийских отношений, отсутствие диалога США с ШОС по вопросам безопасности; угроза распространения ядерного оружия в регионе и его непреднамеренного использования.

В-пятых, вполне очевидно, что с этими угрозами и вызовами Москве и Пекину не справиться в одиночку. Поэтому важно обеспе-

читать совместными усилиями эффективность деятельности ШОС и БРИКС, создать общую систему безопасности в АТР и не дать Индии превратиться во врага Китая. В связи с этим заслуживают внимания предложения экспертов, знакомых с проблемами безопасности и деятельностью тех организаций, где Китай и Россия играют значимую роль, среди которых на первом месте стоит ШОС. Глобальный характер этой организации проявляется в том, что в ней сопрягаются российский проект ЕАЭС и китайский проект ЭПШП. Как считает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шэн Шилян, ШОС, следуя примеру АСЕАН, целесообразно образовывать новые форматы сотрудничества типа «ШОС+»: «ШОС + АСЕАН», «ШОС + ЕС», «ШОС + США» и т. д. для решения на равноправной основе проблем региональной безопасности и других вопросов. Это может стать фундаментом оздоровления международных отношений на планете²¹.

В-шестых, по мнению зампреда социального-демократического партии Казахстана «Азат» П. Своика, «в перспективе многополярное мироустройство будет напоминать русскую “матрешку”, где ШОС будет играть роль “внешней” оболочки. Но как в ней будут соотноситься интересы Китая и России и как распределяться другие члены Организации — пока под вопросом». По мнению директора армянского филиала Института стран СНГ А. Маркарова, выходом из сложившейся ситуации является реализация на практике идеи сопряжения евразийской интеграции и инициативы ЭПШП, которые обеспечат ШОС выход на глобальный уровень экономического развития за счет реализации инфраструктурных и транспортных проектов ЕАЭС и Китая в Евразии.

В-седьмых, как отмечает сотрудник Центра изучения мировых проблем агентства Синьхуа Шилян, «ни США, ни Европа не воспринимают ШОС как “уютную” для них организацию и будут в дальнейшем привлекать ее членов на свою сторону». Существуют риски возобновления военных столкновений Пакистана и Индии, «отношения которой с Россией и Китаем становятся тоже не безоблачными». Поэтому в рамках ШОС необходимо блокировать противоречия между ее членами в двустороннем формате и углубить сотрудничество со странами-наблюдателями и странами-партнерами. Для этого необходима активизация диалога Индии, Пакистана и

Китая на площадке ШОС для снижения их конфликтного потенциала в субрегионах АТР. Главная цель диалога — предотвращение нового витка вооруженного насилия между Индией и Пакистаном и ликвидация «дуги напряженности» в АТР²².

В-восьмых, по мнению профессора Китайского исследовательского центра современного мира Юй Суйя, «одной из крупнейших угроз для ШОС остаются “три силы зла”: терроризм, сепаратизм и экстремизм. Особенно международный терроризм, росту которого способствует ИГИЛ, которая пытается возродиться в Афганистане после поражения в Сирии». Поэтому для замирения Афганистана Китай и Россия могли бы предложить ему использовать в стране таджикскую модель урегулирования конфликта — путем диалога и переговоров, — которая является уникальной в мировой практике. Эта модель предусматривает принципы и механизмы урегулирования конфликтной ситуации с участием международных организаций в установлении мира и стабильности в зоне конфликта.

В-девярых, как отмечает эксперт Института США и Канады РАН П. Золотарёв, наиболее действенные меры для снижения рисков непреднамеренного применения ядерного оружия между государствами были предусмотрены меморандумом между Россией и США (2000 г.) о создании совместного Центра обмена данными о пусках ракет в глобальном масштабе. Однако по ряду причин этот меморандум не был реализован (срок его действия истек в 2010 г.)²³. Его воплощение в жизнь предусматривало совместное дежурство российских и американских операторов в Центре с использованием национальных систем предупреждения о ракетном нападении. Меморандум также предусматривал возможность подключения к работе Центра других заинтересованных государств. Поэтому возобновление российско-американского диалога о перспективах создания такого центра создаст предпосылки для формирования многостороннего режима по снижению рисков применения ядерного оружия на планете. Можно ожидать, что ряд государств, учитывая ядерные проблемы в АТР, будут заинтересованы принять участие в его работе. Например, с учетом проблем с ядерной программой КНДР желание участвовать ожидаемо со стороны Китая, Южной Кореи, Японии и ряда других стран.

Примечания

¹ Сайт Белого дома — «President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests «NATIONAL SECURITY & DEFENSE». December 18, 2017.

² Remarks on “Defining Our Relationship with India for the Next Century”. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

³ «Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

⁴ Лукин А. Индо-Тихоокеанская стратегия Трампа. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/33964/>

⁵ Цит. по: *Аш-Шарбаджи Манар*. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

⁶ Лукин А. Указ. соч.

⁷ Арин О. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

⁸ What to do about China's “sharp power” // The Economist. 16.12.2017.

⁹ Indian Independence Day; Secretary of State Rex W. Tillerson; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

¹⁰ Азиатский гольф неуверенного Трампа. ИноСМИ от 10 ноября 2017 г. URL: <http://geo-politica.info/aziatskiy-golf->

¹¹ Приводится по: Ratner Ely. How to Stop China's Maritime Advance. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017>.

¹² Ron Paul. Russiagate Isn't About Trump, And It Isn't Even Ultimately About Russia. The Institute for Peace and Prosperity. 2017. P. 7.

¹³ URL: <https://www.gazeta.ru/army/2018/02/13/11648095.shtml>

¹⁴ Внешняя политика России: взгляд в 2018 год. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia2018>

¹⁵ Am Proud of Our Diplomacy; Secretary of State Rex W. Tillerson. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/12/276570.htm>

¹⁶ Remarks on “Defining Our Relationship With India for the Next Century”; Secretary of State Rex W. Tillerson; Center for Strategic & International Studies; Washington, DC. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

¹⁷ В чем главный итог встречи Путина и Трампа. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/07/17/775672-glavnii-itoг>

¹⁸ Америка внушает российской элите, что без Путина будет лучше. URL: <http://putin24.info/amerika-vnushaet-rossiyskoy-elite-chto-bez-putina-budet-luchshe.html>

¹⁹ Морозов Ю.В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50—63.

²⁰ Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. URL: <http://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-v-tsentralnoy-az/>

²¹ Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. URL: <http://www.materik.ru/institute/about/>

²² Российская программа нейтрализации «афганской угрозы». URL: <https://pravdoryb.info/rossiyskaya-programma-neytralizatsii-afganskoy-ugrozy-113686.html>

²³ Материалы экспертного опроса, проведенного Институтом стран СНГ. URL: <http://www.materik.ru/institute/about/>

Раздел II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС

*В.А. Матвеев**

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СТРАН ШОС В БОЛЬШОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ

Под национальными интересами в трактовке политологии понимаются осознанные потребности государства, определяемые экономическими и геополитическими отношениями данного государства в данную эпоху, культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения безопасности, защитой населения от внешней угрозы и внутренних беспорядков, экологических катастроф и т. д.¹ Собственно и само понятие «национальный интерес» в Россию пришло из западной политологии. При этом под национальными интересами воспринимаются преимущественно интересы государственные. Исходя из этого, в данной трактовке интересы детерминируются, прежде всего, внешнеполитическими условиями.

* *Матвеев Владимир Александрович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Таким образом, по отношению к окружающему внешнему миру национальные интересы выражаются в совокупности внешнеполитических интересов государства, которые различаются по своей важности для его жизнедеятельности.

Причем в политологии различают перманентное и переменное содержание национального интереса. С данной точки зрения неизменная часть включает, прежде всего, задачу обеспечения внешней безопасности государства. Переменное же содержание в рассматриваемом контексте стран постсоветского пространства рассматривается через призму личностных качеств политических руководителей, вызовов и угроз в экономической и социальной сферах, основных трендов развития.

Реальные материальные и политические потребности в развитии стран могут меняться, а вместе с ними меняются, соответственно, интересы, цели, средства и внешнеполитическая деятельность.

Как известно, одной из главных тенденций современного мира стал процесс глобализации и рост взаимодействия государств, прежде всего в экономической сфере. Особенно это важно государствам постсоветского пространства, вставшим в последнее десятилетие XX в. на путь независимого политического и экономического развития. Новым суверенным государствам приходится отстаивать и укреплять свой суверенитет и безопасность, политическую и экономическую независимость, учитывая как процессы глобализации и взаимозависимости, так и собственные национальные интересы.

Однако поскольку общемировое развитие, а вместе с тем и риски глобальной экономики прямо или косвенно затрагивают национальные интересы этих государств, то знаковое значение приобретает формирование всей системы их интересов, а в этих рамках — приоритетов, целей и средств политики для адекватного реагирования на возникающие внешние ситуации и выработки надлежащих мер предотвращения их возможных негативных воздействий.

Для стран Центрально-Азиатского региона, на которых сходятся фокус таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), такими приоритетными задачами на данном этапе развития, на наш взгляд, является обеспечение внутренней политической и социально-экономической стабильности, расширение сотрудничества с соседними

странам, прежде всего с Китаем и Россией, а также встраивание в мировое хозяйство.

Мир, между тем, входит в новый виток нестабильности. И на смену угрозам и противоречиям биполярного мира пришли угрозы нового порядка международных отношений. И как результат — возникают совершенно новые вызовы и угрозы национальной безопасности.

Согласно данным исследовательского центра Eurasia Group, занимающегося консультированием в области политических рисков, сейчас мировой порядок склонен к деструктивности. В текущей международной политике складывается особая ситуация, чреватая неожиданным кризисом, — в геополитическом плане сопоставимым с финансовым кризисом 2008 г. Такой риск «геополитической депрессии» создает фон для нескольких главных рисков 2018 г., три из которых могут оказать влияние на развитие стран евразийского пространства².

Среди них:

1. *Технологическая холодная война.* Бескомпромиссная борьба ведется за центры экономического влияния в области разработки новых информационных технологий. США и Китай будут конкурировать за первенство в области искусственного интеллекта и суперкомпьютерной техники, а также бороться за доминирующее положение на глобальном рынке. Власти других стран мира должны решить, кому доверять и чью продукцию и стандарты принимать. Возможная фрагментация общего рынка технологий создает не только рыночные риски, но и риски, связанные с нарушением информационной безопасности, глобальной вирусной активностью и т. п.

2. *Неопротекционизм.* Глобальная экономическая конкуренция вынуждает использовать нерыночные методы воздействия — изоляцию и отчужденность. Такой подход создает барьеры не только в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, но и в цифровой экономике и инновационных отраслях. Новые барьеры менее заметны: вместо торговых пошлин и квот сегодня активизированы такие инструменты, как «внутристрановые» ограничительные меры — программы финансовой помощи, дотации, субсидии и требования «покупать продукцию местных производителей».

3. *Масштабный рост влияния Китая.* Правительство КНР пересмотрело внешние условия существования страны, установило в них новые правила, разработало наиболее эффективную в мире глобальную торгово-инвестиционную стратегию и использует китайские технологические компании для продвижения государственных интересов.

Все это вынуждает многие страны адаптироваться к изменившимся правилам, стандартам и методам. При этом риск полномасштабной торговой войны между двумя лидерами в мировой торговле — США и Китаем — становится наиболее вероятным. А страны постсоветского пространства при таком сложном мировом раскладе сил должны адекватно реагировать на эти риски.

Краеугольным камнем современного миропорядка становится понятие взаимозависимости³. Важно подчеркнуть, что взаимозависимость несет с собой не только блага и выгоды, но в ней заложены большие потенциальные угрозы для безопасности государств, особенно для государств несамодостаточных, чья экономика в высокой степени зависит от экспортно-импортных, финансовых, сырьевых и прочих связей с внешними агентами. При этом серьезные сбои или кризисы у внешнеэкономических партнеров тут же создают серьезные угрозы экономической безопасности собственных стран.

Ярким примером такой ситуации являлся серьезный экономический кризис на постсоветском пространстве 2014—2016 гг. Изначально он поразил Россию вследствие объявленных западным миром экономических санкций, а также из-за резкого снижения мировых цен на энергоносители. Последующее резкое снижение стоимости рубля к основным мировым валютам в 2015 г. оказало сильнейшее негативное воздействие на экономику постсоветских стран и прежде всего выразилось в масштабной девальвации национальных валют государств с соответствующим ударом по уровню жизни населения этих стран.

При этом страны постсоветского пространства вынуждены искать новые источники и стимулы экономического роста. Немалым подспорьем для них является продолжающийся процесс евразийской интеграции.

В настоящее время на постсоветском пространстве пять стран, три из которых члены ШОС (Россия, Казахстан и Киргизия), успешно развивают евразийскую интеграцию в рамках ЕАЭС.

На наш взгляд, к числу важнейших национальных интересов таких стран ШОС из «постсоветского пространства» относятся:

- обеспечение процесса эволюционного перехода постсоветских стран, в том числе и стран Центрально-Азиатского региона, к современной рыночной экономике;
- повышение их конкурентоспособности в условиях глобализации за счет включенности в мирохозяйственные связи на максимально выгодных для национальных экономик условиях.

При этом для России как ведущей страны постсоветского мира появляется особый интерес, а именно выгодная для РФ «реорганизация» постсоветского пространства в направлении создания вокруг нее пояса добрососедства. Этот же фактор добрососедства весьма важен и для Китая.

Китай сейчас превратился в глобальную торговую державу, заинтересованную в ориентации на Европу и АТР. Однако такому позиционированию Китая мешает ряд серьезных мировых вызовов. Это не только повышение градуса напряженности китайско-американских отношений, противодействие Китаю в приходе современных западных технологий и инноваций, но и угрозы его энергетической безопасности. Еще более значимо для Китая создание условий для безопасного и беспрепятственного сухопутного и морского транзита товаров на мировой рынок. Отсюда первостепенной задачей КНР является наращивание и модернизация транспортной сети. Этому и служит выдвинутая в 2013 г. стратегическая концепция «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). И все же главным мотивом реализации концепции ЭПШП является не тема транзита, а региональная интеграция, прежде всего с соседями. То есть фокус стратегии смещается на формирование межстранового коллективного механизма по углублению экономического сотрудничества с теми странами, которые расположены на траектории ЭПШП. Поторапливаясь с этим заставляют активные действия РФ по углублению евразийской интеграции в рамках Евразийского союза.

У каждого из государств — членов ШОС в силу различных особенностей экономического развития выстраивается *собственная шкала интересов и приоритетов*.

Характер интеграционных инициатив на евразийском пространстве в формате ШОС, ЕАЭС и проекта ЭПШП как сухопутной

части инициативы «Один пояс, один путь» — пока до конца не определен, перспективы их слияния или соразвития тоже неясны. Однако само выдвижение этих проектов свидетельствует о наличии нескольких версий региональной интеграции как в рамках ШОС, так и вокруг нее.

Принципиально важным с точки зрения координации интересов стран — лидеров евразийского пространства — Китая и России — является попытка сближения трех смежных проектов: ЕАЭС, ШОС и ЭПШП. Фактически речь идет о проекте формирования долговременной евразийской политики ШОС. В этом проекте должны быть обозначены и национальные приоритеты.

Пока что экономическое сотрудничество Китая с другими странами — членами ШОС и участниками проекта ЭПШП продолжает осуществляться только в рамках двустороннего формата, причем главной основой сотрудничества являются совместные проекты с преобладанием китайского капитала. Так, например, в двустороннем формате Казахстан договорился о сопряжении ЭПШП с собственной национальной программой реализации масштабного инфраструктурного строительства «Нурлы жол» (светлый путь).

Состоявшееся расширение Организации позволяет сформировать общее экономическое пространство ШОС достаточно большим, чтобы инициативы, выдвигаемые в рамках этого рынка, стали эффективным ответом на новые вызовы в свете попыток изменения правил международных торговых отношений.

На наш взгляд, назрела необходимость сделать акцент на следующих важнейших направлениях перспектив многостороннего экономического сотрудничества стран ШОС с международными структурами в современной повестке дня:

1. Разноточения во взглядах стран ШОС на совершенствование мирового порядка по-новому расставляют акценты в сферах деятельности Организации и открывают перспективу превращения ее в эффективную структуру сотрудничества с позитивным имиджем не только регионального, но и глобального свойства. Действующая Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. вследствие присутствия ряда ошибок не позволяет дать долгосрочное видение развития Организации, а также перспективное обеспечение региональной безопасности как составной части этой

стратегии. На наш взгляд, необходимо раскрытие стратегического видения развития Организации, гарантирующего жизнеспособность ШОС в XXI в. К разработке сбалансированного стратегического видения развития ШОС и повышения эффективности ее деятельности следует привлечь экспертные сообщества как государств — членов ШОС, так и наблюдателей при ней. При этом должны быть не только учтены, но и согласованы национальные интересы стран — членов ШОС, чтобы каждый её участник понимал конкретную выгоду от реализации такой стратегии. Необходима четкая перспектива совместной работы и прогноз ее результатов.

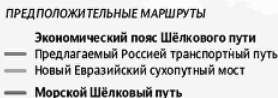
2. Ряд национальных лидеров стран Евразии (В. Путин, Н. Назарбаев) отмечают, что для стабильного и хорошо развивающегося общего евразийского рынка недостаточны масштабы экономик стран Евразийского экономического союза. В связи с этим начала целенаправленно формироваться политика «Большой Евразии».

Термин «Большая Евразия» был введен в политический лексикон российским президентом В. Путиным относительно недавно — летом 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Было предложено создание Большого евразийского партнерства на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁴ (рис. 1).

Хотя и до этого во многих стратегических программных документах России говорилось о многовекторной модели интеграции в мировой рынок.

Переход к новой внешней политике для России предполагает осуществление следующих мер: сформулировать основные национальные интересы; понять, какие из них соответствуют также интересам других игроков мировой политики; сделать сферы совпадения интересов направлениями своей внешнеполитической «привлекательности»; на основе сотрудничества по этим направлениям склонить основных партнеров к уступкам в тех пунктах, где их интересы не совпадают с российскими⁵.

В действующей концепции внешней политики России основным приоритетом и определены страны СНГ и ЕАЭС как форпоста Содружества, однако повышается важность сотрудничества в экономической сфере и равного партнерства в рамках таких объединений, как АСЕАН и ШОС. Особо оговаривается значимость выстраивания

Источник: URL: <https://cdn1.img.sputnik.by/images/103174/44/10317444498.png>

Тем не менее предполагается, что реализация концепции «Большой Евразии» позволит выйти на качественно новый уровень международной кооперации, что приведет к улучшению экономических показателей всех ее участников.

Наиболее крупным потенциальным партнером ЕАЭС в «Большой Евразии» является Китай, который еще в 2013 г. выдвинул свою стратегическую концепцию ЭПШП. Она-то и будет определять внешнеэкономические действия Китая, по крайней мере на ближайшее десятилетие. В ее реализации государствам — членам ЕАЭС, а точнее — странам Центрально-Азиатского региона и России, с самого начала отводилась своя роль. В 2015 г., после подписания документа по сопряжению двух проектов — ЕАЭС и ЭПШП (как западного направления ОПОП), — стороны договорились о начале работы над Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. В Соглашении речь не идет о введении режима свободной торговли, а только о расширении торгово-экономического сотрудничества. Планируется создание дискуссионной площадки о выходе в перспективе на диалог об общем экономическом пространстве между ЕАЭС и КНР, а также начать диалоги, связанные с транспортом, логистикой, инфраструктурой, с расширением использования национальных валют, макроэкономической стабильностью, официальной торговой статистикой.

Однако предложение президента России В. Путина звучало шире, речь о создании «Большой Евразии» с выстраиванием отношений не только с Китаем, но и с ЕС, и с АСЕАН. Летом 2016 г. на Петербургском международном экономическом форуме Россия и Китай поддержали эту идею строительства евразийского всеобъемлющего партнерства. Провозглашена инициатива сопряжения Евразийского экономического союза и ЭПШП, предусматривающая выход на масштабное торгово-экономическое соглашение ЕАЭС—КНР с современной повесткой, а также включающее в себя и углубление сотрудничества с АСЕАН с обсуждением перспективы межблоковой зоны свободной торговли, причем, возможно, не совсем с АСЕАН, а с отдельными ее влиятельными членами⁷.

Пока же идея «Большой Евразии» лишь косвенно отражается в основных государственных документах и программах стратегического планирования России. При формировании «Большой Евразии» предполагается создания целостного интегрированного пространства значительной части Евразии при особом акценте на ЕАЭС и другие страны СНГ. Целесообразно ускорить формирование Россией политики «Большой Евразии» и практически отразить это в основ-

ных государственных документах и программах стратегического планирования.

В настоящий момент получила импульс развития более обширная и всеобъемлющая идея подготовки обоснований к формированию Евразийского экономического континентального партнерства, а именно — между Евразийским экономическим союзом и другими странами — членами ШОС, включая Китай, Индию, Иран, Пакистан, т. е. к всеобъемлющему договору в рамках ШОС. Предполагается, что строительство такого Евразийского экономического партнерства должно быть открытым, базироваться на принципах ВТО и не носить закрытый характер. Однако, учитывая высокую неоднородность моделей развития данных стран и их потенциалов, обсуждаются подходы к разносторонней, разноуровневой интеграции отдельных групп стран.

Кроме того, не исключаются и другие страновые форматы Большого евразийского партнерства вплоть до включения стран АТР и ЕС. Сейчас ведется сложная аналитическая деятельность по изучению того, что может принести такое партнерство для экономик стран-партнеров. Целесообразно ускорить разработку концепции развития Большого евразийского партнерства.

Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС продолжает эксклюзивные переговоры на экспертном уровне по Большому экономическому партнерству между ЕАЭС и Китаем, включая и обсуждение механизма зоны свободной торговли.

3. Что касается идеи формирования зоны свободной торговли (ЗСТ) на евразийском пространстве, то она вновь возвратилась в текущую повестку дня ШОС.

Эту идею открытия чужих границ, в том числе российских и центральноазиатских, для свободного экспорта своих товаров и услуг Китай без успеха пробивал почти с момента создания ШОС. Тогда это условие было категорически отвергнуто и отодвинуто на неопределенное будущее.

Однако, по мнению многих российских аналитиков, неожиданно проблема ЗСТ получила новое развитие: и теперь соглашение Россия—Китай или ЕАЭС—Китай, подразумевающее создание ЗСТ, может быть подписано в течение двух лет. Это выглядит как полный пересмотр прежних взглядов и на эту ЗСТ, и на ЕАЭС. Какие тут ре-

зоны, какие расчеты, пока неясно. Но очевидно: чем обширнее будет круг товаров и услуг, охваченных правилами ЗСТ, тем большее влияние она окажет на функционирование ЕАЭС.

Если раньше инициатором такой ЗСТ на пространстве ШОС являлся Китай, то теперь его поддержал и Казахстан. Еще в декабре 2015 г. на совете глав ШОС прозвучала идея от наших казахстанских партнеров всерьез подумать о зоне свободной торговли ШОС. Ее поддержали и Китай, и Россия.

Планируемая ЗСТ с Китаем затронет и интересы других стран ШОС. Таким образом, сейчас реализуется более обширная и всеобъемлющая идея формирования Евразийского экономического континентального партнерства, в частности между ЕАЭС и другими странами Евразии, включая Китай, Индию, Иран, Пакистан, которую можно трактовать как всеобъемлющий договор в рамках ШОС. Предполагается, что строительство такого Евразийского экономического партнёрства должно быть открытым, базироваться на принципах ВТО и не носить закрытый характер. Однако, учитывая высокую неоднородность моделей развития данных стран и их потенциалов, обсуждаются и подходы к разносторонней, разноуровневой интеграции.

В этой связи целесообразно провести оценку конкурентоспособности производства товаров в несырьевых отраслях стран ШОС. Этим странам придется решать, на каких условиях они могли бы согласиться на создание ЗСТ ШОС. Такая зона свободной торговли должна также предполагать известные исключения, поскольку режим беспошлинной торговли не будет охватывать все товары и услуги. В ходе переговоров по ЗСТ нужно достичь соглашения с учётом интересов каждой страны. В конечном итоге необходимо просчитать все плюсы и минусы от участия всех стран в ЗСТ ШОС по каждой товарной позиции.

4. Сложившийся порядок мировой торговли в рамках ВТО подвергается существенной трансформации. Акцент смещается на нетарифные ограничения, особенно так называемые целевые протекционистские меры, число которых постоянно растет. Они дополняются санкциями в качестве нового (по крайней мере для крупных держав) значимого барьера для международного обмена. Важно также и то, что протекционизм стал отличительной особенностью ведущих экономик, прежде всего США, которые раньше считались апо-

логетами свободной мировой торговли. Растущий протекционизм и всё более интенсивное применение санкций в качестве внешнеполитического инструмента являются основными тенденциями в развитии мировой экономики в настоящее время.

Странам — членам ШОС (и ЕАЭС) с учётом усиливающейся турбулентности в мировой экономике необходимо развивать новые формы сотрудничества. Одним из устойчивых общих ожиданий для этих государств является расширение возможностей для наращивания объемов внешней торговли с третьими странами и интеграционными объединениями. Существует запрос на согласование внешнеполитических и внешнеэкономических решений в той части, где они затрагивают интересы партнеров по интеграционной группировке. Имеет место ожидание расширения списка стран и блоков, с которыми будут заключены преференциальные и непреференциальные соглашения по торговле; увеличения масштабов внешней торговли с ЕС и Китаем⁸.

Важно расширять финансовое сотрудничество, стимулировать платежи в национальных валютах и использовать потенциал друг друга для обеспечения экономической, товарной, ресурсной и энергетической безопасности.

В целях совершенствования изменения правил мировой торговли России следовало бы поддержать предложение о начале консультаций ШОС со странами АСЕАН по формированию возможных экономических партнерств на принципе равноправия и учета интересов.

Примечания

¹ Словарь по политологии / под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 2001.

² URL: <http://inosmi.ru/social/20180104/241135004.html>

³ Хасанов У.А. Национальные интересы Республики Узбекистан и проблемы безопасности в Центральнoазиатском регионе: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. 23.00.04 / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2003.

⁴ Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(3). С. 229—239.

⁵ Лаумулин М. Стратегические интересы России в государствах Центральной Азии на современном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-interesy-rossii-v-gosudarstvah-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape>

⁶ Кузьмина Е.М. Указ. соч.

⁷ Экономический пояс Евразийской интеграции // Доклад о путях реализации проекта сопряжения интеграции Евразийского экономического союза и Экономического пояса «Шелкового пути». М.: ГПИ, 2016.

⁸ Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спец-выпуск. 2017 // Е.С. Алексеенкова, И.С. Глотова, А.В. Девятков и др.; гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017.

*В.И. Балакин**

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В ЕВРАЗИИ КАК СФЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ С ЕС И ИНЫМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

В последние годы евроазиатское геополитическое пространство вполне наглядно продемонстрировало наличие весьма устойчивых многомерных символических представлений о реально существующей окружающей действительности и объективно сложившейся культурной самобытности соседствующих здесь государственных, где заметные коллективные различия обретают форму схожей географической, исторической и политической организованности. Следует отметить, развитие любого геополитического пространства представляет собой, с одной стороны, динамику мобильности, явного хаотического движения, а с другой — консервацию глубоких цивилизационных традиций. При сопоставлении, например, евроазиатской и атлантической цивилизаций необходимо зафиксировать существенную разницу на концептуальном и философском уровнях смысла, который та и другая цивилизации дают своему пространству. С точки зрения концептуальной ситуации мобильность в Евразии представляется с позиций господствующего здесь консерватизма как явное падение и деградация, изменяющие в негативную сторону «сакральное мировоззрение», что по сути равноценно

* *Балакин Вячеслав Иванович*, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

смерти существующих от веку местных государственных¹. Всё, что объективно способно изменяться, является синонимом беспорядка, выглядящее как саморазрушение изнутри, что делает прогресс лишенным смысла, а значит, стремящимся к постоянству, логическому повторению стагнации, отказу от политических изменений.

Ведущие государства Евразии — Россия и Китай — понимают сегодня геополитику как «власть трансформации» в мире и пытаются осмыслить ее с позиций собственных долгосрочных национальных интересов. Отсюда можно сделать однозначный вывод, что геополитические изменения не представляют собой временной или пространственный концепт, ибо этот концепт является цивилизационным, в результате развития которого появляются новые взаимоотношения между евроазиатскими великими державами, а также их взаимодействие с другими странами континента Евразия. Сегоднешние геополитические изменения оказались не в состоянии окончательно разрушить фундаментальные результаты тысячелетних политических, культурных и экономических процессов и в целом не могут стимулировать беспорядок и раздробленность континента². Евроазиатский философский подход России и Китая продемонстрировал желание двух великих держав продвигать консервативный проект, который учитывал бы традиционные культурные матрицы и социальные предпочтения на данном пространстве. С цивилизационной точки зрения национальная идентичность никогда не является случайно и геополитически представляет собой исходный механизм для динамичного изменения мира.

Общая диалектика войны и мира прошла через историю всего евроазиатского континента, при этом развитие проходило через военные конфликты, разногласия философского, религиозного, политического и экономического характера. Постепенно появилось желание понизить уровень конфликтности мощных противодействующих сил путем их постепенного примирения и гармонизации, что привело, однако, к обратному результату и вызвало волну разрушительных последствий, порожденных самими традиционалистскими государствами Евразии. Вместе с тем диалектика острого соперничества противоположностей в рамках общего евроазиатского пространства представляется достаточно гармоничным и естественным

явлением, стремящимся по своей объективной природе к упорядоченности и целостности. Известно, что любая конкуренция начинается с надеждой победить, но победить противника означает в той же Азии обратить противника к себе и объединиться с ним³. Поэтому соперничество в Евразии можно оценить как мощный импульс, направленный на создание единения и формирование гармонии.

С этой точки зрения следует четко признать опасное разрушительное действие серьезных межнациональных распрей и растущего экономического соперничества, которые продолжают подрывать основы органической общности евроазиатского пространства. Азиатские государства далеки от идеи глобальной унификации и осознают ее не иначе, как продвижение европейского нигилизма⁴. Являясь сложившейся западной цивилизацией, Европа с азиатской точки зрения сегодня несет в себе сумерки внутренней энергии и отсутствие воли, существовавшие реально в древней системе ценностей. Логически утрата ценностей неминуемо ведет к полному упадку политической воли и деградации стремления к геополитическому могуществу. Фактически же все западные цивилизации вполне объективно ориентированы на уничтожение традиционных ценностей стран Востока, имея основной целью нейтрализовать таким образом идеологическое противостояние, сделав акцент на тотальную тиранию обезличивания, т. е. на глобальную нейтрализацию национальных ценностей и уничтожение сопротивляющихся государственных институтов на всём континенте Евразия.

Место и роль России в процессе формирования евроазиатского единения

Проблема «Восток—Россия—Запад» все более активно обсуждается на многочисленных международных площадках, когда речь иногда даже заходит о необходимости последовательной и полной смены российским государством своей исконной цивилизационной матрицы⁵. Цивилизационное мышление в России всегда и во многом опиралось на понятие существования объективной диалектики в окружающем пространстве и никогда не сводилось к формальному отрицанию или игнорированию реальных фактов. В российском по-

нимании Запад и Восток во многих случаях раскрываются всего лишь как цивилизационные начала, противостоящие друг другу, а это не что иное, как проявление неискоренимой противоположности российской экзистенциальной сущности. Главным измерением этой противоречивости выступает смещение в России западного и восточного культурных начал, реально обладающих множеством различных ипостасей. Подобное понимание глубинной сущности российской цивилизации составляет характерную особенность ее поступательного развития, а цикличность является ярко выраженной чертой всей российской истории.

В России произошло глубокое срастание западного и восточного начал, а импортированные с Запада идеи были основательно «переварены» в российском общественном сознании и стали сокрушительным ответом Востока на вызовы Запада. Вызревание современного российского государства постоянно происходило в упорной борьбе с Востоком за преобладание на огромных пространствах Евразии. Большинство русских мыслителей отмечали, что именно в тесном взаимодействии с Востоком формировалась российская государственность, в которой ни этнические и конфессиональные, а основополагающие политические факторы всегда и при любых условиях реально оставались определяющими факторами развития⁶. Российская государственность всегда представлялась едва ли не главным механизмом сохранения огромного взаимопроникающего единства на евроазиатском пространстве и поддерживалась не только военной силой, но и в громадной степени общей объективной потребностью в эффективном правопорядке и последовательном внешнеполитическом обеспечении этого порядка. Плюрализм в рамках российской цивилизации в той или иной форме распространяется сегодня на всю территорию Евразии, а это стимулирует процесс глубокого передела евразийского цивилизационного пространства и неуклонно ведет к глубоким геополитическим переменам.

Современная евроазиатская стратегия России основывается на идее о «евроазиатском союзе народов», ориентированном на цивилизационный диалог и верность участвующих в нем государственных традиционным корням и последовательной защите насущных национальных интересов. Это предполагает активный поиск устой-

чивого баланса между русской идеей и глубинными интересами народов, населяющих континент Евразия. Такой подход мог бы оказаться вполне плодотворным, поскольку на европейском континенте нет объективных причин противопоставления между «высшими» и «низшими» расами, объективное взаимное влечение намного сильнее, чем инстинкт отталкивания. С российской точки зрения в настоящее время сегодняшнее единение Евразии представляет собой вполне работающую концепцию и имеет достаточно серьезные предпосылки для органического синтеза духовной, социальной и политической жизни, подкрепленной развивающимися экономическими взаимными интересами. Евроазиатский материк всегда остается геополитическим центром мира, и в данной связи привилегией России является то, что ее государственность объективно интегрирует Европу и Азию, делает их неким единым целым⁷.

В XXI в. геополитическое положение России, несомненно, станет для нее своеобразным международным бременем и одновременно обязанностью не только по развитию природных ресурсов, но и духовного единения населения на этом огромном пространстве. Российская Федерация постоянно сталкивается с самыми серьезными вызовами, но сегодня у нее появляется реальная возможность сформировать под своим политическим влиянием парадигму развития евроазиатского пространства. В контексте общей глобальной мультиполярной геополитической реконфигурации Россия как относительно новая пространственная сила на Евро-Азиатском континенте вполне способна поменять глобальные тенденции развития мира. Роль евроазиатских государств, особенно представителей Восточной Азии, постоянно увеличивается в связи с нарастанием присутствия в мировой экономике, и уже достаточно ясно прослеживается перспектива, что эти государства способны будут серьезно претендовать на статус великих глобальных держав⁸. Однако пока «азиатского полюса силы» в собственном смысле этого слова еще не существует, поскольку на Дальнем Востоке региональное соперничество намного сильнее общности национальных идей, а это предоставляет России уникальную возможность выработать некую эффективную формулу общеконтинентального синергетического единения.

В настоящее время энергетика Восточной Азии напрямую поддерживает евроазиатское равновесие, и на этом фоне Россия имеет

все шансы ускоренно продвинуться по пути модернизации, а эта политическая реальность будет значительно лучше отражать альтернативный вектор трансконтинентального развития. Российская сторона также несет ответственность за позднее осознание своих геополитических интересов в Евразии, более того — Россия на практике содействовала созданию именно такой ситуации своей слабостью и завышенными ожиданиями в отношении возможной плавной интеграции в западное сообщество. Евроазиатский регионализм реально представляет собой вполне самостоятельный территориальный феномен, включающий в себя множество относительно обособленных, но в рамках общего единого целого взаимозависимых регионов⁹. В Евразии нарастает процесс углубления региональной самоорганизации, развитие в рамках общей континентальной целостности, отдельных ее составляющих, что во многом предопределяет и даже стимулирует российский регионализм. Однако для России этот вариант развития может оказаться весьма опасным, ибо способен привести к явному размыванию геополитического пространства, ослаблению политических позиций традиционного российского государства в последовательном становлении евроазиатской континентальной симфонии.

Рубежи Евразии во многом совпадают с границами Российской империи в разных ее ипостасях, т. е. они реально «россиецентрированы», а значит предельно ориентированы на российскую государственность, ее наиболее важные цивилизационные и геополитические интересы. В данной связи многие международные эксперты начинают отмечать объективно и достаточно быстро складывающийся проект «Большой Евразии», в автономном развитии которого основную роль, скорее всего, будет играть Россия¹⁰. Она более чем способна объединить вокруг себя практически все государства Евро-Азиатского континента и даже те из них, которые на сегодня в силу многих причин тяготеют к США, например Германия и Япония. В тесном сотрудничестве с Китаем Россия может начать формировать евроазиатское сообщество, а основным его движителем станет общеконтинентальное взаимодействие по последовательному сопряжению Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». Германия и Япония уже обратили внимание на создающийся мегарынок, и после отказа нынешней вашингтонской

администрации от Атлантического и Тихоокеанского партнерств две крупные экономики мира вряд ли проигнорируют многообещающие долгосрочные перспективы развития евроазиатского экономического пространства.

Особое внимание России к проекту «Большой Евразии» позволит максимально стимулировать дальнейшее развитие Шанхайской организации сотрудничества, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Банка развития ШОС, формирование собственных независимых платежных систем и резервных валют, а также придаст новый импульс становлению евроазиатской трансконтинентальной транспортной сети (рис. 1).

При этом Россия должна стремиться привлечь к данному проекту Евросоюз и прежде всего его основных членов, таких как Германия, Франция и Италия. Последнее исключительно важно, поскольку

Рис. 1. Проект «Большой Евразии».

Источник: URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/evrazia.jpg>

ку весьма благотворно скажется на укреплении межкультурного диалога Востока и Запада, позволит избежать конфронтации, даст дополнительный толчок к решению проблем глобальной безопасности, включая до определенной степени смягчение конфликтов между Китаем и Индией, Индией и Пакистаном, на Корейском полуострове, в зоне Тайваньского пролива, на Ближнем Востоке и, возможно, на Украине¹¹. Россия способна внести заметный вклад в урегулирование таких общих проблем для Евро-Азиатского континента, как неконтролируемая миграция, наркотрафик, хроническая бедность и негативные климатические изменения. Для эффективного сотрудничества по всем вышеназванным направлениям Российской Федерации предстоит выработать прежде всего для себя, а затем предложить всем без исключения потенциальным партнерам некие основополагающие принципы взаимодействия, а именно: безусловное уважение суверенитетов и прав стран и народов Евразии без внешнего вмешательства во внутреннее политическое развитие, безусловное уважение территориальной целостности и разрешение любых споров мирными средствами, взаимодействие по отражению внутренних и внешних угроз безопасности, особенно религиозного экстремизма, терроризма, прямых и косвенных дестабилизирующих действий внешних сил.

Весьма содержательной выглядит претензия России на оформление в обширных рамках Большой Евразии единых экономического, финансового и гуманитарного пространств с Европейским союзом. На фоне нарастающих разногласий с США Европа постепенно начинает посылать сигналы Москве относительно возможных геополитических контактов в формате ЕС—ЕАЭС, однако пока идея выглядит не очень продуктивной в силу того, что для ЕАЭС вектор на сотрудничество с Китаем представляется на нынешнем этапе более предпочтительным с точки зрения конкретных экономических проектов. Но в данной связи стал зарождаться и иной процесс, суть которого напрямую проистекает из настойчивого стремления Пекина расширить не только экономическое, но и политическое взаимодействие с Европой, ибо такой дипломатический ход позволяет китайцам усиливать собственные позиции на фоне противостояния с Вашингтоном¹². Россию вполне устраивает такой подход Китая, поскольку, по сути дела, ведет к созданию единой экономической

зоны от Лиссабона и Дублина до Владивостока и Шанхая, а возможно, и до Сингапура и Токио. Именно российская позиция объективно помогает Евросоюзу, не порывая тесного альянса с НАТО, приступить к постепенному диалогу с Востоком относительно создания структуры Большой Евразии.

Китайское геополитическое продвижение на Евро-Азиатском континенте

Основной целью Китая в ближайшем будущем является стремление Срединного государства постепенно стать безоговорочным лидером не только в Восточной Азии, но и на всем Евро-Азиатском континенте.

Рис. 2. Источник: URL: http://images.myshared.ru/6/768547/slide_5.jpg

Для этого Пекин вновь старается обрести и сохранить на долгие годы свою историческую роль, добиться геополитического лидерства и благодаря завоеванному статусу приступить к формированию собственной картины мира. КНР активно и настойчиво отстаивает идею многополярного мира, действует весьма стремительно и последовательно вырабатывает независимую геополитику¹³. Следует обратить пристальное внимание на то, что широкое распространение геополитического влияния Китая не обязательно вступит в серьезное противоречие с американскими интересами в Евразии, так как последние, и это хорошо понимают в Пекине, пока что стабилизируют стратегическое равновесие сил на континенте и в определенной степени заставляют Россию искать большего взаимопонимания с Китаем. США нужны КНР в Евразии прежде всего для уравнивания влияния РФ, а также для того, чтобы уверенно приступить к экономическому освоению Центральной Азии.

В настоящее время Китаю выгодно формально оставаться продвинутой частью развивающегося мира, поскольку, сохраняясь в данной позиции, китайскому руководству крайне удобно играть на растущих противоречиях развивающихся стран и государств «золотого миллиарда». В современной китайской парадигме предусматривается поиск путей для стратегического партнерства с крупнейшими игроками евроазиатского геополитического пространства на условиях равенства, взаимной выгоды, уважения к цивилизационным ценностям без всякого акцента на степень развитости демократии и прав человека. Парадигма Китая представляет собой серьезный сигнал крупнейшим «центрам силы», т. е. Пекин идет на опережение, стараясь зафиксировать свой приоритет в Евразии, ориентируясь на такие ее части, как Большая Центральная Азия, Кавказ и Большой Ближний Восток. Подспудно КНР явно пытается лишить США глобального лидерства, предпринимая усилия на предмет сопряжения китайских и европейских усилий в отношении освоения евроазиатского пространства¹⁴. Сегодня китайское руководство не думает отказываться от идей глобализации мировой экономики, но пытается адаптировать политику КНР к новым реалиям, в том числе выполняя геополитический проект Великого шелкового пути.

Целенаправленное формирование евроазиатской системы коллективной безопасности позволяет Китаю прикладывать немалые

усилия по дальнейшему реформированию китайской государственности в сторону адаптации ее к современным евроазиатским условиям. Перспективы продвижения КНР в Евразию китайскому руководству предстоит определять также и с учетом глобальных вызовов, среди которых наиболее значимыми для будущего китайской государственности, а именно окончательное завершение очередного цикла развития мировой экономики, побуждает Пекин к переходу на новый технологический уклад, основанный на массовом применении инноваций в производственной сфере и сфере услуг. Китай реально стремится отреагировать на постепенное изменение географической конфигурации мировых центров глобального экономического влияния в пользу развивающихся опережающими темпами государств Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, оказывающих растущее воздействие на все мирохозяйственные тенденции, включая движение потоков капитала, миграции трудовых ресурсов¹⁵. Пекин крайне озабочен происходящими высокими темпами глобальными изменениями территориальной инфраструктуры, структуры расселения азиатских этносов, существенным увеличением численности отдельных групп населения, проживающего в экологически неблагоприятных районах Евразии, а также на территориях с острым дефицитом сельскохозяйственных земель, источником чистой питьевой воды. Китайские эксперты полагают, что весьма высокая степень евразийской континентальной интеграции предъявляет особые требования к государственному регулированию пространственного развития и противодействию любой вероятности искусственного поддержания режима геополитической нестабильности в странах Евразии.

Активное продвижение Китая по всему Евразийскому континенту вызвано сочетанием комплекса важнейших внутренних и внешних условий, а также сильным воздействием ключевых факторов регионального развития. Внутренние условия, побуждающие КНР распространять свое влияние в Евразии, включают распределение по китайской территории социально-демографического, природно-ресурсного, производственно-экономического потенциалов, транспортного и энергетического каркасов, многочисленные пространственные аспекты межрегионального, международного и приграничного сотрудничества, иные важные аспекты экономического

и социального развития, пространственное размещение и текущее состояние природных комплексов. Внешние условия пространственного развития Китая включают сложившуюся систему его международных связей и отношений с зарубежными странами и их региональными объединениями, текущее состояние мировой экономики, современный уровень и долгосрочные тренды экономического развития наиболее экономически значимых государств и региональных межгосударственных организаций на обширном евразийском пространстве¹⁶. Геополитическое пространство КНР, включая ее территорию в современных установленных границах, следует рассматривать как ее неотъемлемое достояние и стратегическое конкурентное преимущество в глобальной системе мировой экономики и международных отношений. Данное геополитическое состояние реально обеспечивается сочетанием основополагающих геополитических условий пространственного развития Китая в среднесрочной и долгосрочной перспективе, а это формирует благоприятные прогнозы использования магистральных транспортных коридоров на территории Евразии.

После XIX съезда КПК руководство страны намерено распространить свою геостратегию на Центральную Азию, Россию, Восточную и Западную Европу. Задача поистине гигантская и требует огромных финансовых затрат для упорного достижения главного успеха в единении Евразии на основе географических, материальных, социокультурных и политических факторов. Географический фактор в данной китайской позиции создает предпосылки, позволяющие осуществлять синтез духовной, социальной и политической жизни. КНР рассматривает Евразийский материк как геополитический центр мира, связывающий два основных стратегических района — Азию и Европу¹⁷. Именно здесь проходят основные коммуникации: наземные, морские, воздушные, разнообразные линии связи, — поэтому активное использование этого мощного геополитического ресурса может привести к результатам исключительного исторического значения. В этой связи Центральная Азия интересует Пекин прежде всего в контексте борьбы с терроризмом и сепаратизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, где уже многие годы идет контртеррористическая операция. Нынешнее положение в Афганистане внушает китайскому руководству серьезные опа-

сения, поскольку разбитые в Сирии и Ираке исламисты ИГИЛ перебрасываются американцами на афганскую территорию, в том числе в приграничные с КНР районы. По оценкам международных экспертов, Пекину скорее всего придется в ближайшее время наладить более активные контакты с теми силами в рамках движения Талибан, которые выразят готовность принять китайскую военную и иную помощь для последовательной активизации жесткой борьбы с крупными игиловскими формированиями в Афганистане. Считается, что в данном вопросе китайцы вполне могут рассчитывать на достаточно эффективную поддержку Пакистана, имеющего реальное влияние на многих пуштунских вождей в Талибанае. Обострение ситуации на китайско-афганской границе является одной из основных целей спецслужб США, стремящихся создавать условия, при которых можно было бы оказывать давление не только в Южно-Китайском море, но и на западных рубежах Поднебесной, включая Тибет.

Россия также привлекает геополитическое внимание КНР, поскольку огромная территория нашей страны в реальности представляется неким важным стратегическим «транзитным каналом» в Евросоюз. Кроме того, в тесных отношениях с Россией для Китая самым насущным представляется формирование континентальной системы безопасности на евроазиатском пространстве с последовательным учреждением новых международных институтов на важнейших направлениях тесного взаимодействия. Китай видит сегодня в России особого партнера, который не стремится навязать китайскому обществу идею о том, что фундаментальные основы китайской цивилизации тормозят движение КНР вперед и от них надо отказаться¹⁸. Заинтересованное отношение Китая к России во многом опирается на общность серьезного понимания диалектического единства в споре о главных цивилизационных основах государственности и последовательное поддержание высокого уровня национального патриотизма. Российская концепция последовательного формирования «экономики знаний» побуждает Китай использовать ее в качестве стимула для создания евроазиатского альянса, прочного политического образования, которое позволит Китаю и России стать фактическими лидерами на евроазиатском материке. Реализуя евроазиатскую континентальную стратегию, КНР все большее внима-

ние уделяет государствам Восточной Европы, таким как Беларусь, Украина, страны Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия). Уже сегодня Китай обеспечивает белорусскую экономику дешевой сложной техникой, а также товарами массового потребления, включая сооружение в Минске «китайского квартала», который будет в реальности представлять собой современный «чайна таун», чего так и не получилось в России. Что касается Украины, то Китай имеет стратегическую заинтересованность в экспансии на украинском направлении, что вызвано стремлением Пекина по дешевке получить доступ к остаткам советских научно-технических достижений, а также вступить в конкурентную борьбу за участие в сельскохозяйственных проектах на украинской территории. КНР также рассматривает «Вышеградскую четверку» как эффективный плацдарм для укоренения в Евросоюзе, поскольку Польша, Чехия, Словакия и Венгрия сами предлагают себя Пекину в качестве европейской базы, способствующей развитию реального стратегического европейско-китайского взаимодействия. Китайское руководство считает, что КНР и ЕС, обладая четвертой частью населения и одной десятой территории Земли, должны активно влиять на современную международную жизнь путем согласованных действий по последовательному укреплению стратегической стабильности на континенте и избегая противостояния, враждебности и военных столкновений.

Геополитические интересы Европейского союза в Евразии

Нынешние устремления Европейского союза на восток представляются многим международным экспертам в области геополитики традиционным и вполне закономерным процессом, ориентированным на восстановление своего статуса одного из вершителей судеб мира после окончания холодной войны. Военно-политический конфликт вокруг Украины ощутимо подорвал взаимоотношения ЕС и РФ, сделав практически невозможным создание свободного от конфронтации пространства в рамках Евро-Азиатского континента. Тем не менее нарастающий внутривосточный кризис внутри Европы заставляет правительства европейских стран искать варианты преодоления сложившейся непростой ситуации на путях постепен-

ного вхождения в стратегический диалог с такими мощными геополитическими игроками, как Россия и Китай. Этот процесс можно охарактеризовать как начало некой «деглобализации», когда стратегические интересы отдельных национальных государств берут верх над сложившимися союзническими обязательствами в Евroatлантике¹⁹. Нынешняя администрация США своими спонтанными действиями невольно содействует возникновению новой геополитической конфронтации на пространстве Евразии, которая неминуемо будет затягивать Европейский союз в более тесные отношения с Россией и Китаем.

Для ЕС возможный российско-китайский стратегический альянс во многом превращается в некий геополитический якорь, который удерживает старый европейский корабль в рамках объективной реальности, очевидно лишаящей европейскую государственность приверженности атлантической солидарности в отношении с США. Заметное укрепление роли европейских национальных государств, попытки нынешней американской администрации четко сформулировать собственную национальную идею XXI в. подталкивают мир к пересмотру парадигмы дальнейшего развития. Ищущая свою геополитическую идентичность, современная европейская цивилизация обращает свой взор на восток, рассчитывая сохранить жизнеспособность в стратегическом взаимодействии с Россией и Китаем. По оценкам некоторых международных экспертов, в XXI в. уже начинают активно формироваться весьма крупные междоцивилизационные блоки, но данный процесс пока еще не обладает необходимой динамикой в силу неких объективных причин, которые могли бы однозначно побудить тот же Евросоюз сделать осознанный выбор между приверженностью сложившимся союзническим обязательствам в отношении с США и реальным выживанием за счет вступления в конкретный евро-азиатский континентальный диалог с РФ и КНР. Большая Евразия явно более выгодна ЕС со всех точек зрения, но инерция установок старого миропорядка, достаточно надежно скроенных по американским лекалам, какое-то время еще будет сдерживать окончательный европейский выбор²⁰.

Коренные геополитические интересы Европейского союза в Евразии по многим направлениям объективно завязаны на стратегическое партнерство с Россией и Китаем. При этом надо учитывать, что

РФ и КНР, не обладая какой-либо согласованной договоренностью на европейском направлении, таким образом объективно представляют ЕС уникальный шанс извлекать ощутимые геополитические выгоды изменяющихся российско-китайских разногласий. В конце 2017 г. Евросоюз немедленно воспользовался складывающейся ситуацией и открыто поощрил 16 стран Центральной и Восточной Европы своим согласием на присоединение к китайскому экономическому проекту «Один пояс, один путь». Интенсификация сложных геополитических процессов вынуждает Евросоюз активно искать новый внешнеполитический курс, чтобы каким-то образом избежать внутренней напряженности и сохранить при этом интеграционные достижения, которые много десятилетий имеют серьезное международное влияние не только на постсоветское пространство, но и на конкуренцию с Китаем²¹. Мотивация укрепляющихся новых национально ориентированных политических сил в Европе объективно направлена на явные попытки играть независимую геополитическую роль, в том числе налаживая связи с Россией и Китаем для построения системы обоюдной взаимозависимости в рамках устойчивого евроазиатского развития.

В обозримой перспективе у Евросоюза намечаются серьезные проблемы в отношениях с США, и состоять эти проблемы будут не только и не столько в американских попытках ограничить доступ европейской продукции на свой рынок, но и в стремлении Вашингтона переложить на Брюссель часть своих расходов на противостояние с Россией и Китаем. Однако делать это американцам станет все труднее, поскольку гарантии безопасности со стороны США на российском направлении уже не представляются европейцам достаточно убедительными и, более того, в Европе постепенно начинают приходиться понимать необходимость вырабатывать более дешевый путь к достижению ощутимой сбалансированности в отношениях с Москвой, исключение из них самых одиозных элементов конфронтации, налаживание взаимовыгодного диалога на всех уровнях. Но геополитическая стратегия ЕС гораздо более сложная и касается не только противостояния с США и Китаем, где Евросоюз предпочитает не высказывать собственной определенной позиции, довольствуясь ролью «мудрой обезьяны, наблюдающей с вершины горы за битвой двух тигров и ожидающей реального победного результата

одного из них». В данной связи не лишне вспомнить июльский 2016 г. саммит ЕС, когда была принята новая стратегия Евросоюза в области внешней политики и политики безопасности, предусматривавшая серьезное расширение непосредственного геополитического влияния Брюсселя на евроазиатском пространстве за счет прямых инвестиций в экономики ключевых государств континента, включая Турцию, Иран, Индию и Китай, способствуя таким образом их заинтересованности в тесном стратегическом партнерстве с Европой²². Одновременно обращает на себя внимание жесткая устойчивость долгосрочного курса Евросоюза в отношениях с Россией, диалектика которого постоянно сводится к нейтрализации исторического и культурного российского влияния на постсоветском пространстве, что равносильно отрицанию права Москвы на собственную сферу жизненно важных геополитических интересов и побуждение последней к диалогу с Европой о тесном экономическом сотрудничестве, но без каких-либо требований уважать «российский имперский статус».

Отрицая сложившуюся веками роль России в качестве «системного интегратора» евроазиатского пространства, ЕС определенно рассчитывает стать ведущим «полюсом силы» на континенте, имея в виду попытаться создать вместе с Китаем на просторах СНГ зону постколониальной сырьевой периферии, конфликтной РФ и перенапрягающей российский экономический потенциал. Вряд ли Россия будет уступать Евросоюзу в зоне своей ответственности, поэтому амбиции ЕС выглядят несколько завышенными и далекими от существующей реальности, ибо Брюссель переоценивает даже свои возможности как-то договориться с КНР по эффективному сдерживанию российской внешнеполитической активности. На данном треке Европа попадает в жесткую геополитическую ситуацию, когда она опутана обязательствами перед США и при всем желании не способна разыграть против России китайскую карту²³. Казавшийся ранее незыблемым союз с Вашингтоном сегодня оставляет Брюсселю немного вариантов для маневра в силу отсутствия независимой внешней политики и мало приятной необходимости защищать американские интересы на Евразийском континенте. Но Евросоюз загнал себя в угол, проповедуя «европейские ценности», которые в европейской интерпретации имеют смысловые оттенки, а по сути дела

противопоставляют себя вековым традициям народов, живущих в Евразии.

Ведущие западные эксперты и аналитики активно призывают Брюссель наращивать собственный европейский военно-политический потенциал с тем, чтобы Евросоюз оказался полностью способным играть роль глобальной геополитической силы, отказавшись от крайних форм либерализма, которые в современных условиях себя на практике не оправдывают. В высокопоставленных европейских кругах нарастают резко критические высказывания в отношении невнятной ближневосточной, североафриканской и украинской политики ЕС на фоне явных успехов России и Китая на тех же направлениях. Независимую позицию Евросоюза сегодня как никогда можно спрогнозировать достаточно уверенно, ибо Вашингтон не намерен кому-либо уступать и старается исключить любую возможность превращения ЕС в самостоятельного глобального игрока, отводя ему скромную позицию некоего «резервного пространства» для американских стратегических интересов в Евразии²⁴. Судя по всему руководители европейских стран после отказа нынешней администрации США от почти достигнутого трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства реально связывают свое будущее экономическое развитие с Евразийским континентом, рассчитывая принять участие в российско-китайских инфраструктурных проектах. Против очень сильного соблазна добиться, пользуясь ситуацией, реального суверенитета в отношениях с США, Европа скорее всего не сможет устоять, тем более это вполне логически объяснимо в свете наращивания российско-китайским тандемом своего влияния в Евразии.

Брюссель крайне беспокоит политика Китая по установлению своего экономического влияния в странах Восточной Европы, которые заметно заинтересованы в прямых китайских инвестициях, нацеленных на финансирование инфраструктурных проектов. В Евросоюзе полагают, что расширение геополитического влияния ЕС на соседние страны, включая Россию, будет происходить автоматически по мере ухудшения в них общей социально-политической и экономической ситуации, однако это так и не произошло в полной мере, поскольку Европа сама неожиданно столкнулась с целым рядом сложных проблем, таких как потоки беженцев, неожиданные

торговые ограничения со стороны США, критические внутривнутриполитические разногласия среди местных элит. Ослабление влияния Брюсселя побудило европейскую геополитическую периферию искать альтернативу на Востоке, и эта альтернатива оказалась представленной тандемом России и Китая²⁵. Москва и Пекин в реальности координируют свои политические усилия на европейском направлении, и прежде всего в том, чтобы активно использовать самоуверенное стремление США лидировать в одиночку, независимо от их европейских партнеров. Российско-китайское тесное взаимодействие в Европе имеет достаточно своеобразный характер: каждая из сторон преследует свои собственные интересы, но стороны стараются уладить те моменты, которые могли бы стать серьезным «яблоком раздора» между РФ и КНР на европейском театре противостояния с США.

Вполне вероятно, что реальные ключевые геополитические интересы сегодняшнего Европейского союза пока четко не определены, ибо весьма трудно в короткое время отказаться от сложившегося тесного альянса с Вашингтоном и сразу повернуться к пока еще слабо просчитанному взаимодействию с Россией и Китаем. Но процесс определения собственных национальных интересов отдельными странами ЕС уже начался, во всяком случае это уже достаточно заметно в таких государствах Старой Европы, как Германия, Франция и особенно Италия. Там с полным пониманием относятся к стремлению Китая проложить сухопутные транзитные коридоры в Европейский союз, поскольку настойчивые попытки США поставить под свой исключительный контроль морские транспортные маршруты в Южно-Китайском море заставляют китайские власти искать адекватные средства для недопущения американской блокады в случае резкого обострения отношений между Вашингтоном и Пекином. Россия могла бы сыграть существенную роль в обеспечении транспортной безопасности перемещения внешнеторговых грузов из Восточной Азии в Западную Европу, используя два варианта: глубокую модернизацию Транссиба, при этом основные капиталовложения направляя на дальнейшее наращивание перевозочных возможностей БАМа, в чем, кстати, весьма заинтересованы Япония, Республика Корея, а также страны АСЕАН; и второй вариант предполагает серьезную интенсификацию сотрудничества с Китаем путем наращива-

ния транспортных переходов через российско-китайскую границу, к которым уже есть транспортные пути со стороны КНР²⁶. Оба варианта достаточно перспективны с точки зрения активного использования и кроме того могут быть дополнены развитием третьего варианта, а именно — увеличением грузовых перевозок по Северному морскому пути; функционируя в едином комплексе, все три варианта способны найти заинтересованных инвесторов со стороны Евросоюза, членам которого тоже важны безопасные перевозки грузов в Восточную Азию.

Заключение

Вряд ли следует сомневаться, что Евразийский континент постепенно становится ареной крупных знаковых геополитических перемен, которые представляют собой закономерный исторический процесс, олицетворяющий собой видение того или иного пространства мира в развитии с точки зрения стратегических, политических и экономических решений со стороны великих держав на данном пространстве. Великие державы рассматривают любое геополитическое пространство с позиции своих национальных интересов, включающих использование географических особенностей территории, осознание ее объективного военно-стратегического значения, понимание ее экономического потенциала, конфессиональных предпочтений. Исходя и выше названных положений, Евразия выступает сегодня как важнейшее базовое пространство для будущего развития России в качестве мощной великой державы, которой предоставляется шанс отказаться от растворения в старой европейской цивилизации и приступить к поэтапному формированию собственного геополитической сущности по меньшей мере от Минска до Шанхая. Контуры этого пространства пока только обозначаются, но процесс его реального становления носит объективный и долговременный характер, последовательно превращаясь в весьма уникальную транснациональную геополитическую конструкцию. Со временем Большая Евразия вполне может развиваться в центр глобального притяжения, способного в обозримом будущем элементарно поглотить то, что сегодня называется Европейским союзом²⁷.

Именно тогда Россия перестанет быть восточной окраиной Европы и превратится в ядро новой евроазиатской цивилизации, где китайский проект «Один пояс, один путь» объективно сделает РФ «хартлэндом» (Heart Land) XXI в. Большое евразийское пространство постепенно начнет мягко эволюционировать в большое евразийское партнерство с весьма большими шансами состояться в качестве нового геополитического проекта, который наверняка бросит вызов континентальной технологической революции и последовательным структурным изменениям, активно подталкивая их в направлении достижения мощного кумулятивного эффекта. Важность нового геополитического проекта определяется прежде всего уже существующим региональным компонентом интеграции, вырастающим до уровня солидного фундамента для интеграции более высокого уровня, когда объективно начнут возникать новые точки роста в экономике, социальной сфере, развитии человеческого капитала. Системным интегратором данной масштабной работы должно стать тесное межгосударственное взаимодействие на огромных просторах Евразии по проблемам противодействия идеологии экстремизма и терроризма, конфликта поколений в евроазиатских странах²⁸. Сопряжение ЕАЭС и китайского «Экономического пояса Шелкового пути» вполне способно оказаться неким мощным «стартапом» для объединения усилий со стороны таких разных государств и интеграционных объединений, как Япония, Республика Корея, Индия, Иран, Турция, АСЕАН и Евросоюз.

В условиях кардинально изменяющегося мира российско-китайский тандем вполне может стать существенным фактором геополитического переустройства международных отношений на Евро-Азиатском континенте. Еще в XVII в. Запад приступил к оказанию мощного давления на Россию, Китай, Иран и Индию, ограничивая степени свободы и возможности для развития всех этих традиционалистских государственных систем, понуждая их обслуживать исключительно западные национальные интересы. Поэтому в цивилизационном плане западное сообщество сегодня представляет собой практически неразрешимую геополитическую проблему для последовательно складывающейся «евразийской четверки», к которой в последнее время все более и более тяготеет также и Турция. Тандем стратегических партнеров в лице России и Китая способен в пер-

спективе стать альтернативой западному миропорядку, а во взаимодействии с Индией, Ираном и Турцией сделать его абсолютно не жизнеспособным прежде всего в Евразии²⁹. Главный онтологический интерес России в обозримой перспективе состоит в создании мощного экономического и политического блока великих евроазиатских государствностей, способного опереться на финансовые возможности, не зависящие от таких западных институтов, как Международный валютный фонд и Мировой банк.

Примечания

¹ *Engström, Maria*. Conservation in the Post-Soviet Context: Ideology, Worldview, or Moral Choice? Uppsala Universitet. Finland. 2017. P. 13 (16 p.).

² *Ismailov, Eldar; Papava, Vladimir*. The Heartland Theory and the Present-Day Geopolitical Structure of Central Asia. Strategic Assessment of Central Asia. 2013. P. 91 (102 p.).

³ *Kono, Susumu*. Posuto Shinajiashyugi to Yoroppashyugi (Пост новый азиатизм и европеизм). Rimmeikan keizaigaku syuppan. Tokyo, 2010. P. 429 (450 p.). Japanese.

⁴ *Parzinger, Hermann*. Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum zum Mittelalter. C.H.Beck. München, 2006. S. 98 (125 s.).

⁵ *Lubsky, Anatoly*. Russia in Search of National Integration Model. Mediterranean Journal of Sciences. Vol.6 No.4S4. Rome-Italy, 2015. P. 211 (214 p.).

⁶ *Scherrer, Jutta*. Russland in Selbst- und europäischen Fremdbildern. C.H.Beck. München, 2006. S. 10 (15 s.).

⁷ *Shendrikova, Diana*. Going regional the Russian Way: The Euratian Economic Union between instrumentalism and global social appropriateness. Working Paper. Italian Institute for International Political Studies. Rome, 2014. P. 11 (21 p.).

⁸ *Kuroda, Tōhiko*. Higashi Ajia no anteiteki seichō to Nihon no yakuwari (Стабильный рост Восточной Азии и роль Японии). Hitotsubashi daigaku syuppanya. P. 4 (6 p.). Japanese.

⁹ *Panke, Diana*. Der Neue Regionalismus. Albert-Ludwig-Universität. Freiburg. Deutschland, 2017. S. 27 (21–37 s.).

¹⁰ *Sangar, Kaneshko*. Russia and China in the age of grand Eurasian projects. Cambridge Journal of Eurasian Studies. Veruscript. UK, 2017. P. 7 (16 p.).

¹¹ *Wauchope, Samantha*. Cultural Diversity and Transversal Values: East-West Dialogue on Spiritual and Secular Dynamics. The Research Center for Moral Science, Institute of Morality. Japan, 2006. P. 62 (206 p.).

- ¹² *Jung Yuexung*. Zhongmei chongtu de benyuan yinsu ji buque dingxing (Основные факторы китайско-американского противостояния и их неопределенность). Shanghai huadong ligong daxue zhanzhengxing wenhua yanjuso chubanshe. Shanghai, 2001. P. 30 (27—34 p.).
- ¹³ *Gemart, Thomas*. The Return of Geopolitical Risk. Institut de L'Entreprise. Paris, France. 2016. P.47 (60 p.).
- ¹⁴ *Horesh, Niv*. Superpower China? New Narrative of Global Leadership under Examination. University of Nottingham. Journal of the British Association for Chinese Studies Vol.3 December 2013. P.96 (94-106 p.).
- ¹⁵ *Takenaka, Chiharu*. Chugoku to Indo no Daikokukka to 21 seiki Indoyo no kokusai seiji shiron (Великодержавие Китая и Индии и международные политические дискуссии относительно роли Индийского океана в 21 веке). Rikkyo daigaku hogaku kenkyusyo. Tokyo, 2015. P.130 (129-143 p.).
- ¹⁶ *Qasem, Islam; van Dongen, Teun; de Ridder, Marjolein*. The Beijing Consensus: an alternative approach to development. Issue Brief No.02. The Hague. The Netherlands. April 2011. P.4 (8 p.).
- ¹⁷ *Genser, Daniele*. USA, Europa und China — abhängig von Erdölimporten. Der Eurororder Ig.17\Nr.1. Berlin. Deutschland. September 2012. S. 10 (10—13 s.).
- ¹⁸ *Yang Jiemian*. Zhanzai xingqidian de Zhongguo wajiao zhanlie tiaozhen (Гармонизация Китаям своей международной стратегии в современных вновь возникших условиях). Shanghai guojia wenti yanjiusuo. Shanghai, 2014. P. 10 (18 p.).
- ¹⁹ *Asmus, Ronald D*. A New Euro-Atlantic Strategy. The German Marshall Fund of the United States. Washington, D.C., 2009. P. 38 (88 p.).
- ²⁰ *Bond, Ian*. The EU, the Eurasian Economic Union and One Belt, One Road: Can they work together? Center for European Reform. Brussels, 2017. P. 6 (14 p.).
- ²¹ *Chow, Daniel C.K*. A Comparison of EU and China Competition Law. Journal of Law and Policy for the Information Society. The Ohio State University. USA, 2015. P. 507 (497—530 p.).
- ²² *Myller Gomez, Johannes; Weesels, Wolfgang*. Die deutsche Verwaltung und die Europäische Union. Bundes Akademie. Bundesministerium des Innern. Brühl. Deutschland, 2016. S. 126 (294 s.).
- ²³ *Morita, Ken*. Chiiki tōgō to taisei yikō no seiji keizai gaku: “keiro yizon” — o megutte. (Региональное единение и политико-экономическое знание: к вопросу о «приверженности избранному курсу»). Report. The Fifth APISACongress. Taichung. Taiwan, 2011. P. 6 (17 p.).
- ²⁴ *Blank, Stephen J*. U.S. Interests in Central Asia and the Challenges to them. Strategic Studies Institute of the U.S. Army. Carlisle. USA, 2007. P. 8 (53 p.).

²⁵ *Klein, Margarete; Westphal, Kirsten.* Russlands Wende nach China. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale politik und Secherheit. 2015. S. 5 (8 s.).

²⁶ *Wang Jiaoe, Jing Yue, Wang Chengjin.* ZhongOu banle yunshu zuzhi celue yanjiu (Исследование мероприятий организации транспортных связей между Китаем и Европой). Dili kexue he ziran ziyuan yanjiu xueyuan. Beijing, 2017. P. 373 (370—376 p.).

²⁷ *Popescu, Nicu.* Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. European Union Institute for Security Studies. Paris, 2014. P. 13 (48 p.).

²⁸ *Ameneh, Mehdi Parvizi.* Konflikt und Zusammenarbeit um die Kontrolle der Erdöl-ressourcen im Post-sowjetischen Eurasien: RuЯland, Tүrkei und Iran. Universitdt von Amsterdam Verlag. 2017. S. 2 (28 s.).

²⁹ *Pinki, Roy.* China's Arms Trade with Russia: the emerging new dynamics. Forum for National Security studies. India, 2018. P. 2 (4 p.).

*В.Б. Кашин**

РОЛЬ ШОС В РАЗВИТИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЕАЭС С АЗИАТСКИМИ СТРАНАМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Экономическое сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества на протяжении долгого времени считается в целом малоуспешным аспектом ее развития. На фоне достигнутого прогресса во взаимодействии по тематике региональной безопасности, борьбы с терроризмом и координации по вопросам международной политики страны — члены ШОС сталкивались с трудностями в выработке единых подходов к реализации региональных экономических проектов.

Вместе с тем в настоящее время Организация вступает в новый период своего развития. Этот период связан не только с важным расширением круга ее членов, в число которых вошли теперь Индия и Пакистан, но и с важными изменениями в мировой политике. Помимо расширения, важнейшими факторами, которые могут оказать влияние на сотрудничество в рамках Организации, являются торговая война Китая и США, новая волна американских санкций против России, выход США из ядерной сделки по Ирану, активизация дипломатических усилий России по строительству «Большого евразийского партнерства» (БЕП).

* *Кашин Василий Борисович*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

В новой ситуации у участников ШОС могут не просто появиться новые важные стимулы для развития сотрудничества. Сотрудничество фактически может стать безальтернативным. Тем самым могут быть преодолены трудности, связанные с многолетней инерцией, взаимным недоверием и скепсисом, страхом перед многосторонними механизмами с участием Китая.

Важная роль ШОС в развитии сопряжения между Евразийским экономическим союзом и «Экономическом поясом Шелкового пути» (ЭПШП) подчеркивалась в соответствующем двустороннем совместном заявлении, подписанном по итогам визита в Россию председателя КНР Си Цзиньпина в мае 2015 г.

В заявлении отмечалось, что «согласованные усилия» сторон по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и ЭПШП будут предприниматься «в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества»¹. При этом подразумевалось, что сотрудничество будет преследовать весьма амбициозные цели — вплоть до движения к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем.

Реальные результаты оказались более скромными. Сторонам в мае 2018 г., спустя три года после подписания заявления о сопряжении, удалось подписать Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР². Однако данное соглашение не касается таможенных тарифов и преследует главным образом цели облегчения взаимодействия и координации регулирующих органов, в частности в сфере технических, санитарных и фитосанитарных стандартов и таможенных процедур. Следует отметить, что технические барьеры ранее играли роль важного ограничителя наращивания экспорта стран ЕАЭС в Китай. Вместе с тем это лишь первый шаг в работе по снятию барьеров в торговле ЕАЭС и КНР, и он был сделан без какой либо опоры на «платформу ШОС».

Более того, уже после подписания заявления о сопряжении ряд китайских экспертов в ходе контактов выражали сомнения в способности ШОС эффективно выполнять роль подобной платформы, учитывая разность интересов ее членов и наличие особой позиции Узбекистана. Даже в рамках ЕАЭС многие участники предпочитали решать по возможности более широкий круг вопросов торгово-экономического сотрудничества с КНР в двустороннем формате.

Ситуация едва ли могла измениться без серьезного внешнего потрясения. Фактически, с начала 2018 г. произошел ряд таких потрясений, способных изменить позиции ряда членов Организации.

Важнейшим подобным изменением можно считать разразившуюся в начале 2018 г. американо-китайскую торговую войну, которая на момент написания этой статьи продолжала набирать обороты. Пока нет никаких оснований ожидать снижения интенсивности этого конфликта.

Конфликт имеет две составляющие, первая из которых — общая протекционистская направленность экономической политики администрации Дональда Трампа. Ряд мер, влияющих на торговые отношения США с Китаем, направлены не специально против КНР, а против большого числа стран, с американской точки зрения придерживающихся нечестных торговых практик.

Так, применительно к Китаю в США начало набирать обороты введение в январе 2018 г. повышенных импортных тарифов на иностранные стиральные машины и солнечные батареи. Хотя на начальном этапе американские официальные лица не идентифицировали Китай в качестве единственной или главной цели вводимых тарифов, косвенно эта мера наносила удар по китайской торговле, учитывая роль КНР в соответствующих производственных цепочках.

Следующим этапом стало объявление в начале марта 2018 г. 25 % импортных тарифов на сталь и 10 % тарифов на алюминий в связи с угрозами национальной безопасности. Несмотря на то что Китай не являлся лидером в экспорте данного вида продукции в США, его интересы были затронуты, что привело к введению китайской стороной ответных мер в отношении 128 статей американского экспорта в КНР на сумму около 3 млрд долл.

Уже на раннем этапе обозначилась тенденция, в рамках которой Китай наносит удар по сырьевым и продовольственным компонентам американского экспорта, таким как фрукты, орехи, свинина, модифицированный этанол, вино и т. п.³

Следующей целью американских тарифных мер стали высокотехнологичные компоненты китайского экспорта, прежде всего относящиеся к отраслям, выделенным в качестве приоритетных в программе технологического и промышленного развития «Сделано в Китае — 2025». Речь шла о поэтапном введении пошлин на китай-

ский экспорт на общую сумму 50 млрд долл. Со своей стороны Китай заявил о возможности ответного введения пошлин на экспорт американских соевых бобов, автомобилей, авиационной техники и другой продукции.

Дальнейшее раскручивание взаимных санкций, судя по заявлениям Белого дома, может привести к введению пошлин дополнительно на китайский экспорт стоимостью более 200 млрд долл. уже в сентябре 2018 г. Китай на данном этапе уже заявил о своей готовности к жесткому отстаиванию своих интересов и принятию решительных мер. В то же время видно, что основные китайские тарифы, которые введены и планируются к введению в ближайшее время, касаются американского сырьевого экспорта.

Сельскохозяйственная продукция и минеральное сырье занимают важное место в структуре американского экспорта в Китай. Экспорт сельскохозяйственной продукции был крупнейшим отдельно взятым компонентом американских поставок в Китай в последние годы (21 млрд долл. в 2016 г. при общем объеме экспорта товаров в 115 млрд долл.). Другими важными элементами американского сырьевого экспорта в Китай оставались сжиженный природный газ, лесная продукция, продукция химической промышленности, металлический лом⁴ (рис. 1).

Китай по состоянию на август 2018 г. заявил о возможности введения дополнительных пошлин на американский экспорт в страну на общую сумму более 60 млрд долл. Некоторые из этих мер должны привести к масштабному перераспределению китайского рынка в тех секторах, где США выступали прямыми конкурентами стран ЕАЭС.

Прежде всего, речь идет о пошлинах на сельхозпродукцию, включая сою, кукурузу, пшеницу, свинину и т. п. Помимо этого, обложению подлежат многие виды цветных металлов, включая медь, ванадий, никель, цинк, ниобий и т. п. В частности, пошлины на медь могут составить 25 %. Крайне важное значение имеет введение КНР 25 % пошлин на американский экспорт древесной продукции, а также на американский сжиженный природный газ. На Китай приходится 14 % всего американского экспорта сжиженного природного газа в 2016—2018 гг.⁵

Потенциальное введение КНР пошли на экспорт американского сжиженного природного газа (СПГ) может иметь особенно важное

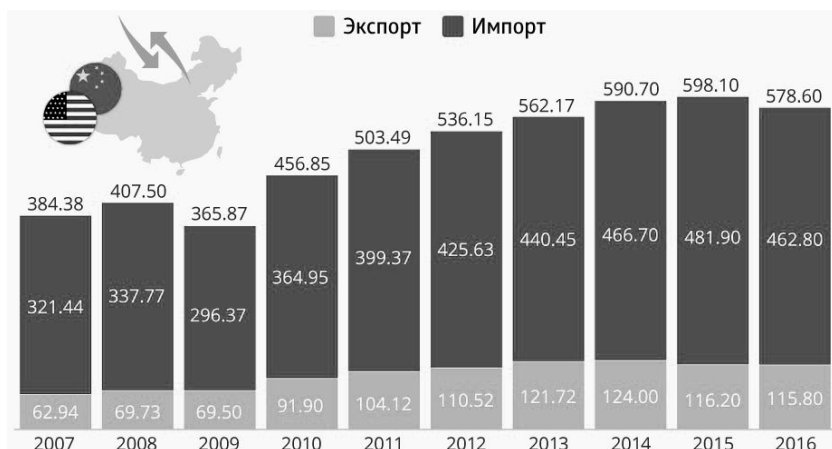

Рис. 1. Состояние торговли США с Китаем (общая стоимость товаров, млрд долл.). *Источник:* U.S. Census Bureau

значение для экономического взаимодействия в рамках ШОС. Повышение Китаем импорта американского СПГ предлагалось вице-премьером Госсовета КНР Лю Хэ в качестве одного из основных путей решения проблемы дисбаланса китайско-американской торговли. В ходе визита президента США Д. Трампа в США в ноябре 2017 г. был подписан меморандум о намерениях, согласно которому китайская нефтяная компания Sinopet, Bank of China и Китайская инвестиционная корпорация должны были инвестировать более 43 млрд долл. в проект по добыче и сжижению природного газа на Аляске⁶.

Реализация таких планов могла самым негативным образом сказаться на интересе Китая к проектам сотрудничества в газовой сфере с Россией и со странами региона Центральной Азии. Фактически же теперь есть шанс не только избежать расширения американской доли на китайском рынке, но и свертывания уже имевших место значительных поставок. В связи с этим можно ожидать повышения роли сотрудничества с рядом стран — членов ШОС в обеспечении энергетической безопасности КНР и усиления китайского интереса к подобному сотрудничеству.

Рассматриваемые Китаем тарифы на 60 млрд долл. могут вступить в действие осенью 2018 г. Следующим этапом эскалации должно стать введение сторонами друг против друга тарифов на сумму более 200 млрд долл.⁷ Очевидно, что на этом этапе Китай исчерпает возможности для введения ограничений на американский экспорт товаров и, видимо, начнет наносить удары по американскому экспорту услуг (58 млрд долл. в 2016 г.) и бизнес американских компаний в США (выручка 20 крупнейших игроков из США на китайском рынке составила 158 млрд долл. в 2016 г.⁸

На данный момент есть все основания предполагать, что американо-китайские противоречия носят долгосрочный, системный характер. Они спровоцированы не какими-либо отдельными протекционистскими шагами Китая, а несовместимостью проводимого им курса на ускоренное инновационное развитие с долгосрочными целями развития США. В частности, показательны высказываемые в американском экспертном сообществе опасения в отношении вероятного лидерства Китая во внедрении технологий.

Острые американских мер направлено на отрасли китайской экономики, охваченные программой «сделано в Китае — 2025» и китайские компании, играющие роль национальных чемпионов в высокотехнологичных секторах. Примером могут служить действия против производителя телекоммуникационного оборудования ZTE, вынужденного свернуть хозяйственную деятельность в США и любое сотрудничество с американскими контрагентами в связи с обвинениями в связях с Ираном.

Таким образом, прекращение конфликта потребует от КНР, по сути, сменить принятую в настоящее время модель экономического развития и систему управления экономикой, что в принципе маловероятно.

Для стран ЕАЭС непосредственный интерес может представлять использование площадки ШОС для обсуждения совместного реагирования на торговую войну. Задачей, стоящей перед странами союза, могло бы быть занятие максимально большей доли китайского рынка сои, пшеницы, отдельных видов мясных продуктов, природного газа, металлов и химической продукции.

По ряду направлений инициативы по либерализации торговли могли бы быть согласованы с не входящими в ЕАЭС странами ШОС

(Индия, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан), также заинтересованными в наращивании экспорта в Китай отдельных видов горно-рудной и сельскохозяйственной продукции.

Китай со своей стороны мог бы быть заинтересован частично компенсировать потери в экспорте потребительской электроники, телекоммуникационного оборудования, электрических машин и прочей высокотехнологичной продукции в США за счет партнеров по ШОС. Привлечение, наряду со странами ЕАЭС к диалогу по данной тематике Индии и Пакистана с их емкими внутренними рынками способно повысить интерес сторон к Соглашению.

В отсутствие мер по расширению доступа на китайский рынок для партнеров Китая по ШОС есть вероятность, что значительная часть выигрыша от перераспределения долей китайского рынка сырьевых товаров достанется Австралии и Новой Зеландии как странам, имеющим с КНР соглашения о зонах свободной торговли.

Другим направлением взаимодействия, потенциально способным оживить экономическую составляющую ШОС, является решение проблемы возобновившихся после выхода Соединенных Штатов из соглашения по иранской ядерной проблеме односторонних экономических санкций США против Ирана. Решения, принимаемые Вашингтоном, несмотря на отсутствие поддержки санкций со стороны прочих глобальных экономических центров, включая Европейский союз, с высокой вероятностью приведет к возобновлению традиционных проблем с обслуживанием внешней торговли Исламской Республики (рис. 2).

Традиционно Иран использует для сотрудничества со своими важнейшими экономическими партнерами, включая Китай и Индию, специальные финансовые институты, создаваемые именно для обслуживания иранской торговли и защищенные от давления США. За счет экспорта нефти Иран накапливает значительные резервы в валютах стран-партнеров, которые он далеко не всегда может рационально использовать из-за наличия в таких странах, как Китай и Индия, препятствующих этому мер валютного контроля.

При этом Китай продолжает придерживаться весьма амбициозных планов по развитию торговли с иранской стороной, направленных на выход на показатели, близкие к 200 млрд долл., в следующем десятилетии (товарооборот составляет около 60 млрд сейчас).

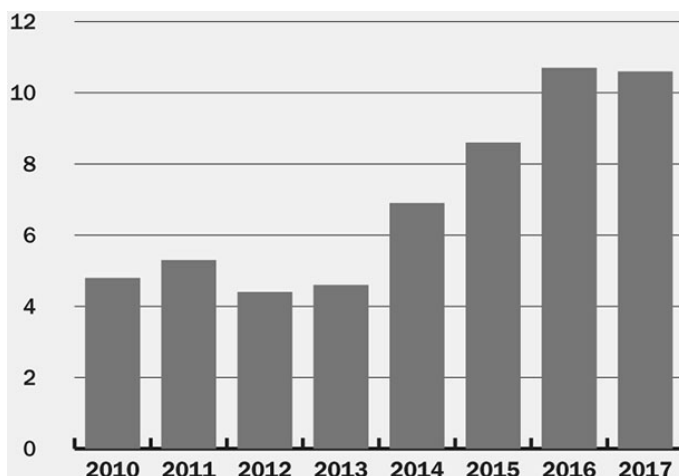

Рис. 2. Экспорт химической продукции и сырой нефти Ирана в Китай, млн т.

Источник: ICIS Supply and Demand Database

Китай и Индия являются важнейшими торговыми партнерами Ирана и крупными покупателями иранской нефти⁹. В то же время Евразийский экономический союз находится на пути к подписанию с Ираном соглашения о зоне свободной торговли, рассчитывая нарастить экспорт в страну своей гражданской машиностроительной и сельскохозяйственной продукции.

Возобновление США санкций против Ирана и их привязка на данном этапе уже не к ядерной программе, а к самым различным аспектам иранской внутренней и внешней политики (по сути — к требованиям смены иранского режима), создает общие проблемы для большинства членов ШОС и предпосылки для совместных действий в экономической сфере, учитывая имеющийся у Ирана статус наблюдателя и его интерес к вступлению в Организацию.

Возможными шагами могло бы стать создание многосторонних финансовых структур и заключение соглашений, которые бы позволили с большей эффективностью вести с Ираном торговлю с использованием национальных валют стран — членов Организации.

Ускорению многосторонних форматов взаимодействия в ШОС в финансовой сфере и усилиям по созданию финансовой инфраструк-

туры, защищенной от американских санкций, может способствовать и ожидаемая новая волна международных санкций в отношении самой России как во исполнение принятого в прошлом году Закона о противодействии противникам США посредством санкций СААТSA, так и весьма вероятных новых решений конгресса США.

Следующим этапом в развитии взаимодействия между ЕАЭС и Китаем должны стать предметные переговоры по вопросам создания «евразийского партнерства», работа над технико-экономическим обоснованием которого была завершена к визиту президента России Владимира Путина в Китай в июне 2018 г. Предполагается, что партнерство будет представлять собой более глубокое экономическое интеграционное соглашение, чем зона свободной торговли, о возможности рассмотрения которого говорилось в заявлении о сопряжении ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». В соглашении предполагалось учесть опыт соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, в частности в вопросах стандартизации и защиты инвестиций.

До произошедшей эскалации экономических противоречий между США, с одной стороны, и Китаем, Россией и Ираном — с другой можно было ожидать крайне длительных переговоров по заключению данного торгового соглашения. Тем не менее в настоящее время могут появиться шансы определенного ускорения этого процесса и попытки обеспечить общую защиту от общей дестабилизации мировой торговли.

Таким образом, экономическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества может в ближайшие годы пережить серьезные изменения под воздействием изменений, происходящих в мировой политике и торговле. Односторонние действия США, направленные на подрыв избранной КНР модели экономического развития, в сочетании с возобновлением односторонних мер экономической войны против Ирана и эскалацией санкций против России могут создать у стран — членов ШОС заинтересованность к резкой активизации экономического сотрудничества в рамках организации. Важными направлениями сотрудничества может быть расширение экспорта в Китай сырьевой продукции стран ШОС взамен американской, а также расширение экспорта китайской высокотехнологичной продукции в страны ШОС для компенсации утраты час-

ти американского рынка. Важным направлением сотрудничества также может стать создание новой, защищенной финансовой инфраструктуры, способной обеспечить устойчивость торговых связей с Россией и Ираном в этих условиях. Американо-китайская торговая война в целом представляет собой важный шанс для усиления Организации, который необходимо использовать в ближайшие годы.

Примечания

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

² Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой. 18.05.2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>

³ China Raises Tariffs on 128 US imports. Global Policy Watch. 03/04/2018. URL: <https://www.globalpolicywatch.com/2018/04/china-raises-tariffs-on-128-u-s-imports-in-retaliation-for-u-s-section-232-steel-and-aluminum-tariffs/>

⁴ US Trade Representative, Trade with Peoples Republic of China. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>

⁵ Trade War Target Practice. 07/08/2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2018/08/07/trump-china-trade-war-made-in-america-gets-more-tariffs/#6ba8f5086faa>

⁶ Reuters, 7/11/2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-trump-asia-china-deals-factbox/factbox-china-u-s-commercial-deals-signed-during-trumps-china-visit-idUSKBN1D90P5?il=0>

⁷ From Chicken Breasts to LNG — China Commodity Tariffs. Bloomberg, 03/08/2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-08-03/natural-gas-takes-brunt-of-newest-china-commodity-tariff-threat>

⁸ Apple, Nike and 20 others have \$158 bn at stake in China trade war. Market Watch 04/04/2018. URL: <https://www.marketwatch.com/story/trade-war-watch-these-are-the-us-companies-with-the-most-at-stake-in-china-2018-these>

⁹ China to Ignore US demand on Iran Oil Ban. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade-War/China-to-ignore-US-demand-for-Iran-oil-ban>

*В.Е. Петровский**

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШОС

Как отмечено в Стратегии развития ШОС до 2025 г., экономическое сотрудничество является важным элементом обеспечения стабильности на пространстве ШОС, одним из инструментов достижения устойчивости самой Организации на длительную перспективу. ШОС будет способствовать обеспечению гармоничного развития всех государств-членов в интересах сбалансированного экономического роста в регионе.

В качестве одной из приоритетных целей развития Организации Стратегия определяет углубление торгово-экономического и финансово-инвестиционного сотрудничества, а также совместной проектной деятельности на приоритетных направлениях сотрудничества в целях устойчивого развития государств-членов, повышения благосостояния и уровня жизни их населения¹.

ШОС, как и любая другая международная организация, не свободна от проблем и противоречий. Она создавалась именно для того, чтобы преодолевать эти противоречия в процессе координации политики для достижения гармонизации национальных интересов стран — членов Организации. Одним из таких проблемных вопросов для ШОС является создание фонда развития ШОС и Банка развития

* *Петровский Владимир Евгеньевич*, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе. Этот вопрос, который обсуждается в рамках ШОС далеко не первый год, критики Организации считают неким «камнем преткновения».

26 октября 2005 г. во время совещания в Москве премьер-министров стран ШОС в присутствии руководителей 10 членов и наблюдателей Организации был создан региональный механизм международного финансового сотрудничества — Межбанковское объединение (МБО) ШОС. Председатель Государственного банка развития Китая Чэнь Юань был избран первым председателем правления данного объединения.

Межбанковское объединение (МБО) ШОС — механизм финансирования и банковского обслуживания инвестиционных проектов, поддерживаемых правительствами государств-членов, учрежденный в 2005 г., — расширяет возможности сотрудничества в финансовой сфере, используя потенциал банковских и финансовых институтов. МБО эффективно взаимодействует с иными финансовыми институтами Евразии: в 2008 г. был подписан меморандум, на основе которого были установлены партнерские отношения между МБО и Евразийским банком развития. В рамках реализации меморандума проводятся регулярные встречи и консультации, предоставляется информация об инвестиционных проектах, финансируются совместные проекты и экспортные операции и т. д.

Банками — членами МБО ШОС являются Банк развития Казахстана, Государственный банк развития Китая, РСК Банк (Расчетно-сберегательная компания Киргизской Республики), Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк) (Россия), Государственный сберегательный банк «Амонатбанк» (Таджикистан) и Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан. Банки-партнеры МБО ШОС — Акционерный сберегательный банк «Беларусбанк»; «Хабиб Банк Лимитед» (Пакистан) и Банк развития Монголии.

Приоритетные направления деятельности МБО ШОС в 2017 г. включают в себя утверждение новой Стратегии дальнейшего развития Объединения на среднесрочную перспективу (2017—2021), взаимодействие с международными финансовыми институтами, действующими на пространстве ШОС и Азиатском регионе, расширение

сотрудничества с финансовыми институтами государств — членов и партнеров по диалогу ШОС².

Упомянутая Стратегия была утверждена на XIII заседании совета МБО ШОС в Астане. Согласно стратегии, МБО ШОС в своей работе сосредоточится на следующих приоритетных направлениях:

- совместное финансирование проектов в приоритетных сферах, представляющих интерес для экономик государств — членов ШОС;
- обновление перечня инвестиционных проектов, рекомендуемых банками — членами МБО ШОС для совместного финансирования;
- создание многосторонних механизмов финансирования приоритетных проектов;
- содействие развитию экспортного потенциала стран банков — членов и банков — партнеров МБО ШОС, в том числе по линии малого и среднего бизнеса;
- проработка вопросов по созданию оптимальных условий для постепенного перехода от двустороннего формата сотрудничества в проектной финансовой деятельности к многостороннему с учетом национальных интересов государств — членов ШОС;
- формирование консолидированных подходов МБО в отношении инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» с целью создания благоприятных условий для продвижения экономического сотрудничества на пространстве ШОС.

На заседании также был избран председатель совета МБО ШОС на следующий срок (с октября 2017 по октябрь 2018 г.). Им стал председатель правления Государственного банка развития Китая Ху Хуайбан³.

Создание единого механизма финансирования обсуждается руководством государств — членов ШОС с 2008 г., однако единого мнения по вопросу о возможном формате банка нет. Москва предлагает схему учреждения Банка развития ШОС на базе Евразийского банка развития (ЕАБР), в котором в настоящий момент доминируют Россия (66 %) и Казахстан (33 %), так как опасается, что банк будет контролироваться Китаем. Пекин в свою очередь предлагает схему, в соответствии с которой уставной капитал банка предполагается создать из пропорциональных взносов участников (доля Китая в таком случае составит 80 %).

Концепция создания Банка развития ШОС была выдвинута премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао на девятом заседании премьеров стран — участниц ШОС в Душанбе 25 ноября 2010 г. Она нацелена на продвижение строительства региональной системы финансирования. Вэнь Цзябао предложил углублять финансовое и межбанковское сотрудничество в рамках ШОС и рассмотреть вопрос о создании Банка развития ШОС, обсудить новые взаимовыгодные способы совместного финансирования, он также предложил расширить сотрудничество по расчету в национальных валютах и содействовать региональному торгово-экономическому сотрудничеству.

В декабре 2010 г. сообщалось о том, что Китай планирует инвестировать 8 млрд долл. на создание Банка развития ШОС. Со ссылкой на China Business News также сообщалось, что Китай будет основным инвестором банка с фондом около 10 млрд долл. Остальные средства поступят от других членов ШОС, в том числе и от России. Банк развития ШОС планируется создать по модели Всемирного банка и Международного валютного фонда. Подчеркивалось, что Китай станет играть более весомую роль в деятельности банка, если будет определено, что вес зависит от доли инвестиций⁴.

7 ноября 2011 г. после десятого заседания глав правительств государств — членов ШОС премьер России В. Путин на пресс-конференции отметил, что Россия поддерживает идею о создании специального счета в рамках ШОС в сжатые сроки, так как он будет способствовать эффективному контролю и регулированию финансов по проектам. Россия также готова рассматривать предложение китайского партнера о создании Банка развития ШОС⁵.

Растущая экономическая мощь Китая порождает опасения у других стран — членов ШОС относительно того, что новый финансовый институт (кстати, предложенный именно Китаем) может стать инструментом китайского доминирования.

Логика китайской стороны понятна и основана на естественном стремлении использовать в рамках ШОС свое конкурентное преимущество: китайская экономика, во многом все еще сориентированная на экспорт, будет требовать расширения рынков сбыта. Поэтому в свое время Китай предложил идею зоны свободной торговли ШОС, а позднее — фонда развития и Банка развития ШОС, чтобы качественно расширить инструментарий своего торгово-экономического влияния.

Чтобы сбалансировать эту тенденцию, Россия и Казахстан в свою очередь предложили создавать Банк развития ШОС на основе расширения возможностей уже существующего Евразийского банка развития со штаб-квартирой в Алматы. Это породило новый виток дискуссий в рамках ШОС, которые продолжаются и по сей день.

Может ли торгово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС быть асимметричным — вот главная дилемма для стран-участниц. Некоторые эксперты полагают, что КНР не согласится войти в Евразийский банк развития в статусе младшего или даже равного России партнера и при создании Банка развития ШОС придется согласиться на ключевые условия — китайское доминирование в капитале, размещение органов управления в Пекине или Шанхае, а соответственно — на большое число граждан КНР среди сотрудников банка.

По мнению экспертов (А. Габуев и др.), дипломатические усилия следовало бы направить не на изменение этих базовых для Китая параметров, а на отражение в нормативных документах положений, соответствующих интересам России и ее партнеров в Центральной Азии: включение в Положение о банке и Руководство по инвестированию лучших практик Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЕБРР и других подобных институтов, которые позволяют максимально учитывать интересы страны-реципиента кредита. Следовало бы также прописать в документах порядок формирования льготных ставок, обязательное наличие местных подрядчиков при реализации проектов (и установление минимального объема работ, выполняемых местными компаниями), жесткое соблюдение экологического законодательства, уровень передачи технологий и пр.⁶

Вопрос создания фонда развития и Банка развития ШОС следует также рассматривать в более широком контексте, связанном с разрыванием интеграционных процессов в Евразии и АТР. Для России весьма важным является то, что она, в отличие от таких торгово-экономических «гигантов», как США и Китай, в настоящее время заинтересована не столько в развитии либерализации региональной торговли (trade liberalization), сколько в усилении транспарентности и экономической взаимосвязанности коммерческих связей (trade facilitation), в создании справедливой, устойчивой и сбалансированной торгово-экономической системы, отвечающей

приоритетам и уровню развития российской экономики, особенно ее экспортно-ориентированных товаропроизводящих отраслей.

Поэтому Россия взяла курс на отстаивание приоритетов транспарентности и взаимосвязанности торгово-экономических отношений в Евразии и АТР, ибо именно это помогает ей стать активным и заинтересованным участником обсуждения новых правил региональной торговли. Такой курс соответствует долгосрочным геополитическим интересам страны.

Усилению транспарентности и взаимосвязанности способствует и создание новых многосторонних финансовых институтов, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд развития Шелкового пути.

Создание АБИИ, который призван стать мощным финансовым инструментом развития инфраструктурных проектов в АТР и весомым дополнением к работе МВФ и Всемирного банка (ВБ), объективно отвечает новым вызовам и отражает изменения в мировом экономическом порядке. Уставной капитал Банка определен в размере 100 млрд долл., соотношение инвестиций азиатских стран и стран за пределами Азии составляет 75 к 25. Китай инвестирует 29 млрд 780,4 млн долл. и получает 26,06 % голосов. По этим показателям КНР пока является крупнейшим акционером Банка и обладает наибольшей долей голосов. По мере роста операций планируется открытие региональных структур и представительств Банка. Директор АБИИ будет избираться из числа представителей азиатских стран-участниц сроком на пять лет с возможным переизбранием еще на один пятилетний срок⁷.

Не менее важно и подключение России и ЕАЭС к участию в реализации инициированного Китаем мегапроекта «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). Фонд Шелкового пути является средне- и долгосрочным инструментом развития и инвестиций, который предоставляет помощь странам и регионам, расположенным вдоль «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» («Пояс и Путь»), в реализации крупномасштабных проектов, обеспечивающих расширение транспортно-коммуникационных возможностей региона. На саммите ШОС в Астане в июне 2017 г. главы государств приветствовали инициативу «Один пояс, один путь» и, высоко оценивая итоги одноименного Форума

международного сотрудничества, прошедшего 14—15 мая 2017 г. в Пекине, высказались за их реализацию, в том числе путем координации международных, региональных и национальных проектов, ориентированных на сотрудничество в целях обеспечения устойчивого развития на основе принципов взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды.

В ходе Уфимского саммита стран ШОС 2018 г. заместитель министра иностранных дел КНР Чэн Гопин заявил, что Банк развития Шанхайской организации сотрудничества будет являться инструментом финансирования общих проектов, дополняющим уже существующие финансовые межгосударственные институты: «Можно сказать, что этот новый банк ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС дополняют друг друга, стимулируют развитие, не противоречат друг другу»⁸.

Президент Казахстана Н. Назарбаев в своем выступлении на саммите в Уфе отметил потенциал формирования единой системы поддержки регионального сотрудничества, включая возможности синхронизации совместных мер по улучшению инвестиционно-финансового климата в рамках АБИИ, Евразийского банка развития и Банка развития БРИКС. Таким образом, участникам ЕАЭС, ШОС и резидентам проекта «Экономического пояса Шелкового пути» имеет смысл рассмотреть возможности создания и взаимодействия наднациональных финансовых институтов как части единой системы инвестиционных инструментов.

Синхронизация деятельности международных финансовых институтов весьма актуальна для всех стран в зоне ответственности ШОС. Недавно к созданию Банка развития ШОС миноритарные акционеры ЕАБР относились скептически. Вступившие в Евразийский экономический союз Армения и Киргизская Республика опасались формирования Банка ШОС на основе Евразийского банка развития, так как это могло привести к сокращению финансирования некоторых переходных проектов их интеграции в ЕАЭС. Однако новый наднациональный банк развития (не на базе другого института, а именно как самостоятельное образование) эти риски исключил. Теперь важно, чтобы «молодые» финансовые институты функционировали в режиме общей согласованности с другими аналогичными формированиями⁹.

Сегодня очевиден четкий настрой глав государств-участников на ускорение процесса создания фонда развития и Банка развития ШОС, что отражает усиление роли экономической безопасности в создании всеобъемлющей системы региональной безопасности в Евразии. Государства — члены ШОС активизируют работу по реализации совместных экономических, инфраструктурных и инвестиционных проектов с использованием потенциала Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС. Они отмечают целесообразность привлечения к проектной деятельности правительственных структур и деловых кругов государств-наблюдателей и партнеров по диалогу, а также задействования механизмов государственно-частного партнерства.

На саммите в Астане в 2017 г. главы государств отметили важность продолжения консультаций на экспертном уровне по обсуждению вопроса о создании Банка развития ШОС и фонда развития ШОС в соответствии с решением Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС (г. Бишкек, 3 ноября 2016 г.) в целях финансового обеспечения совместных проектов в рамках ШОС¹⁰.

С точки зрения российских политических и экономических интересов Банк ШОС должен стать финансовым институтом, оказывающим поддержку преимущественно инфраструктурным объектам, которые в перспективе могут обеспечить высокий уровень проектной помощи в рамках ШОС. На саммите ШОС в Уфе было принято решение о создании Банка ШОС с преимущественным участием КНР в уставном капитале и административных органах (с условием нахождения консенсуса в вопросе выбора схемы инвестирования остальных партнеров)¹¹.

Однако в российской экспертной среде и в банковском сообществе высказываются и другие мнения на этот счет. Так, по мнению председателя правления Евразийского банка развития Д. Панкина, «острота создания еще одного банка ШОС ушла. И слишком много банков получается в одном регионе. Есть и банк БРИКС, есть и банк ШОС, есть Евразийский банк... Скорее сейчас важна координация работы действующих банков, банков развития, создающихся банков в Китае, банка ШОС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Банка БРИКС, координация их с имеющимися банка-

ми. И отработка проектов. Потому что банков много, проектов мало. То есть важно сейчас работать по конкретным проектам, доводить их до стадии, когда банки могут их финансировать»¹².

Как заявил в июне 2016 г. министр иностранных дел Казахстана Е. Идрисов, «открытым остается вопрос о создании Банка развития и Фонда развития (Специального счета) ШОС. Скорейшее создание этих механизмов финансового сопровождения станет залогом для вывода экономической составляющей сотрудничества в рамках организации на качественно новый уровень. Казахстан выступает за формирование Банка развития ШОС на базе Евразийского банка развития»¹³.

Как отмечалось на состоявшейся в июне 2015 г. международной конференции «Роль межбанковского сотрудничества в обеспечении темпов экономического роста на пространстве ШОС, БРИКС, ЕАЭС», интеграцию финансовых рынков государств ШОС, БРИКС, ЕАЭС сдерживают сложная кризисная ситуация в финансово-кредитной сфере, структурные диспропорции в экономиках стран, дефицит собственного капитала как предприятий, так и банковских структур, дисбаланс между сроками привлечения кредитных ресурсов и их размещением, различия в системах учета и контроля банковской деятельности. В существующих условиях международных экономических отношений особую роль играет координация действий именно финансовых и банковских институтов как основных посредников, обеспечивающих потребности современной мировой экономики¹⁴.

Банки — члены МБО ШОС, с одной стороны, должны выполнять задачу по аккумуляции финансовых ресурсов региона и предоставлять конкретные услуги первоочередным объектам сотрудничества; с другой — они должны изучать возможности того, как приспособиться к глобализации, создать финансовую систему и рынок, соответствующие особенностям данного региона, во избежание собственной маргинализации на волне нынешней глобализации¹⁵.

В январе 2017 г. президент Государственного банка развития Китая (ГБРК) Чжэн Чжицзэ выдвинул предложения относительно взаимодействия МБО ШОС в сфере финансовой инновации, включая инновационные механизмы сотрудничества и развития взаимосвязанных отношений между правительством, предприятиями и финансовыми институтами; поиск новых и углубление существующих

форм сотрудничества финансовых институтов; новые модели финансирования и расширение каналов привлечения средств; инновация в кредитной системе и усиление контроля над рисками¹⁶.

По мнению российских экспертов, ни один из членов ШОС не может сравниться с финансовыми возможностями КНР. Пекин готов кредитовать страны ШОС, тем самым постепенно вытесняя доллар и наращивая свой авторитет в Организации. К тому же китайский проект существенно снижает роль России в ШОС, поскольку на фоне надвигающейся новой волны кризиса и падения цен на нефть дешёвые китайские деньги по линии ШОС стали бы дополнительным соблазном для многих членов Организации. С принятием Индии в полноправные члены ШОС, эта дилемма может быть решена, поскольку индийский взнос в данный банк, равный китайскому и российскому, автоматически исключил бы возможность одностороннего доминирования¹⁷.

Таким образом, отсутствие общего для стран ШОС банка обуславливает ситуацию, при которой многие проекты в Центральной Азии финансируются Китаем напрямую, что ведет к его экономическому доминированию в регионе. Сложившаяся ситуация не выгодна России, так как не позволяет контролировать данный процесс. Поэтому следует согласиться на создание Банка развития с доминированием Китая в уставном капитале и органах управления, но согласовать принципы инвестирования на наиболее выгодных условиях. В данном контексте следует сосредоточиться на тщательной разработке нормативных документов, содержащих порядок формирования льготных ставок и схемы, принимающие во внимание интересы страны — реципиента кредита, что позволит учитывать позицию России и других членов ШОС¹⁸.

При создании Банка развития ШОС следует учесть предложения экспертов, касающиеся развития Нового банка развития (НБР) БРИКС. В частности, основными функциями и приоритетами банка развития в условиях современной мировой экономики следует считать финансирование (на основе анализа соотношения качества и цены в рамках проектного финансирования) тех проектов в области экономики, социальной политики и защиты окружающей среды, которые вносят наибольший вклад в приумножение общественного блага (public utility), при том что именно банк развития, в отличие от дру-

гих финансово-кредитных институтов, способен обеспечить финансирование подобных проектов на льготной и долгосрочной основе¹⁹.

В данном контексте следует продолжить разработку концепции Банка ШОС как многопрофильного банка развития, который мог бы органично дополнить работу уже существующих в зоне ответственности ШОС кредитно-финансовых институтов и организаций. Как отмечает, например, К. Муратшина, на евразийском пространстве и так действует большое количество международных финансовых организаций: Азиатский банк развития, Евразийский банк развития, Банк БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Всемирный банк. Практически все акторы, в первую очередь Китай, заинтересованы лишь во вложениях в инфраструктуру и получение энергоресурсов. Многосторонние банки развития, действующие на этом пространстве, ставят себе целью вложения исключительно в определенные отрасли: строительство автомобильных и железных дорог, трубопроводов и электросетей. Социальной значимостью и вложениями в обрабатывающую промышленность отличаются лишь проекты созданного Россией и Казахстаном ЕАБР²⁰.

Рассмотрение вопросов финансово-экономического сотрудничества в рамках ШОС позволяет предложить нижеследующие рекомендации:

- повышение эффективности деятельности ШОС в финансово-экономической сфере путем оптимизации сферы международно-правового регулирования, в частности разработки базового универсального экономического соглашения между всеми странами-участниками;
- последовательное применение системного подхода, включая гармонизацию национальных законодательств; выравнивание уровня развития экономики; создание системообразующих структур, необходимых для материализации проектной деятельности;
- расширение роли частного сектора, который, как правило, более активен и прогрессивен с точки зрения продвижения бизнеса. Формируя определенную среду, необходимо создать такие условия, которые будут содействовать присутствию частного сектора в финансово-экономической деятельности ШОС;
- выработка экономически обоснованных решений в сотрудничестве. Существует необходимость в проведении глубинного исследе-

дования и анализа потенциальных областей сотрудничества в рамках Организации. Определение областей сотрудничества, где есть условия для экономического взаимодополнения, должно вызвать интерес у потенциальных партнеров, уменьшить долю неопределенности и недоверия в ожидаемых деловых отношениях;

- предоставление Межбанковскому объединению (МБО) ШОС возможности финансирования проектов на более гибких рыночных условиях, которые бы соответствовали текущей экономической ситуации, что позволит осуществлять финансовое обеспечение масштабных проектов и будет способствовать дальнейшему формированию современной инфраструктуры торгово-экономических связей государств — членов ШОС;

- повышение статуса и роли МБО ШОС в структуре Секретариата ШОС, с правом принятия обязательных рекомендаций в сфере финансового сотрудничества, которые впоследствии выносились бы на окончательное обсуждение и решение в рамках Совета глав государств и Совета глав правительств ШОС;

- использование опыта создания Нового банка развития БРИКС (НБР) для разработки концепции Банка ШОС как многопрофильного банка развития для поддержки проектов в области экономики, социальной политики и защиты окружающей среды, которые вносят наибольший вклад в приумножение общественного блага.

Примечания

¹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 5—6. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/>

² URL: <https://kapital.kz/naznacheniya/51422/bolat-zhamishev-vozglavit-mezh-bankovskoe-obedinenie-shos.html>

³ Одобрена новая стратегия развития Межбанковского объединения ШОС. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9796042>

⁴ Китай может инвестировать \$8 млрд на создание Банка развития ШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=7317>

⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7646474.html#>

⁶ Габуев А. Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 154—155.

⁷ Официально подписано соглашение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. URL: http://russian.news.cn/importnews/2015-06/29/c_134364975.htm

⁸ МИД КНР: Банк развития ШОС не противоречит стратегиям БРИКС и АПВ. URL: <http://ria.ru/economy/20150710/1125076200.html>

⁹ «ЦГИ «Берлек-Единство»: Потенциал Банка развития ШОС в соотношении с другими региональными проектами». URL: <http://www.ca-portal.ru/article:20260>

¹⁰ Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана, 8—9 июня 2017 г.). С. 6. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/>

¹¹ Михайлов А.Ю., Князева Е.О. Банк развития в структуре Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 39. С. 44.

¹² URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59846/print>

¹³ Ерлан Идрисов: ШОС необходимо усилить взаимодействие с ЕАЭС. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3366129>

¹⁴ Итоговый документ международной конференции «Роль межбанковского сотрудничества в обеспечении темпов экономического роста на пространстве ШОС, БРИКС, ЕАЭС». 30 июня 2015 г., Россия, Москва. URL: <http://www.fbacs.com/wp/wp-content/uploads/2015/07>

¹⁵ Межбанковское объединение ШОС — финансовый мост между Европой и Азией. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4464456.html>

¹⁶ URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=16386>

¹⁷ Комиссина И.Н. Размышления после саммита ШОС: новые реалии, новые перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1 (34). С. 77.

¹⁸ Шилина М.Г. Международно-правовое регулирование экономического сотрудничества в рамках ШОС: особенности, проблемы, перспективы. URL: <http://www.eurasiafinace.ru/naunye-stati/item/894-mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-shos-osobennostovproblemy-perspektivy.html>

¹⁹ Sijake L. Rethinking the Orientation of the New Development Bank. P. 3—4 // BRICS Think Tank Conference Proceedings, Xiamen, April 2017.

²⁰ Муратишина К.Г. К вопросу о создании Банка ШОС // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 48.

Раздел III

ШОС И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*А.Ф. Клименко**

СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС: ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Некоторые проблемы системы безопасности
на пространстве ШОС

Как известно, основу сложившейся на сегодня системы безопасности в Центральной Азии и на всем пространстве стран — участниц ОДКБ и ШОС составляют эти две организации. В настоящее время ОДКБ, что положительно, эволюционирует в универсальную военно-политическую структуру, призванную противостоять как традиционным военным, так и новым угрозам (пресечение наркотрафика и др.). Вместе с тем в деятельности ОДКБ выделяются и некоторые недостатки. Основным из них является отсутствие союз-

* *Клименко Анатолий Филиппович*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

нической дисциплины. Речь идёт о положении ст. 2 Договора о коллективной безопасности. В ней предусмотрены лишь «механизмы совместных консультаций стран-участниц для согласования и координации позиций в случае возникновения угрозы для одного или нескольких государств ОДКБ»¹.

Более поздняя редакция (ст. 4 Договора, введенная в действие с 19 декабря 2012 г. Международным протоколом от 10 декабря 2010 г.), казалось бы, устраняет подобную необязательность. Как и ст. 5 аналогичного документа Североатлантического союза, эта статья определяет: «Если одно из государств-участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету), то это будет рассматриваться государствами-участниками как агрессия (вооруженное нападение, угрожающее безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на все государства — участники настоящего Договора»².

Но на практике в ОДКБ приоритет национальных интересов над коллективными и ориентация большинства «союзников» на одностороннюю выгоду приводит к утрате политической солидарности в случае возникновения угрозы конкретному государству. Особенно, если эта угроза непосредственно не касается других государств.

Не случайно Россия не получила ни материальной, ни политической поддержки от своих партнёров по ШОС и ОДКБ как в конфликте с Грузией в 2008 г., так и в борьбе с международным терроризмом в Сирии, несмотря на то что в последнем случае террористическая угроза является общей для большинства из этих партнеров. Исключение составляют лишь Иран и Турция, участники ШОС в том или ином статусе, с которыми Россия взаимодействует в военной операции в Сирии. Хотя назвать их отношения союзническими сложно. Пока это только временное сотрудничество на двусторонней основе.

Что касается Шанхайской организации сотрудничества, то, в отличие от ОДКБ, она не является институтом региональной безопасности. Страны — участницы ШОС создали механизм взаимодействия, который исключает ведение военной деятельности. Принци-

пиальным является невмешательство ШОС во внутренние дела стран-участниц.

Следует заметить, что с 2008 г. ШОС и ОДКБ начали делать первые практические шаги по объединению их потенциалов. Первоначально совместные усилия были направлены на развитие взаимодействия в целях пресечения наркотрафика и нелегальной торговли оружием. Их дополнило коллективное реагирование на чрезвычайные ситуации при природных и техногенных катастрофах и обеспечение информационной безопасности.

В интересах обеспечения стабильности в Центрально-Азиатском регионе совместными усилиями ШОС и ОДКБ в 2007 г. был принят Меморандум о взаимопонимании между секретариатами этих организаций.

В документе определено, что обе организации будут разрабатывать совместные программы и мероприятия в целях развития сотрудничества в сферах, относящихся к их компетенции. Таким образом, были сняты некоторые преграды для взаимодействия по ряду вопросов безопасности.

Однако речь в меморандуме идет не о сотрудничестве между ОДКБ и ШОС, а лишь о координации работы между секретариатами организаций. Это значительно снижает ценность данного соглашения, так как не создает механизмов для коллективного решения проблем безопасности на общем пространстве двух организаций. Парадокс заключается и в том, что ШОС, в отличие от ОДКБ, не имеет ни миротворческих сил, ни сил быстрого реагирования и не позиционирует себя как военную организацию, хотя и проводит многочисленные двусторонние и многосторонние военные учения «Мирная миссия».

Для совместного решения задач и накопившихся проблем потребуется преодолеть противоречия между продекларированными намерениями в отношении сотрудничества обеих организаций в области безопасности и отсутствием органов управления, а также сил и средств, необходимых для их реализации, прежде всего в ШОС.

Другие недостатки заложены в разнонаправленности национальных интересов стран — участниц ШОС и ОДКБ. Так, некоторые центральноазиатские участники ШОС часто ставят во главу угла свои национальные интересы, в первую очередь политические и

экономические выгоды. Как известно, Центральная Азия входит в орбиту геополитического внимания США, Японии, Турции и других влиятельных стран, с участием которых в странах региона реализуются экономического и иные программы. Таким образом, у центральноазиатских стран появилась возможность выбирать партнеров, чем они, например Казахстан, и пользуются.

Нельзя не видеть и того, что в ОДКБ, с одной стороны, имеет место существенная асимметрия военных потенциалов России и её союзников. Поэтому остальные участники Организации заинтересованы в военно-техническом сотрудничестве, в поддержании общей военной инфраструктуры, в профессиональной подготовке офицеров, и во многом за счёт российских ресурсов. А с другой стороны, налицо разница во взаимных гарантиях безопасности: Россия гарантирует безопасность и стабильность на всём пространстве двух организаций, а её союзники разделяют с ней ответственность только за тот регион, в котором они находятся. При этом интересы безопасности самой России их мало волнуют.

Развитие системы безопасности сдерживается также известными противоречиями между центральноазиатскими странами³ и территориальными спорами между Китаем и Индией, Пакистаном и Индией, неоднократно приводившими к приграничным вооружённым конфликтам.

Россия поддерживает тесное, вплоть до совместных учений, военное сотрудничество с Китаем и Индией. Но здесь уместнее говорить не о военном союзе, а о создании прозрачной и предсказуемой военно-политической среды в отношениях с партнерами⁴.

Москва и Пекин подкрепляют свое сотрудничество взаимными мерами доверия в военной сфере и предоставлением гарантий безопасности государствам Центральной Азии (ЦА). А то обстоятельство, что два государства одновременно сталкиваются с США на Украине и в Южно-Китайском море, только укрепляет их партнерство.

Таким образом, основным препятствием для становления эффективной системы безопасности в Центральной Азии является отсутствие у государств общего подхода к ее формированию и склонность к установлению преимущественно двустороннего сотрудничества.

Во многом это связано с различиями в оценках угроз национальной безопасности, во внешнеполитических приоритетах и ориентации на те или иные центры силы, с борьбой за региональное лидерство и личными амбициями руководителей государств, а также с неурегулированностью территориально-пограничных споров и незавершенностью международно-правового оформления государственных границ⁵.

Перечисленные факторы в значительной мере определяют характер дальнейшего развития системы региональной безопасности в ЦА и альянсов, составляющих её основу.

Следует сделать оговорку, что история знает множество примеров объединений государств в различные альянсы или международные организации. Они имели разную целевую направленность: политическую (Совет Безопасности, ОБСЕ), экономическую (ВТО, Таможенный союз,), финансовую (МВФ), гуманитарную (Международный комитет Красного Креста). А чаще — сочетали несколько предназначений. Например, такие организации, как СНГ, ЕС, которые созданы для решения широкого круга проблем и взаимодействия стран — участниц в экономической, политической, культурной, социальной, научной и других областях жизни⁶.

Но в данном случае для нас представляют интерес международные союзы, главная миссия которых — обеспечение коллективной военной безопасности. Основная задача любого государства в военно-политической сфере заключается в недопущении внешней агрессии против него, а с началом вооруженной борьбы — в гарантированной защите суверенитета, целостности и национальных интересов. История свидетельствует, что даже самые сильные и высококоразвитые страны стремились объединить свои усилия не только с подобными себе государствами, но и с теми, чей вклад в будущую победу будет заведомо незначительным. Логика рассуждения в борьбе за союзников проста: кто со мной, тот уже не с моим противником. Но главная дилемма при этом — поиск оптимального соотношения выгод и издержек, которые несет каждому из будущих участников коалиции участие в военном союзе. С одной стороны, это гарантия военной безопасности, которая обеспечивается не только своими, но и «чужими» усилиями. С другой — больший риск участия в военном конфликте, в котором данное государство не за-

интересовано. Эта проблема обуславливает негативный для союза принцип: любой союзник является надежным до тех пор, пока союз отстаивает его интересы, но становится ненадежным, когда от него требуется исполнение союзного долга во имя интересов соседа. На что можно ориентироваться для нивелирования этого принципа в ситуации с ОДКБ и ШОС?

Некоторые предложения по повышению дееспособности системы безопасности на основе ОДКБ и ШОС

Ранее нами предлагалось строить систему безопасности в Центральной Азии на принципе дихотомии. Имелось ввиду, что ОДКБ могла бы обеспечивать внутрирегиональную стабильность (внутреннее пространство безопасности). А ШОС — расширять это пространство до внешних границ своих стран-участниц⁷. Но сегодня, в связи с увеличением количества участников, зоны ответственности ШОС и ОДКБ в значительной степени пересекаются как функционально, так и географически. Все шесть стран, входящих в ОДКБ, в том или ином статусе представлены в ШОС, а из восьми постоянных членов Шанхайской организации сотрудничества пять входят в ОДКБ.

Очевидно поэтому некоторыми экспертами предлагается повышать эффективность регионального сотрудничества в сфере безопасности «не по пути дифференциации функций существующих организаций, а в направлении объединения усилий ОДКБ и ШОС вплоть до создания подобия коалиции для решения конкретных задач в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами»⁸.

На первый взгляд, в подобном предложении имеется определённая логика, есть свои плюсы, но есть и минусы.

В отличие от ОДКБ, ШОС не имеет практических механизмов и структур для реагирования на угрозы безопасности, что исключает возможность эффективных совместных действий этих двух организаций. При этом в ШОС наработан опыт совместных действий вооружённых сил государств — членов Организации в процессе проведения военных маневров «Мирная миссия». Однако нужен следую-

щий шаг — принятие решения по приданию подготовленным на этих маневрах подразделениям статуса миротворческих сил⁹.

Конечно, создание реально работающего механизма принятия совместных решений в рамках ОДКБ и ШОС и создание органов оперативного управления объединёнными миротворческими силами может стать сложной правовой и политической задачей. Здесь положительную роль при решении данного вопроса может сыграть пересекающийся состав членов двух организаций, что фактически сведет основные дискуссии к обсуждению готовности Китая взаимодействовать со структурами ОДКБ. Более серьёзную проблему может составить возможность участия в создаваемой коалиции новых постоянных членов ШОС — Индии и Пакистана. Практика свидетельствует: через исторически сложившиеся противоречия в треугольнике Китай—Индия—Пакистан одномоментно перешагнуть невозможно.

Учитывая все противоречивые факторы, а также двусторонний или «многосторонне-избирательный» характер партнёрства в рамках ОДКБ и ШОС, на первом этапе можно было бы из всего «набора» государств — участников этих организаций создавать «коалиции по совпадающим интересам безопасности».

Собственно говоря, подобный принцип уже используется участниками ШОС как на пространстве этой организации, так и вне его. Первый пример тому — ближневосточный альянс России, Ирана и Турции, созданный для борьбы с международным терроризмом в Сирии. Есть и другой пример, уже в Центральной Азии, на пространстве ШОС.

Так, во второй половине августа 2016 г. в китайском городе Урумчи на совещании начальников Генеральных штабов армий Афганистана, Китая, Таджикистана и командующего сухопутными силами армии Пакистана была достигнута договоренность о создании коалиции, ключевое направление деятельности которой — формирование четырехстороннего механизма координации и сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом как основными региональными угрозами. Каждая сторона в рамках этого квартета обязуется использовать все свои возможности для поддержания мира и стабильности в регионе, прежде всего в государствах-участниках соглашения¹⁰.

Участниками Урумчийской коалиции предусматривается обмен информацией, наращивание борьбы с терроризмом, проведение совместных антитеррористических учений и образовательных семинаров, принятие коллективных решений по вопросам контртеррористической стратегии и практики, с возможностью консультаций с каждой из четырех сторон. Участники этой формирующейся коалиции подчеркивают необходимость реализации своей деятельности в рамках международного права и Устава ООН, обязуются уважать территориальную целостность и национальный суверенитет государств, а также отказываются от агрессии и вмешательства во внутренние дела других стран.

С помощью этих мер, считают участники коалиции, им удастся установить барьер на пути терроризма и экстремизма в регионе, воспрепятствовать возникновению новых террористических и экстремистских группировок, а также вернуть региону безопасность и стабильность, прежде всего в таких странах, как Афганистан и Пакистан.

Для Пакистана другой, не менее важной целью участия в коалиции является обеспечение безопасности пакистано-китайского экономического коридора, являющегося важной частью проекта «Экономического пояса Шелкового пути».

Национальная безопасность Республики Таджикистан также тесно увязана с безопасностью Афганистана. В Душанбе вызывает беспокойство проникновение отдельных отрядов боевиков на территорию их страны, усиление талибов в районе Кундуза, опасность столкновения талибов и боевиков других радикальных группировок с таджикскими пограничниками.

Помимо этого, общей угрозой безопасности Таджикистана и Афганистана являются иностранные террористы, находящиеся под контролем талибов. Экспансия ИГИЛ, распространение активности этой группировки на регион Центральной Азии и Афганистан (с учетом присутствия в его рядах боевиков арабской, узбекской и таджикской национальностей, а также выходцев с Северного Кавказа) — все это в итоге может оказаться проектом, направленным против Афганистана и Таджикистана. Поражение ИГИЛ в Ираке и Сирии, опасность возвращения террористической группировки в регион, в частности в страны Центральной Азии, делают ситуацию еще

более неблагоприятной. И осознание этой угрозы также способствовало созданию новой антитеррористической коалиции.

Стабильность Таджикистана и Афганистана отвечает национальным интересам и Китая, который с 2016 г. оказывает безвозмездную (в том числе военную) помощь Афганистану, измеряемую сотнями миллионов долларов. В период правления в Афганистане режима «Талибана» соединения иностранных боевиков включали большие группы китайских уйгуров, прошедших военную подготовку в лагерях «Аль-Каиды».

Помогая афганской армии, Пекин стремится предотвратить проникновение на свою территорию уйгурских боевиков, большинство которых ныне состоят в рядах ИГИЛ. С этой целью весной 2017 г. в Афганистан на основе двухсторонних соглашений вошли около 4 тыс. китайских военнослужащих, и Пекин официально подтвердил проведение совместных контртеррористических операций вдоль китайской границы. На афганской территории в высокогорном Ваханском коридоре, который граничит с Таджикистаном, Китаем и Пакистаном, Народная вооруженная милиция Китая уничтожает ячейки Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ) и прочие сепаратистские или религиозно-экстремистские группировки. «Антитеррористический закон КНР» позволяет в случае возникновения угрозы национальной безопасности ввести войска на территорию сопредельных государств — для всесторонней помощи в борьбе с терроризмом¹¹.

Создание четырехстороннего альянса по борьбе с терроризмом с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана, несомненно, бросит вызов существованию других региональных коалиций. Но в целом, несмотря на то что Устав ОДКБ не предусматривает участия членов Организации, таких как Таджикистан, в других военных союзах, представляется, что создание новой четырехсторонней коалиции как возможность укрепления безопасности в регионе соответствует интересам и России, непосредственно заинтересованной в борьбе с терроризмом и наркотрафиком.

Рост влияния Пекина в регионе встречает болезненную реакцию Вашингтона. Рассматривая процесс создания коалиций по интересам на пространстве Шанхайской организации сотрудничества, нужно иметь в виду не только ситуацию в прилегающих к простран-

ству ШОС регионах Ближнего и Среднего Востока и в Северо-Восточной Азии, но также и ужесточение политики США относительно России, Китая и Ирана, которые новой «Национальной оборонной стратегией» США определены в качестве их потенциальных противников.

Как известно, в январе 2018 г. Пентагон обнаружил незасекреченную часть новой «Национальной оборонной стратегии»¹². Этот документ Министерства обороны определяет главные приоритеты военной политики США и принципы работы американской военной машины. Анонсируя публикацию стратегии, глава Пентагона Дж. Мэттис уточнил, что теперь Соединённые Штаты сосредоточатся на соперничестве великих держав, а не на терроризме: «Мы продолжим проводить кампанию против террористов, но соперничество великих держав, а не терроризм теперь находится в фокусе национальной безопасности США», — заявил он. По его словам, США сталкиваются с растущими угрозами со стороны России и Китая, которые «хотят создать мир в соответствии со своими авторитарными моделями».

В новой «Национальной оборонной стратегии» США утверждается, что Москва и Пекин стремятся создать миропорядок, соответствующий тому, что этот документ называет «авторитарным внутриполитическим устройством». А на Ближнем Востоке основная угроза, по мнению Пентагона, исходит от Ирана. «Иран остаётся наиболее серьёзной угрозой стабильности на Ближнем Востоке, — отмечается в стратегии. — Иран соперничает с соседями, пытаясь закрепить там своё влияние и доминировать в регионе, использует террористическую деятельность, сети своих марионеток и свою ракетную программу для достижения таких целей». Минобороны США также обвинило Тегеран «в поставках баллистических ракет» экстремистским группировкам.

При этом США под предлогом борьбы с терроризмом не собираются уходить с Ближнего Востока, объявив здесь своим приоритетом достижение такого положения, при котором в регионе «не могла бы доминировать ни одна держава, враждебная Соединённым Штатам». Кроме того, на Дальнем Востоке среди их вероятных противников упоминается Северная Корея. «Такие страны-изгои, как Се-

верная Корея... дестабилизируют свои регионы, пытаясь обзавестись ядерным оружием...», — говорится в документе¹³.

Как отмечалось выше, Россия и Иран, официально не являясь союзниками, выступают на одной стороне в сирийском конфликте. Следует заметить, что со стороны Ирана прозвучали предложения об оформлении такого союза. По сообщению агентства Fars, военный советник руководителя Ирана аятоллы Али Хаменеи, бывший командующий Корпусом «стражей исламской революции» генерал Яхья Рахим Сафави предложил сформировать альянс с участием России для противостояния США и их союзникам в регионе¹⁴.

Москва и Тегеран помогли Сирийской Арабской Республике справиться с террористами на большей части её территории. Позднее Россия, Иран и Турция совместно объявили о победе над боевиками и пообещали стабилизировать обстановку в Сирии. Получившийся союз трех стран в некоторых СМИ называли «Осью порядка», или «Осью сопротивления [США]», а на Западе — «Хрустальным альянсом», потому что не верили в их способность надолго поддерживать союзнические отношения.

На фоне этих заявлений последовал ряд ответных предложений со стороны «противников» США. Так, военный атташе китайского посольства в Москве генерал-майор Куй Яньвэй в ходе состоявшейся в феврале 2018 г. встречи с председателем комитета Совета Федерации по обороне и безопасности В. Бондаревым предложил России и КНР объединиться против США и вместе противостоять давлению Вашингтона и его союзников, поскольку «США с западными странами в европейской части сдерживают Россию, а в азиатской части сдерживают Китай»¹⁵. Только так, пояснил он, можно обеспечить мир в своих регионах и на всей планете.

Насколько значимы и ответственны эти предложения? При углубленном анализе можно видеть, что нынешнее заявление китайского военного атташе укладывается в общую политическую линию КНР по отношению к России.

Так, на торжественном собрании, посвящённом 95-летию со дня основания компартии Китая, в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина была короткая, но очень важная часть. «Мир находится на грани радикальных перемен. Мы видим, как постепенно рушится Евросоюз, как терпит крах экономика США, все это закон-

чится новым мироустройством. Так, как раньше, не будет никогда, через 10 лет нас ожидает новый миропорядок, в котором ключевым окажется союз КНР и России»¹⁶.

Фактически, председатель КНР предлагал руководству России сделать следующий шаг — перейти от экономического и политического партнёрства к военно-политическому альянсу, способному противостоять грядущим вызовам и взять на себя лидерство в случае краха существующего миропорядка.

Несмотря на то, что лидеры ШОС предпочитают вслух о подобных намерениях не говорить, есть признаки, что работа в направлении не только экономического, но и военно-политического сближения всё же ведётся. Так, на полях совещания министров обороны государств — членов ШОС в столице Казахстана во время встречи глав военных ведомств КНР и РФ российский министр обороны С.К. Шойгу предложил подписать дорожную карту развития сотрудничества в военной области между Россией и Китаем до 2020 г. Как он подчеркнул, «важно, что Россия и Китай готовы совместными усилиями защищать мир и укреплять международную безопасность». В свою очередь, министр обороны КНР генерал-полковник Чан Ваньцюань заявил о готовности НОАК к проведению совместных мероприятий КНР и РФ по военной линии¹⁷.

Конечно, эти предложения подлежат углубленному анализу, что не является предметом этой статьи, но тенденция налицо, и её надо развивать. С учётом национальных интересов России, естественно.

В заключение можно отметить, что возможность создания «коалиций по интересам» на основе ОДКБ и ШОС заинтересованными в этом их участниками вполне реализуема и является одним из возможных направлений дальнейшего развития системы региональной безопасности на основе более тесного сотрудничества между этими организациями. Да, это непростая проблема. Но она уже назрела, и от её решения не уйти, ибо процесс создания различных альянсов участниками ШОС не только назрел, но уже пошел.

Помимо Урумчийского союза на пространстве ШОС и российско-ирано-турецкого союза на Ближнем Востоке в Центральной Азии также развивается процесс создания собственного регионального союза. В марте 2018 г. в Астане состоялся саммит с участием

пяти стран Центральной Азии, где была предпринята попытка создать новую интеграционную структуру, причем региональную, и заявить о ней. Журналистам президент Казахстана Н. Назарбаев рассказал: «Мы договорились, что внутрирегиональные проблемы никто за нас не решит. Во-первых, это безопасность. Сейчас в Афганистане происходят события, мы все об этом говорили, нас это очень беспокоит. Если спецслужбы наших государств будут тесно сотрудничать, мы будем знать все о террористах, наркотрафике, религиозных исламистах и так далее». По его словам, после поражения в Сирии террористы создают так называемые спящие организации, а поскольку в сирийских событиях участвовали граждане всех государств ЦА, «они теперь возвращаются, и нам надо быть очень бдительными в этом деле»¹⁸.

По мнению экспертов, создание нового объединения не противоречит интересам РФ и Китая. Страны — участники встречи в Астане входят в ЕАЭС и ШОС, но идея президента Казахстана Н. Назарбаева и президента Узбекистана Ш. Мирзиева заключается в формировании узко региональной организации, которая будет, по их мнению, более эффективно решать экономические и другие проблемы Центральной Азии.

России целесообразно активизировать соответствующие исследования происходящих на пространстве ШОС процессов совместно с научными организациями центральноазиатских государств, а также с китайскими и индийскими учеными.

Общая цель работы — более четкое определение позиций каждой страны по названным и другим актуальным вопросам. И, что представляется наиболее важным, определение и обоснование согласованных позиций по такой актуальной проблеме, как повышение дееспособности ШОС в интересах укрепления региональной безопасности и стабильности и придание этой Организации способности в полной мере взаимодействовать с ОДКБ по всем вопросам обеспечения безопасности и стабильности на общем пространстве обеих организаций. А если смотреть глубже — речь идёт о роли ШОС, которая должна осуществлять координацию деятельности этих объединений, или коалиций «по групповым интересам», в общих интересах всех участников Организации. Нужны соответствующие правила.

Примечания

¹ URL: www.pravo.gov.ru (30.01.2013).

² Там же.

³ Более подробно об этом см.: *Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 69—76.

⁴ Валдайские записки. URL: <http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/>

⁵ *Бурнашев Р.* О возможности системы региональной безопасности в Центральной Азии (Методологические аспекты) // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).

⁶ Подробнее см.: URL: <http://www.vko.ru/geopolitika/voyny-v-sostave-koalitsiy>

⁷ Более подробно об этом см.: *Клименко А.Ф.* Указ. соч. С. 296—297.

⁸ URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406397580.pdf> (С. 51—52).

⁹ *Морозов Ю.В.* Перспективные направления развития ШОС В Евразии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 1 (358). С. 137—152.

¹⁰ URL: https://news.rambler.ru/middleeast/38891292/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

¹¹ URL: <https://na-linii.livejournal.com/1285401.html>

¹² URL: <https://russian.rt.com/world/article/472066-ssha-odoronnaya-strategiya-rossiya>

¹³ Там же.

¹⁴ URL: <http://www.Iran.ru/>

¹⁵ URL: <https://topwar.ru/134304-kitay-prizval-rossiyu-vmeste-protivostoyat-ssha.html>

¹⁶ URL: <https://www.politnavigator.net/kitajj-predlozhil-rossii-sozdat-soyuz-protiv-nato-chto-otvetit-moskva.html>

¹⁷ URL: <http://gpolitika.com/china/vasilij-vankov-shos-postepenno-smeshhaet-centr-mira-v-evraziyu.html>

¹⁸ URL: <https://aze.az/azerbaydzhanu-predlagayut-vstupit-noviy-perspektivniy.html>

*Д.В. Гордиенко**

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Одним из основных направлений деятельности Шанхайской организации сотрудничества является сотрудничество с международными и региональными организациями в сфере безопасности.

Созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) к настоящему времени превратилась в одну из влиятельных международных структур. Свидетельством этого является то, что в настоящее время без участия ШОС невозможно добиться эффективного решения целого ряда задач регионального характера.

С точки зрения евразийского развития ШОС является важным институтом обеспечения безопасности в Центральном-Азиатском регионе¹. При этом основными угрозами для региона являются: наркотрафик; нестабильная ситуация в Афганистане; террористические угрозы; рост исламизации; социально-экономическая нестабильность.

«За прошедший по историческим меркам короткий срок ШОС не только сумела доказать свою жизнеспособность, но и утвердилась в мировой политике в качестве международного форума по решению целого комплекса региональных проблем: от политики и безо-

* *Гордиенко Дмитрий Владимирович*, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

пасности до вопросов экономического и гуманитарного сотрудничества», — подчеркнул президент Республики Узбекистан Ислам Каримов.

Одним из важных направлений деятельности ШОС является развитие сети партнёрских отношений с ведущими международными и региональными организациями. Деятельность ШОС, особенно борьба с терроризмом, радикальным экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком и организованной преступностью, имеет не только региональное, но и глобальное значение.

В этой связи ещё в июне 2004 г. на саммите в Ташкенте (Республика Узбекистан) лидеры государств — членов ШОС обратились к другим международным и региональным форумам с предложением приступить к постепенному созданию сети многосторонних объединений.

В настоящее время договорно-правовая база внешних сношений ШОС состоит из следующих документов о сотрудничестве (в хронологическом порядке):

1. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств (Пекин, 12 апреля 2005 г.).
2. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Джакарта, 21 апреля 2005 г.).
3. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности (Душанбе, 5 октября 2007 г.).
4. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации экономического сотрудничества (Ашхабад, 11 декабря 2007 г.).
5. Совместная декларация о сотрудничестве между Секретариатами Шанхайской организации сотрудничества и Организацией Объединенных Наций (Ташкент, 5 апреля 2010 г.).

6. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Управлением ООН по наркотикам и преступности (Астана, 14 июня 2011 г.).

7. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана ООН (Чжэнчжоу, 15 декабря 2015 г.).

8. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Шанхай, 20 мая 2014 г.).

9. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Международным Комитетом Красного Креста (Астана, 9 июня 2017 г.).

Сотрудничество ШОС с ООН и возможные направления его углубления

2 декабря 2004 г. на 65-м пленарном заседании 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята Резолюция A/RES/59/48 (п. 151 повестки дня) «Предоставление Шанхайской организации сотрудничества статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее», на основании которой ШОС получила право участвовать в сессиях и работе Генассамблеи в качестве наблюдателя.

На регулярной основе поддерживаются информационные контакты с Секретариатом ООН, учреждениями системы ООН, представленными в Пекине. По сложившейся традиции высокие представители ООН принимают участие в ежегодных саммитах ШОС по приглашению председательствующей стороны.

18 декабря 2009 г. на 65-м пленарном заседании 64-й сессии Генассамблеи ООН была впервые принята Резолюция A/RES/64/183 (п. 124 повестки дня) «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества». В Резолюции подчеркивается важность укрепления диалога, сотрудничества и координации между системой ООН и ШОС.

5 апреля 2010 г. в Ташкенте генеральный секретарь ШОС и генеральный секретарь ООН подписали Совместную декларацию о сотрудничестве между секретариатами ШОС и ООН, в которой, в том числе, зафиксировано намерение развивать сотрудничество в области коммуникации и обмена информацией.

13 декабря 2010 г. на 64-м пленарном заседании в рамках 65-й сессии ГА ООН принята Резолюция A/RES/65/124 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества» (пункт 122 v повестки дня) о включении в предварительную повестку дня 67-й сессии ГА ООН подпункта, озаглавленного «Сотрудничество между ООН и ШОС».

В сентябре 2012 г. делегация Секретариата ШОС во главе с заместителем генерального секретаря присутствовала на открытии 67-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке.

19 ноября 2012 г. на 40-м пленарном заседании в рамках 67-й сессии ГА ООН принята Резолюция A/RES/67/15 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества» (п. 121 u повестки дня), которая постановила включить в предварительную повестку дня предстоящей 69-й сессии ГА ООН в рамках пункта «Сотрудничество между ООН и региональными и другими организациями» подпункт, озаглавленный «Сотрудничество между ООН и ШОС».

В соответствии с запросами ООН Секретариат ШОС совместно с государствами-членами и Исполкомом Региональной антитеррористической структуры (РАТС) на регулярной основе готовит информацию по реализации ряда резолюций ГА ООН (рис. 1).

Налажено тесное взаимодействие между ШОС и структурными подразделениями ООН — Управлением по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Экономической и социальной комиссией для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН).

В июне 2011 г. в Астане генеральным секретарем ШОС и исполнительным директором УНП ООН подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и УНП ООН.

21 августа 2012 г. подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана ООН.

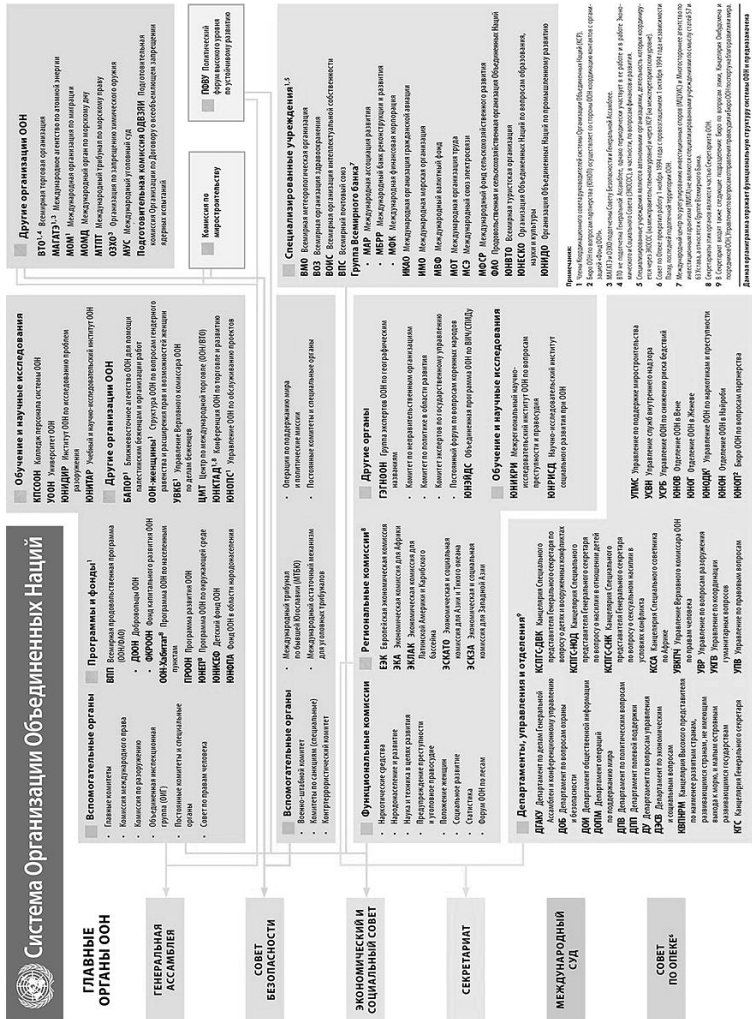

Рис. 1. Структурные подразделения ООН.

Источник: URL: <https://pbs.twimg.com/media/DfyZEd2V4AAPXhg.jpg>

Таким образом, возможными направлениями углубления сотрудничества ШОС с ООН, как представляется, могут быть:

- поддержание информационных контактов между Секретариатом ШОС и Секретариатом ООН, а также учреждениями системы ООН, представленными в Пекине; развитие сотрудничества в области коммуникации и обмена информацией;
- участие высоких представителей ООН в ежегодных саммитах ШОС;
- укрепление диалога, сотрудничества и координации между системой ООН и ШОС, активизация взаимодействия между ШОС и структурными подразделениями ООН — Управлением по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Экономической и социальной комиссией для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН).

Сотрудничество ШОС с СНГ и возможные направления его активизации

12 апреля 2005 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Исполнительным комитетом (ИК) СНГ (рис. 2).

В документе в качестве приоритетных определены такие области сотрудничества, как безопасность (обеспечение региональной и международной безопасности; противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, организованной и транснациональной преступности); экономика (торговля, условия продвижения товаров, услуг и финансов, поощрение и защита инвестиций, транспорт и коммуникации, защита окружающей среды, информатика, туризм) и гуманитарная сфера (культура, образование, наука, здравоохранение).

Поддерживаются регулярные контакты на уровне руководителей исполнительных структур. Проводятся консультации на уровне экспертов Секретариата ШОС и ИК СНГ по различным аспектам взаимодействия в области экономического, культурно-гуманитарного и информационного сотрудничества в рамках ШОС и СНГ, а также по вопросам противодействия современным вызовам и угрозам.

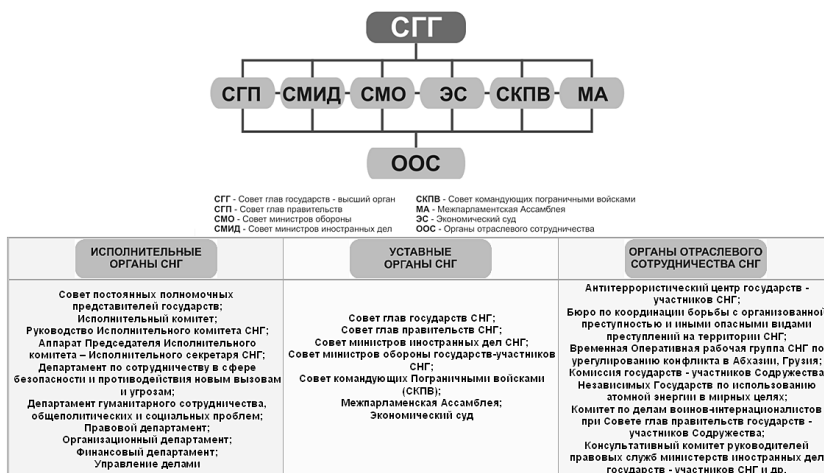

Рис. 2. Структурные подразделения СНГ.

Источник: URL: http://stranysng.narod.ru/ob_sng/strukt_io.html

Таким образом, возможными направлениями активизации сотрудничества ШОС с Содружеством Независимых Государств, по нашему мнению, могут быть:

- обеспечение региональной и международной безопасности;
- противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, организованной и транснациональной преступности;
- расширение экономических связей между странами — участниками организаций (торговля, условия продвижения товаров, услуг и финансов, поощрение и защита инвестиций, транспорт и коммуникации, защита окружающей среды, информатика, туризм), а также связей в гуманитарной сфере (культура, образование, наука, здравоохранение);
- поддержание регулярных контактов на уровне руководителей исполнительных структур ШОС и СНГ; проведение консультаций на уровне экспертов Секретариата ШОС и Исполнительного комитета СНГ по различным аспектам взаимодействия в области экономического, культурно-гуманитарного и информационного сотрудничества.

Сотрудничество ШОС с АСЕАН и возможные направления его развития

21 апреля 2005 г. в г. Джакарта (Республика Индонезия) был подписан меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН.

В документе в качестве приоритетных определены такие области сотрудничества, как борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия, отмыванием денег, незаконной миграцией. Прописаны и другие возможные сферы взаимодействия — экономика и финансы, энергетика, включая вопросы гидроэнергетики и биотоплива, туризм, окружающая среда и использование природных ресурсов, социальное развитие.

По мнению экспертов, перспективность развития сотрудничества между ШОС и АСЕАН прежде всего объясняется тем, что эти организации придерживаются единых позиций по многим региональным и глобальным проблемам.

Подписанный в апреле 2005 г. в Джакарте меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН определил основные направления сотрудничества и взаимодействия двух международных организаций. Согласно этому документу, приоритетными сферами взаимодействия стали борьба с терроризмом и транснациональной преступностью, контрабандой наркотических средств и оружия, отмыванием денег и незаконной миграцией. Стороны договорились о сотрудничестве в таких сферах, как экономика и финансы, туризм, охрана окружающей среды и использование природных ресурсов, а также по вопросам энергетики, в особенности гидроэнергетики и биотоплива.

Следует отметить, что одним из ключевых направлений взаимодействия ШОС—АСЕАН является сотрудничество в области обеспечения региональной безопасности. Как известно, АСЕАН выступает в качестве эффективного механизма обсуждения и решения вопросов по борьбе с современными вызовами и угрозами в Юго-Восточной Азии. В свою очередь, ШОС имеет большое значение для строительства системы коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Наряду с другими интеграционными объедине-

ниями, ШОС рассматривается в качестве важного звена в системе многостороннего сотрудничества.

Эксперты часто говорят о том, что антитеррористическое направление в деятельности ШОС, ставшее одним из приоритетных, имеет определённые сходства с АСЕАН.

Эти две организации, кроме схожих целей и задач в политическом, экономическом, экологическом и гуманитарном измерениях, имеют и другие объединяющие черты: юридический статус международных организаций, наличие подписных уставных документов и других основополагающих нормативных актов.

Государства ШОС и АСЕАН связывает географическая близость, общие цели в АТР, заинтересованность в укреплении мира и стабильности на пространствах деятельности объединений, налаживании взаимовыгодного сотрудничества в таких областях, как экономика, транспорт, культура и туризм.

Развитию взаимодействия ШОС и АСЕАН способствует и налаживание инвестиционного и финансового сотрудничества, в том

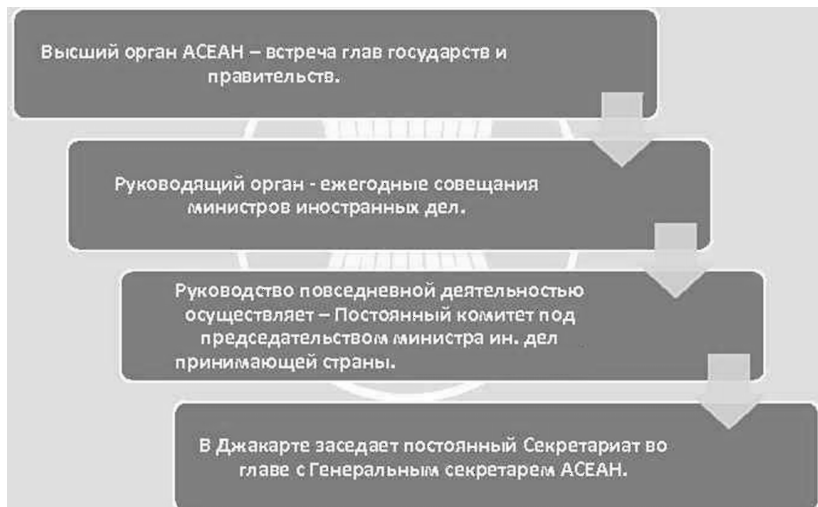

Рис. 3. Структурные подразделения АСЕАН.

Источник: URL: <http://present5.com/associaciya-stran-yugo-vostochnoj-azii-asean-rabotu-vypolnili/>

числе установление информационного обмена по вопросам преодоления последствий глобальной рецессии, а также контакты между представителями деловых кругов и осуществление совместных проектов.

В настоящее время взаимодействие ШОС—АСЕАН осуществляется путём обмена между секретариатами этих международных организаций информацией и опытом, проведения консультаций экспертов (рис. 3). В ноябре 2008 г. в Пекине состоялась встреча на уровне генеральных секретарей ШОС и АСЕАН, в ходе которой было подтверждено обоюдное намерение поддерживать регулярные контакты на основе принятого ранее меморандума².

Таким образом, возможными направлениями развития сотрудничества ШОС и АСЕАН, как можно предположить, могут быть:

- сотрудничество в области обеспечения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- активизация сотрудничества в таких приоритетных областях, как борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия, отмыванием денег, незаконной миграцией;
- взаимодействие в таких сферах, как экономика и финансы, энергетика, включая вопросы гидроэнергетики и биотоплива, туризм, окружающая среда и использование природных ресурсов, а также социальное развитие.

Сотрудничество ШОС с НАТО

и возможные направления его расширения

19-20 ноября 2010 г. в Лиссабоне (Португалия) прошел саммит НАТО, по оценкам генерального секретаря организации Андерса Фог Расмуссена, — один из самых успешных за всю её историю.

Значимым этот саммит стал и для России: как указано в п. 33 новой Стратегической концепции альянса, «НАТО не представляет угрозы для России» и будет стремиться развивать «подлинное стратегическое партнерство» между Россией и НАТО, ожидая такой же политики от Москвы³.

В ряде разделов вновь принятой Стратегической концепции также были изложены принципы и подходы развития отношений

Альянса с ОДКБ и ШОС. В документе, в частности, указано, что обеспечение евроатлантической безопасности лучшим образом может быть обеспечено благодаря «широкой сети партнерских отношений со странами и организациями по всему миру» (ст. 28).

При этом предлагается усилить партнерские отношения посредством гибких форматов в рамках и за рамками существующих структур взаимодействия (рис. 4).

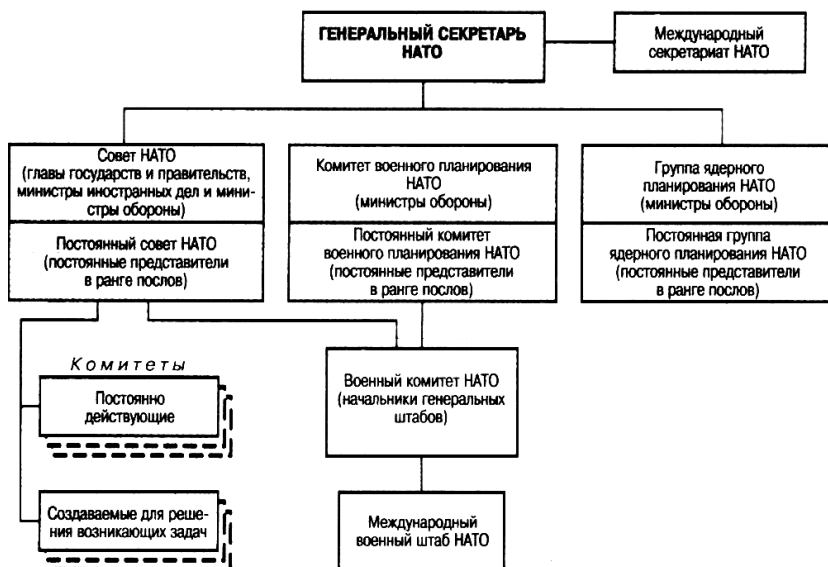

Рис. 4. Структурные подразделения НАТО.

Источник: URL: http://factmil.com/publ/strana/nato/vysshie_organ_y_ upravleniya_nato_2009/61-1-0-499

Этот подход переключается с продвигаемой С.В. Лавровым с 2006 г. концепцией дипломатии гибких альянсов, или сетевой дипломатии, под которой министр иностранных дел понимает «не громоздкие союзы с фиксированными обязательствами, а целевые альянсы по интересам с изменяющейся геометрией»⁴. Позднее данная формула была закреплена и в Концепции внешней политики России 2008 г.: «На смену блоковым подходам к решению международных

проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач»⁵.

В этой связи также следует вспомнить, что с 2004 г. ОДКБ пытается установить официальные контакты с Альянсом, однако НАТО не торопится с институционализацией отношений, ссылаясь на возможность двусторонних обсуждений проблем безопасности с отдельными странами в рамках Совета Россия—НАТО и программы «Партнерство ради мира», а на деле считая ОДКБ малоэффективной креатурой Москвы, что еще раз было подтверждено недавней утечкой американской дипломатической переписки⁶.

Если же НАТО действительно нацелена на развитие гибких форм взаимодействия, то ОДКБ может добиться своей цели. Конечно, Альянс не пойдет на полноценное сотрудничество на уровне организаций, однако взаимодействие по конкретным проектам вполне в духе новой стратегической концепции.

В настоящее время для НАТО одним из главных вопросов на повестке дня является проблема афганского урегулирования. Взаимодействие Альянса с ОДКБ и ШОС может вывести региональное сотрудничество по афганской проблеме на новый уровень. Наиболее успешным проектом ОДКБ, безусловно, считается оперативно-профилактическая операция «Канал по перехвату афганского наркотрафика», которая с каждым годом набирает обороты и привлекает все больше наблюдателей, включая значительное число членов НАТО. Если начать взаимодействие между НАТО и ШОС снизу, с конкретных сфер, то это позволит путем решения совместных оперативных задач постепенно отойти от логики конфронтации и взаимных подозрений и прийти к тому самому подлинно стратегическому партнерству.

Таким образом, возможными направлениями расширения сотрудничества ШОС и НАТО, как представляется, могут быть:

- усиление партнерских отношений между НАТО и ШОС посредством гибких форматов в рамках и за рамками существующих в этих организациях структур взаимодействия;
- выведение регионального сотрудничества между НАТО и ШОС по афганской проблеме на новый уровень.

Сотрудничество ШОС с ОЭС и возможные направления его усиления

11 декабря 2007 г. в Ашхабаде (Туркменистан) подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Евразийской организации экономического сотрудничества (ЕОЭС, англ. *Eurasian Economic Cooperation Organization, EECO*)⁷.

В документе отмечается, что стороны будут сотрудничать путем обмена информацией и положительным опытом в сферах экономики и торговли, транспорта, энергетики, экологии, туризма и других направлениях, представляющих взаимный интерес (рис. 5).

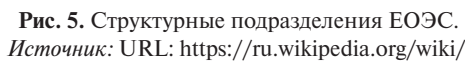
Таким образом, возможными направлениями усиления сотрудничества ШОС с ЕОЭС, по нашему мнению, могут стать:

- обмен информацией и положительным опытом в сферах экономики и торговли, транспорта, энергетики, экологии, туризма и по другим направлениям, представляющим взаимный интерес;
- расширение экономических связей между странами — участницами организаций (торговля, условия продвижения товаров, услуг и финансов, поощрение и защита инвестиций, транспорт и коммуникации, защита окружающей среды, информатика, туризм), а также связей в гуманитарной сфере (культура, образование, наука, здравоохранение).

Сотрудничество ШОС с СВМДА и возможные направления повышения его уровня

20 мая 2014 г. в Шанхае подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

ШОС и СВМДА объединяют совпадающие подходы к фундаментальным проблемам современности — урегулированию региональных конфликтов, укреплению основополагающих режимов нераспространения, поиску совместных ответов на актуальные вызовы:

терроризм, сепаратизм, экстремизм, наркобизнес, транснациональная преступность, незаконная торговля оружием.

Таким образом, возможными направлениями повышения уровня сотрудничества ШОС с участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, как можно предположить, могут быть:

- сотрудничество в области обеспечения региональной безопасности в Азии;
- урегулирование региональных конфликтов;
- укрепление основополагающих режимов нераспространения различных видов оружия;
- поиск совместных ответов на актуальные вызовы: терроризм, сепаратизм, экстремизм, наркобизнес, транснациональная преступность, незаконная торговля оружием.

Сотрудничество ШОС с МККК и возможные направления его потенциала

9 июня 2017 г. «на полях» заседания Совета глав государств — членов ШОС в Астане был подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Международным комитетом Красного Креста (МККК, англ. International Committee of the Red Cross; ICRC, фр. Comité international de la Croix-Rouge).

В меморандуме заявлено, что основными областями сотрудничества сторон станет поддержание диалога по вопросам, относящимся к сфере международного гуманитарного права (МГП), применяемому только в вооруженных конфликтах; содействие реализации норм МГП и других соответствующих международно-правовых документов, а также распространение юридической информации по МГП и его имплементации; развитие диалога в гуманитарной сфере и проведение подготовки к мероприятиям по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Сотрудничество также будет осуществляться по вопросам правоприменения, образования, здравоохранения. Основные формы сотрудничества — обмен на регулярной основе информацией, юридическими документами, а также рекомендациями по вопросам, пред-

ставляющим взаимный интерес; взаимодействие при составлении и реализации совместных проектов и программ.

Таким образом, возможными направлениями реализации потенциала сотрудничества ШОС с Международным комитетом Красного Креста, как представляется, могут быть:

- расширение диалога по вопросам, относящимся к сфере международного гуманитарного права, применяемому только в вооруженных конфликтах;
- содействие реализации норм МГП и других соответствующих международно-правовых документов;
- распространение юридической информации по МГП и его имплементации;
- развитие диалога в гуманитарной сфере и проведение подготовки к мероприятиям по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Сотрудничество ШОС с ОДКБ и возможные направления его упрочения

Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ был подписан 5 октября 2007 г. в Душанбе (Таджикистан).

Документ определяет «точки соприкосновения» по налаживанию и развитию отношений равноправного и конструктивного взаимодействия между Секретариатами ШОС и ОДКБ в вопросах обеспечения региональной и международной безопасности и стабильности; противодействия терроризму; борьбы с незаконным оборотом наркотиков; пресечения незаконного оборота оружия; противодействия организованной транснациональной преступности; по другим направлениям, представляющим взаимный интерес.

В последние годы постсоветское пространство можно считать единым международно-политическим регионом уже с некоторой натяжкой: самоидентификация отдельных государств происходит не по региональному, а по субрегиональному принципу, причем отдельные страны СНГ часто относят себя более чем к одному субрегиону, что позволяет им проводить многовекторную политику балансирования между интересами различных региональных держав.

Вписываются в эту тенденцию и стратегии участия государств СНГ в схожих по составу и функциям региональных организациях и форматах сотрудничества.

Так, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан одновременно состоят в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и в ШОС⁸, которые имеют во многом совпадающие цели. Конечно, ОДКБ представляет собой в чистом виде организацию безопасности, эволюционирующую от военно-политического блока к многофункциональной организации безопасности; в рамках же ШОС кроме измерения безопасности активно развивается и экономическое сотрудничество. Тем не менее значительное совпадение декларируемых обеими организациями целей сотрудничества в сфере борьбы с так называемыми новыми вызовами и угрозами, казалось бы, создает необходимость разграничения функций и гармонизации деятельности ОДКБ и ШОС на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности. Так, на проблему функционального пересечения многочисленных форматов сотрудничества на постсоветском пространстве неоднократно указывал президент Узбекистана И.А. Каримов, объясняя этим прохладное отношение своей страны к региональному сотрудничеству в целом и в рамках ОДКБ в частности.

Вместе с тем на деле сотрудничество между ОДКБ и ШОС ограничивается лишь подписанным в октябре 2007 г. после трехлетних согласований меморандумом о взаимопонимании между секретариатами организаций. В документе указаны сферы взаимного интереса ОДКБ и ШОС: обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности; противодействие терроризму; борьба с незаконным оборотом наркотиков; пресечение незаконного оборота оружия; противодействие организованной транснациональной преступности. Отметим, однако, что речь в меморандуме идет не о сотрудничестве между ОДКБ и ШОС, а о координации работы между секретариатами организаций, что значительно снижает ценность данного соглашения, так как не создает механизмов для решения проблем параллелизма в их деятельности.

Шагом в направлении разрешения проблемы пересечения функций двух организаций стало проведение совместных военных учений. Генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа неоднократно

заявлял о необходимости взаимодействия с ШОС, в частности по вопросам борьбы с наркоугрозой из Афганистана, а также говорил о возможности проведения совместных военных учений. В сентябре 2010 г. в Казахстане на полигоне Матыбулак прошли учения ШОС «Мирная миссия — 2010», в которых приняли участие около 5 тыс. военнослужащих из Казахстана, Китая, Киргизии, России и Таджикистана.

Месяцем позже, в октябре 2010 г., на российском полигоне Чебаркуль были проведены учения Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ в составе контингентов из России, Армении, Казахстана, Киргизии и Таджикистана общей численностью 1,7 тыс. военнослужащих. Напомним, что в октябре 2009 г. для участия в первых учениях КСОР были привлечены порядка 7 тыс. военнослужащих из тех же стран⁹. При почти совпадающих сроках проведения совместные учения ОДКБ—ШОС позволили бы странам-участницам существенно сэкономить, тем более что сценарии учений обеих организаций не первый год практически идентичны: замысел, как правило, включает блокирование и ликвидацию бандформирований, которые проникли на территорию страны с целью свержения власти.

Интересно отметить, что в сценарии ШОС было предусмотрено обращение страны-жертвы нападения боевиков к Организации и получение санкции ООН на операцию. Включение этого пункта в сценарий тем более удивительно, что ШОС, в отличие от ОДКБ, не имеет специальных сил быстрого реагирования и вообще в целом не позиционирует себя как военную организацию, хотя и проводит многочисленные двусторонние и многосторонние военные учения.

Если оценивать эффективность ШОС по развитию ее структуры и их функциональности, то становится очевидным, что эта Организация типологически ближе к неинституционализированным объединениям типа Группы восьми или Группы двадцати, чем к ЕС или ОБСЕ. И если считать, что целями ШОС является не столько официально декларируемая борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, сколько создание удобной площадки для многостороннего согласования интересов и обмена мнениями, то аморфная форумная структура вполне отвечает этим задачам благодаря гибкости множества форматов и уровней взаимодействия.

Представляется, что повышение эффективности регионального сотрудничества в сфере безопасности на постсоветском пространстве в ближайшие годы могло бы пойти не по пути дифференциации функций существующих организаций, а в направлении объединения усилий ОДКБ и ШОС вплоть до создания подобия коалиции ОДКБ и ШОС для решения конкретных задач в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами (рис. 6).

ОДКБ имеет реальные институты и механизмы борьбы с новыми вызовами и угрозами:

- КСОР для ответа на возникновение локальных или пограничных вооруженных конфликтов, для отражения террористической угрозы, проведения спецопераций;

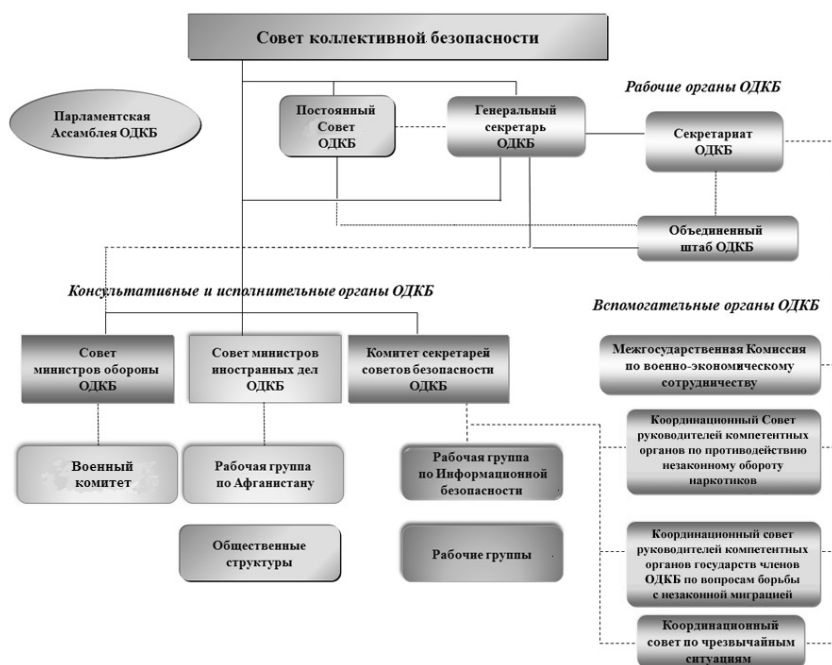

Рис. 6. Структурные подразделения ОДКБ.

Источник: URL: <http://www.odkb-csto.org/structure/>

- коллективные силы быстрого развёртывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности (КСБР ЦАР) — для реагирования на угрозы в Центрально-Азиатском регионе;
- комплексная оперативно-профилактическая операция по пресечению наркотрафика из Афганистана; а также
- ежегодные операции «Нелегал» по предотвращению миграции из третьих стран.

ШОС же, хотя и создавалась как организация по борьбе с новыми вызовами и угрозами, в настоящее время сосредоточилась на решении общеполитических и экономических вопросов и не имеет практических совместных механизмов и структур для реагирования на угрозы безопасности. Вместе с тем создание коалиции ОДКБ и ШОС по противодействию афганской угрозе может иметь значимые преимущества для обеих организаций в случае объединения реально работающих механизмов ОДКБ с международно-политическим весом ШОС.

Создание реально работающего механизма принятия совместных решений в рамках коалиции ОДКБ и ШОС станет сложной правовой и политической задачей. Вместе с тем пересекающийся состав членов фактически сведет основные дискуссии к обсуждению готовности Китая взаимодействовать со структурами ОДКБ. При создании общих механизмов или структур придется также принимать во внимание несколько скептическое отношение ОДКБ и ШОС друг к другу. Организации могли бы объединить свои ресурсы для борьбы с афганской угрозой в рамках зоны своей ответственности без размещения контингентов на территории Афганистана.

В среднесрочной перспективе, в связи с постепенным выводом войск международной коалиции из Афганистана и передачей всей полноты управления местным властям, неизбежно произойдет рост объема наркотрафика и увеличится риск дестабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе.

В настоящее время Запад и, в частности, НАТО пытаются переложить на Россию часть будущей ответственности по обеспечению региональной стабильности и борьбе с наркотрафиком. Однако ни Россия, ни другие члены ОДКБ или ШОС не готовы и не будут готовы отправить контингенты для участия в операциях на территории

Афганистана. Кроме того, предложение Альянса о потенциальном участии России в афганской миссии вызвало в самом Афганистане негативную реакцию: местное экспертное сообщество разделяет мнение, что российское участие приведет к мобилизации и объединению разнородных сил для борьбы с Россией, чтобы отомстить за прошлое¹⁰.

Основными задачами коалиции ОДКБ и ШОС на афганском направлении могут стать:

- борьба с наркотрафиком;
- противодействие вылазкам исламистских экстремистов с территории Афганистана в соседние страны с целью дестабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе;
- усиление режима пограничного контроля, запечатывание границы в случае необходимости;
- оказание технической поддержки: помощь в создании инфраструктуры на территории Афганистана, обучение сотрудников таможенных, пограничных, антинаркотических и прочих служб, военно-техническое сотрудничество.

При этом представляется целесообразным формирование коалиции не из отдельных государств-членов, а именно коалиции региональных организаций — ОДКБ и ШОС. Несмотря на то что пересекающийся состав организаций во многом снижает эффект от создания коалиции, участие в совместных действиях именно организаций, а не отдельных государств позволит повысить престиж ОДКБ и ШОС на международной арене. Хотя военное участие ШОС в совместных региональных действиях по нейтрализации афганской угрозы маловероятно, нужно учитывать, что именно ШОС, а не ОДКБ рассматривается на Западе как значимый региональный игрок. ОДКБ же воспринимается как организация, еще не доказавшая на деле свою эффективность.

Участие ШОС в региональной коалиции придаст последней большую легитимность и значимость в глазах мирового сообщества. Кроме того, задействование созданных в рамках ОДКБ КСБР, а также КСОР в борьбе с возможными вылазками экстремистов на территории государств Центральной Азии позволит продемонстрировать реальные возможности ОДКБ по реагированию на новые вызовы и угрозы, что создаст предпосылки для более широкого ме-

международного признания её эффективности. Именно отсутствие реальных, а не учебных достижений мешает установлению ОДКБ официальных отношений на уровне организаций с ЕС и НАТО.

Таким образом, возможными направлениями упрочения сотрудничества ШОС с Организацией Договора о коллективной безопасности, по нашему мнению, в среднесрочной перспективе могут быть:

- равноправное и конструктивное взаимодействие между секретариатами ШОС и ОДКБ в вопросах обеспечения региональной и международной безопасности и стабильности; противодействия терроризму; борьбы с незаконным оборотом наркотиков; пресечения незаконного оборота оружия; противодействия организованной транснациональной преступности; других направлений, представляющих взаимный интерес;
- повышение эффективности регионального сотрудничества в сфере безопасности на постсоветском пространстве и Центрально-Азиатском регионе в направлении объединения усилий ОДКБ и ШОС вплоть до создания региональной коалиции ОДКБ и ШОС для решения конкретных задач в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами;
- создание реально работающего механизма принятия совместных решений в рамках региональной коалиции ОДКБ и ШОС;
- увеличение потенциала Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ—ШОС для разрешения локальных или пограничных вооруженных конфликтов, отражения террористических угроз и проведения спецопераций;
- усиление Коллективных сил быстрого развёртывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности (КСБР ЦАР) ОДКБ—ШОС для реагирования на военные угрозы в Центрально-Азиатском регионе;
- ведение совместной комплексной оперативно-профилактической операции ОДКБ—ШОС по пресечению наркотрафика из Афганистана.

Представленный подход позволяет выявить возможные направления углубления сотрудничества ШОС с международными организациями в сфере безопасности и приоритеты в развитии Стратегии ШОС в современных условиях.

Очевидно, что в условиях глобализации приоритетным направлением в развитии Стратегии ШОС выступает сотрудничество этой Организации в сфере обеспечения безопасности с ООН, СНГ, АСЕАН, НАТО, Организацией экономического сотрудничества, участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Международным комитетом Красного Креста и ОДКБ.

Приоритеты Шанхайской организации сотрудничества не сводятся к вопросам военно-политического сотрудничества, а носят многоплановый характер, охватывают взаимодействие в торгово-экономической, культурно-гуманитарной сферах, — заявил в интервью РИА Новости генеральный секретарь ШОС Дмитрий Мезенцев.

Он напомнил, что в 2008 г. была учреждена Программа многостороннего экономического взаимодействия и план по ее реализации, а Совет глав правительств стран ШОС в 2014 г. поручил проанализировать результативность этой программы, провести мониторинг проделанной работы и представить Совету предложения по совершенствованию торгово-экономического сотрудничества, внести на утверждение проект обновленного документа.

«Внимание к сфере торгово-экономического взаимодействия, последовательность, которую проявляют здесь стороны, — это знак того, что такое сотрудничество — приоритет для ШОС», — подчеркнул Д. Мезенцев.

Генсек отметил, что с момента создания объединения обеспечение стабильности и региональной безопасности находится в центре внимания государств-основателей, однако «ШОС, развиваясь, расширяет и число своих приоритетов».

«Торгово-экономическое взаимодействие сегодня — все более значимый вопрос деятельности организации. <...> Важно все более активно выносить проблематику экономического сотрудничества на публичное обсуждение», — отметил он.

В качестве примера расширения экономической составляющей ШОС Д. Мезенцев назвал создание Делового совета и Межбанковского объединения Организации, а также регулярное проведение бизнес-форумов ШОС и конференций с участием высокопоставленных чиновников стран и представителей крупного бизнеса.

«Организация показывает и доказывает, что является многосторонним, многоплановым, эффективным объединением, приоритеты которого — и в политико-дипломатической, и в торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах», — заключил Д. Мезенцев¹¹.

Примечания

¹ Гордиенко Д.В. Стратегическая оценка Центрально-Азиатского региона: учебное пособие. М.: ВАГШ ВС РФ, 2008; Гордиенко Д.В. Центрально-Азиатский регион: анализ военно-политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил: монография. М.: ВАГШ, 2010; Гордиенко Д.В., Гордиенко В.Н. Центрально-Азиатский регион: анализ военно-политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил: монография. Тверь: ВА ВКО, 2012. 160 с.; Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. Монография. М.: ИДВ РАН, 2013. — 88 с.

² URL: <http://sco-russia.ru/cooperation/20140828/1013171366.html>

³ Strategic Concept For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organization, Lisbon, 2010, 19—20th of November. URL: <http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf> (дата обращения: 20.11.2010). Как представляется, множество комментариев получит, вероятно, и предложение НАТО сотрудничать с Россией в создании европейской системы противоракетной обороны.

⁴ Умеренков С. Министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Сетевая дипломатия сейчас востребована как никогда». Известия, 28.12.2006. URL: <http://www.izvestia.ru/politic/article3099901/> (последнее посещение — 20 ноября 2010 г.). Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года.

⁵ URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/4e5fa867101effb4432569fa003a705a/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument> (дата обращения: 20.11.2010).

⁶ NATO Secretary General Ready to Reach Out to CSTO? Aftenposten. 2011, 11 February. URL: <http://www.aftenposten.no/spesial/wikileaksdokumenter/article4025429.ece> (дата обращения: 01.04.2011).

⁷ Справочно: Организации экономического сотрудничества (ОЭС) — региональная межгосударственная экономическая организация, образованная в 1985 г. странами Средней Азии и Ближнего Востока и являющаяся правопреемницей Организации регионального сотрудничества для развития, действовавшей на основе Устава — Измирского договора, подписанного тремя странами учредителями — Ираном, Пакистаном и Турцией 12 марта 1977 г. С 1992 г. деятельность ОЭС

значительно активизировалась в связи с добровольным присоединением 7 новых государств — Казахстана, Азербайджана, Афганистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

⁸ Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан состоят в обеих организациях. Помимо названных государств, в ОДКБ состоят Белоруссия и Армения, в ШОС — в качестве наблюдателя — Белоруссия, в качестве партнера по диалогу — Армения.

⁹ *Самнаев Д.* Учения ОДКБ в Казахстане адресованы Талибану // РИА Новости. 2009, 16 октября. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20091016/189184145.html> (дата обращения: 08.11.2010). Началась активная фаза учений стран ШОС «Мирная миссия-2010».

¹⁰ К такому выводу пришли участники круглого стола, организованного в эфире Национального телевидения Афганистана, в частности, среди них эксперт и политик Вахид Можда, бывший министр иностранных дел в правительстве талибов мулла Вакиль Ахмад Мотавакиль. Подробнее о данном круглом столе см. доклад «Акценты» от 02.03.2010, подготовленный Центром изучения современного Афганистана.

¹¹ URL: <http://ria.ru/world/20150313/1052478237.html>

Ю.В. Морозов*

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ НАТО И ШОС В АФГАНИСТАНЕ

«Малая и большая» стратегии США и НАТО в Афганистане

Главными действующими внерегиональными акторами в Афганистане являются США и Североатлантический альянс. О том, как будут вести себя американские ВС в этом государстве при нынешней администрации, Дональд Трамп рассказал военнослужащим в августе 2017 г. на базе Форт-Майер в Арлингтоне. *Во-первых*, согласно новой стратегии, в отличие от предыдущих администраций, Белый дом не собирается сообщать точные данные о численности войск США и планах военных действий в Исламской Республике Афганистан (ИРА). *Во-вторых*, чтобы вступить в бой или приступить к бомбардировке позиций террористов, войскам не нужно будет одобрение от Пентагона или Совета национальной безопасности США. И *в-третьих*, по словам президента, «американская военная сила отныне не будет использована для того, чтобы пытаться перестроить другие страны на свой лад, а будет стремиться к расширению регионального сотрудничества по антитеррору с Пакистаном и Индией»¹. Очевидно, отчасти это связано не только с целями США в ИРА, но и с репликой индийского премьера Наредры Моды, который во время встречи с Д. Трампом в Вашингтоне в 2017 г. заявил,

* Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

что «никогда ни одна страна не отдавала так много, не получая ничего взамен, как США в Афганистане»².

Помимо «малой» стратегии США в ИРА, на действия американских военных окажет и новая стратегия национальной безопасности (2017 г.). *«Американские военные предпримут непосредственные действия против террористических сетей и будут преследовать террористов независимо от того, где они находятся»,* — говорится в стратегии³. Для этого контингент ВС США в Афганистане увеличится ещё на 1 тыс. человек. Сформированная из этой численности «Бригада поддержки силовых ведомств» призвана укрепить низкую боеготовность афганской армии перед предстоящим наступлением на силы «Талибана», которые продолжают контролировать более 45 % территории ИРА. Отправка этих сил планировалась весной 2018 г. До этого американский контингент с июня по ноябрь 2017 г. принял участие более чем в 2 тыс. наземных операций в Афганистане совместно с национальными силами ИРА. По словам президента А. Гани, в 2017 г. было уничтожено больше командиров «Талибана», чем за все предыдущие годы, вместе взятые. Эта война унесла жизни как минимум 50 тыс. боевиков и членов террористических организаций. В ней также погибли 2,3 тыс. американских военнослужащих и более чем 30 тыс. мирных жителей, а американская казна опустела на 679,8 млрд долл. В 2018 финансовом году на операции в Афганистане бюджетом США выделено еще 45,9 млрд долл.⁴

По мнению главного редактора журнала «Проблемы национальной стратегии» Аждара Куртова, США в Афганистане преследуют исключительно геополитические цели. *«В 2001 г. цели США в Афганистане формально декларировались как преследование и уничтожение боевиков “Аль-Каиды” и “Талибана”. Однако эти цели не была достигнуты. По-видимому, реальные цели были совершенно иными. А борьба с террористами являлась лишь предлогом. На деле им было необходимо присутствовать в важнейшем регионе мира и влиять на региональные страны. Этими цели Вашингтона не ограничивались. Американцы хотели влиять и на Россию, которая имеет серьезное влияние в регионе»*⁵, — отмечает Куртов. Сегодня условия несколько изменились, однако цели американцев остались прежними. При этом в Белом доме начали полагать, что присутствие большого количества войск в Афганистане не рационально, поэтому США к 2014 г. вывели большую

часть своих сил из ИРА, считая, что можно достичь этих целей при помощи меньших затрат. Нынешняя цель стратегии США в Афганистане состоит в том, чтобы сохранить все то, что удалось им достигнуть в период проведения операции «Несокрушимая свобода». В частности, речь идет об укреплении афганской армии и спецслужб ИРА и о сохранении своего влияния в Афганистане. Так, сотрудник Бостонского университета Омар Шарифи убежден, что в ближайшей и среднесрочной перспективе присутствие и поддержка США имеют определяющее значение для Афганистана. *«Правительству Афганистана сегодня противостоят не только силы “Талибана”, но и сотни иностранных боевиков, которым афганские войска не смогут противостоять в одиночку. Поэтому присутствие иностранных войск в Афганистане имеет определяющее значение»*⁶. В связи с этим присутствие ВС США/НАТО в ИРА принимает более высокий уровень. Принято решение об увеличении количества военнослужащих США в Афганистане до 15 тыс. человек, а сил НАТО с 13 до 16 тыс. Этим решением, как отмечает иранист Н. Бобкин, *«перспективы вывода иностранных войск отодвигаются на неопределённый срок»*⁷. Более того, США постепенно включает территорию и ВС ИРА в свою структуру для усиления своего военного влияния как в Афганистане, так и в региональном и глобальном масштабах (рис. 1).

Как отмечает американский политолог Майкл Хьюз, решение Трампа усилить военное присутствие США в Афганистане также вызвано борьбой с Пекином за ресурсы ИРА. *«Трампу советуют люди из American Elements (американская компания, занимающаяся добычей редкоземельных элементов.), которые верят, что это стратегическое сдерживание Китая... Что необходимо противостоять его доминированию в сфере добычи редкоземельных элементов. И это можно сделать в Афганистане, даже если у них всего 2 % этих минеральных ресурсов»*⁸.

Официальной целью присутствия войск НАТО, которые сейчас не участвуют в боевых действиях в Афганистане, являются обучение и консультирование афганских силовых структур. Однако эти «обучение» и «консультирование» проходят таким образом, что победа афганской армии над силами талибов остаётся недостижимой.

Комментируя негативную динамику развития ситуации в Афганистане, руководитель центра Института востоковедения РАН

Н. Плотников отмечает, что «от 60 до 70 % территории этой страны либо контролируется антиправительственными группировками — “Талибаном”, “Исламским государством” (ИГ) и другими группировками, между которыми происходят военные столкновения или с правительственными войсками». А войска НАТО отсиживаются в Южном Афганистане, оставляя боевикам север страны, примыкающий к границам с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Поэтому в последнее время участились прорывы боевиков к границам с этими республиками. «Консультации России с НАТО по афганской ситуации полностью прерваны, — отмечает Плотников. — Возникает впечатление, что натовцы вообще против такого сотрудничества, которое, видимо, мешает реализации текущих и перспективных задач натовской стратегии в этом регионе»⁹.

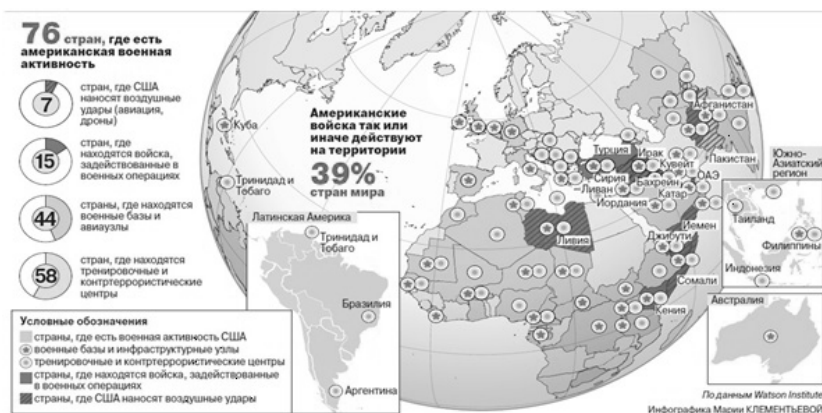

Рис. 1. Дислокация и активность военных баз США в странах мира (по состоянию на 2017 г.). *Источник:* «Аргументы и Факты». 2018. № 4.

Впечатление совершенно верное. Как заявил 9 ноября 2017 г. в Брюсселе постоянный представитель РФ при Североатлантическом альянсе А. Грушко, в центре усилий НАТО «лежит задача противостояния с Россией». По его словам, речи о проектах сотрудничества России и НАТО в Афганистане больше не идёт: саммиты НАТО в

Варшаве и Уэльсе *«поставили шлагбаум перед любыми проектами практического сотрудничества»* России и альянса. Это, в частности, касается обучения специалистов по борьбе с наркотиками для Афганистана, Центральной Азии (ЦА) и Пакистана. По словам российского постпреда, отказ альянса от сотрудничества *«трудно охарактеризовать иначе, как “выстрел себе в ногу”, поскольку все страны НАТО страдают от наркотической угрозы из Афганистана, где производится более 90 % мирового опиума, а в 2018 г. там ожидается рекордный урожай мака»*¹⁰.

Кроме того, как считает советник по вопросам безопасности ИРА Дафар Спанта, *«география военной и террористической активности боевиков в стране расширяется. Так, в примыкающем к Ирану и Туркменистану Гератском районе в 2016 — начале 2017 г. было относительно спокойно, но вскоре и он оказался вовлеченным в операции боевиков. А в НАТО едва ли планируют активно действовать против терроризма в этом районе»*¹¹.

Обострение ситуации в Герате и в северо- и западноафганском приграничье обусловлено также борьбой вокруг проекта газопровода ТАПИ (Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия). *«Пока проект реализуется в основном в Туркменистане, — отмечает Д. Спанта. — Но стратегическая роль установления контроля за афганским коридором для этих поставок сознаётся западными державами»*¹². Поэтому шаг за шагом Афганистан постепенно превращается в самую большую в Азии военную базу США/НАТО, действующую на бессрочной основе и способную влиять на развитие событий в регионе. *«США решили остаться в Афганистане на неопределённое время, — считает бывший представитель Пакистана в ООН Мунир Акрам. — Они знают, что не могут победить талибов, и не хотят соглашаться на равноправное политическое урегулирование. Они стремятся использовать Афганистан как базу для сдерживания Китая и противостояния России»*. Ибо в стратегии национальной безопасности США Россия и Китай были объявлены стратегическими конкурентами США. Там прямо сказано: *«Китай и Россия бросают вызов мощи, влиянию и интересам Америки и пытаются размыть американскую безопасность...»*¹³.

Таким образом, «малая и большая» стратегии США/НАТО в Афганистане преследуют в основном геополитические цели — со-

хранение своего долговременного присутствия и влияния на ситуацию в ИРА и регионе в целом и противодействие там активности России и Китая.

Афганские проблемы — вызов для государств ШОС

Важными акторами в Центрально-Азиатском регионе являются государства — члены ШОС, которые граничат с Афганистаном. Сохранение высокой активности террористов в северных районах этой страны создает прямую угрозу этим государствам. Существует риск установления связей ИГИЛ и «Исламского движения Узбекистана» и им подобных организаций с радикальным подпольем в странах региона. Так, в Таджикистане это касается их взаимодействия с ячейками запрещенной в стране «Партии исламского возрождения Таджикистана», контрабанды оружия, создания тренировочных лагерей в приграничной полосе и заброски диверсионных групп в республику. Объектом террористических посягательств может стать и другой член ШОС — Узбекистан. Радикалы пытаются проникнуть в эту страну через Таджикистан и Киргизию, устанавливают контакты с местными ячейками «Хизб ут-Тахрир» и «Джихад». Их целью является провоцирование массовых выступлений, аналогичных событиям в Андижане. Другой целью экстремистов является организация мятежей против действующей власти в государствах — членах ШОС с использованием экономических затруднений в странах ЦА. Для этого в регионе они активно вербуют молодежь с целью развертывания там полномасштабного антиправительственного подполья.

Спецслужбы стран ШОС при поддержке России и региональной антитеррористической структуры Организации ведут борьбу с этими угрозами. Однако по мере ухудшения обстановки в ИРА ситуация в ЦА тоже будет усложняться, так как террористы накапливают там все большие ресурсы. При этом северные регионы Афганистана, находящиеся под их контролем, будут обеспечивать боевикам «надежный тыл». А доставшаяся в наследство от британского колониального владычества «линия Дюранда», установленная в 1893 г. и подменяющая государственную границу между Пакистаном и Афганистаном (которая не признается Кабулом и не охраняется), создает

идеальные условия для перетекания боевиков в «серую зону племен» в Пакистане и обратно в Афганистан. В связи с этим, как считает немецкий специалист по региону Гюнтер Кнабе, Россия *«намерена усилить роль ШОС, которая до сих пор не имела заметного политического влияния в регионе из-за слишком разнородных интересов ее участников. Поэтому президент РФ Путин предложил возобновить работу контактной группы ШОС по Афганистану»*¹⁴. Поэтому неслучайно 11 октября 2017 г. в Москве прошло заседание Контактной группы «ШОС—Афганистан» на уровне заместителей министров иностранных дел. В ходе заседания состоялся обмен мнениями по вопросам борьбы с угрозами безопасности в регионе, содействия усилиям Афганистана по восстановлению мира в стране. По мнению Кнабе, речь также шла о выработке общей стратегии между Китаем и Россией, у которых в Афганистане есть общие цели. *«Забота номер один и у Пекина, и у Москвы — что исламисты с территории Афганистана будут готовить теракты в РФ и КНР»*. Эта забота обострена сообщениями о перемещении большого числа боевиков из Сирии в Афганистан. По данным эксперта из Института Дальнего Востока РАН Л. Васильева, в Афганистане сейчас серьезно концентрируются группировки ИГ, в рядах которых уже насчитывается порядка 4 тыс. человек. При этом они все находятся главным образом в северных районах ИРА¹⁵.

Вторая забота Контактной группы — поток опиатов из Афганистана, который афганским структурам и их западным союзникам не удается снизить. Это тревожит Россию, страны ЕС и затрагивает Китай. Пекин также имеет значительные экономические интересы в Афганистане. *«Глобальный проект КНР “Экономического пояса Шелкового пути”, в который в той или иной степени включаются члены ШОС. Но пока строит логистику этого проекта в Афганистане невозможно, и его приходится обходить. Причина — катастрофическая ситуация с безопасностью»*, — отмечает сотрудник Института Дальнего Востока РАН В. Матвеев¹⁶.

Третья важная тема московской встречи — вопросы оказания помощи Афганистану в достижении национального примирения. *«Эта тема постоянно присутствует в итоговых документах ШОС, один из последних примеров — Астанинская декларация, где подчеркивается, что ШОС выступает за мирный и свободный от терроризма и процветающий Афганистан»*, — отмечает спецпредставитель

президента РФ по делам ШОС Бахтиер Хакимов. По его словам, контактная группа не дублирует ни одну из существующих переговорных площадок по Афганистану. *«Оказанием содействия Афганистану в поисках национального примирения занимаются в рамках Стамбульского процесса, Кабульского форума и по линии различных многосторонних групп государств. Форматов много, но пока количество не переходит в качество»*, — считает Хакимов.

Заседание 11 октября 2017 г. также прошло под знаком выработки единой позиции членов Контактной группы в отношении новой афганской стратегии США. *«Реакция на нее среди стран региона противоречивая. Пакистан далеко не в восторге от этого плана, включающего изоляцию Исламабада. Это невыгодно и КНР, которая строит ряд важных проектов в регионе с участием Пакистана»*, — отметил Б. Хакимов. Касаясь возможности подключения США к работе Контактной группы, российский дипломат заметил: *«Когда собирался Московский формат, мы приглашали американцев, но Вашингтон отказался от участия»*¹⁷. При этом дипломат не исключил, что в перспективе к формату ШОС — Афганистан могут подключиться новые участники. В частности, такими странами могут стать Иран и Туркменистан, которые уже принимают участие в консультациях по афганской проблематике.

Дипломат напомнил, что если раньше Контактная группа работала в формате «шесть плюс один» за счет постоянных представителей государств — членов при Секретариате ШОС и представителей посольства ИРА в Пекине, то теперь — «восемь плюс один» (в результате присоединения к ШОС Индии и Пакистана), на уровне заместителей министров иностранных дел, и будет собираться в таком формате в обязательном порядке раз в год¹⁸. Российское предложение возобновить работу в таком составе единодушно поддержали лидеры всех государств — членов ШОС и президент Афганистана.

Озабоченности Китая в Афганистане

Одним из важных игроков в ЦА является Пекин, который активизирует свое влияние на события в Афганистане и в качестве приоритета поддерживает альянс с Исламабадом. Как считает эксперт

А. Серенко, *«до сих пор РФ и КНР на афганском направлении шли параллельными курсами. Для этого у Китая есть формат Пекин — Вашингтон — Исламабад — Кабул и организация “Урумчийского договора” с участием Китая, Пакистана, Афганистана и Таджикистана, а также трехсторонние встречи Китай—Пакистан—Афганистан. И ни к одному из этих форматов Пекин Москву не привлекает»*¹⁹. Тем не менее, по мнению российского эксперта Савина, интересы Китая и России в Афганистане взаимно дополняют друг друга, при этом усиление влияния Пекина в Пакистане через проект «Китайско-пакистанский экономический коридор» встречает болезненную реакцию Вашингтона. Поэтому в новой стратегии национальной безопасности США прямо указано, что они будут оказывать давление на Пакистан, а КНР для США — соперник.

Что касается экономического усиления КНР в ИРА, то это не означает, что Пекин стремится диктовать Кабулу, как проводить ему внутреннюю политику. И если сейчас афганские власти беспокоят в основном талибы, то у Китая другие причины для тревоги. В афганской провинции Бадахшан уже не раз были замечены боевики ИГ. Часть из них — пуштуны из «зоны племен», пришедшие в Бадахшан. А часть — уйгуры, те, кто раньше воевал под знаменами ИГИЛ в Сирии и Ираке. И если они обоснуются в Бадахшане, граничащем с китайским Синьцзяном, где существует мощное сепаратистское движение с исламской спецификой, то смогут перебрасывать в КНР отряды боевиков по Ваханскому коридору.

Поэтому Пекин намерен создать свою военную базу в Бадахшане. Там уже побывала спецкомиссия из афганских и китайских военных экспертов, которые выбирали место для базы и оценивали объемы работ. Ходя до этого Пекин дистанцировался от любых силовых акций на сопредельной территории. На трехсторонней встрече в Пекине глав МИД Китая, Афганистана и Пакистана 26 декабря 2017 г. китайцы настойчиво убеждали пакистанцев и афганцев «забыть старые обиды». При этом они не скупились на обещания, предлагая включить ИРА в проект китайско-пакистанского экономического коридора — одного из самых многообещающих региональных проектов. Речь идёт о масштабном инфраструктурном проекте общей стоимостью 62 млрд долл. Он предполагает строительство шоссейных и железных дорог, которые свяжут запад Китая с пакистан-

скими портами на побережье Индийского океана, в первую очередь с портом Гвадар. Также планируется расширение и модернизация портов и аэропортов, масштабные инвестиции в электроэнергетику, создание СПГ-терминалов, нефте- и газопроводов на территории Пакистана. При этом Китай через Пакистан получит прямой выход к побережью Индийского океана и далее — к Ближнему Востоку и Европе. Власти КНР считают этот экономический коридор ключевым в проекте «Один пояс, один путь», который должен создать ориентированную на Китай систему экономической и инфраструктурной интеграции в Евразии.

Для КНР интересны и природные ресурсы Афганистана. В 2007 г. китайские корпорации China Metallurgical Group Corp., Jiangxi Copper Corporation и Zijin Mining Group Company выиграли тендер на разработку одного из крупнейших месторождений меди в мире — Айнак. Сделка в 3,5 млрд долл. считается крупнейшей в истории Афганистана. Пекин также интересуется добыча золота и железа. Кроме того, в ИРА находятся практически неразработанные залежи нефти (около 1,6 млн баррелей) и природного газа (15,7 трлн куб. м). Для их добычи КНР активно вкладывает свои деньги и является крупнейшим инвестором в экономику страны²⁰.

О другой встрече в Пекине в 2017 г. — министров обороны Афганистана и КНР и зампреда Центрвоенсовета КНР известно немного меньше: лишь то, что стороны договорились наращивать двусторонние связи в военной сфере²¹. Как сообщил министр обороны ИРА Т. Бахрами, он договорился с китайскими представителями о взаимодействии в борьбе с терроризмом. Для этого момент выбран исключительно удачно. Из-за новой стратегии национальной безопасности США Д. Трамп рассорился с Пакистаном, через который проходит единственный маршрут снабжения американской группировки в ИРА. Вашингтону также не удалось пока втянуть в афганский конфликт Индию, способную возложить на себя всю тяжесть противостояния талибам и не дать Китаю войти в Афганистан. Поэтому Пекин в перспективе может получить лавры посредника, замирившего Афганистан, что существенно укрепит его позиции в мире.

Ключевой вопрос — что будет дальше и насколько серьезно КНР намерена втягиваться в афганский конфликт. До последнего

времени участие китайских военных ограничивалось рейдами и засадами спецназа в Ваханском коридоре, где они перехватывали группы уйгурских исламистов. В 2016 г. Китай впервые предложил военную помощь Афганистану. При этом Кабул выразил заинтересованность в логистическом оборудовании, лёгком вооружении, запчастях для авиации, боеприпасах и военной форме. А в 2017 г. китайские военные проводили совместное патрулирование с афганцами в горах Памира.

«Новая база афганской армии — это лишь элемент в общем росте китайской вовлеченности в регионе, — считает сотрудник Института Дальнего Востока РАН В. Кашин. — Если тенденция продолжится, то китайское присутствие в ИРА, скорее всего, будет смоделировано по образцу российского присутствия в Сирии. А именно — опора на коалицию с местными правительственными силами; поддержка дружественных формирований из местного населения; удары с воздуха и действия спецназа при ограниченном участии сухопутных войск НОАК»²². Но как показывает опыт СССР и США, ограниченным вмешательством Китая в афганские дела обойтись не удастся: постепенно конфликт будет втягивать в себя дополнительные войска и ресурсы. Но у Китая есть козырь, которого не было ни у СССР, ни у США, — лояльный Пакистан, способный влиять на талибов. Если же «нет» — то Китаю предстоит вспомнить, за что именно Афганистан получил недобрую славу «кладбища империй».

Таким образом, сотрудничество Пекина и Кабула выходит далеко за пределы экономики. Китай оказывает гуманитарную и военную помощь Афганистану и активно строит там свою инфраструктуру, включая военную. При этом, следуя принципу неприсоединения к военным блокам, Пекин будет уклоняться от чьих либо предложений стабилизировать обстановку в ИРА при помощи совместного применения военной силы.

Афганская и среднеазиатская стратегии России и ее отношение к американскому присутствию в ИРА

К началу 2018 г. Россия провела ряд успешных внешнеполитических стратегических акций на Ближнем Востоке, давших ей поли-

тическую и военную выгоду и превративших Москву в ключевого актора в урегулировании конфликтов в этом регионе. Среди них — военная кампания в Сирии, поддержка главы Ливийской национальной армии генерала Хафтара, а также налаживание отношений с правительством Египта, которое дало согласие на использование российскими ВКС их авиабаз.

Действия России в Афганистане являются продолжением этой стратегии, однако они уже не ограничиваются обеспечением стабильности на местах. Москва создает собственную сеть контактов и средств защиты российских интересов в ИРА. По аналогу с сирийской стратегией она стремится укрепить свои позиции в качестве влиятельного игрока в Афганистане и закрепить за собой роль неотъемлемого участника в урегулировании любых кризисов в этой стране и в регионе в целом.

В связи с этим деятельность России включает в себя предложения деловых инвестиций, дипломатическую кампанию, культурные программы, а также финансовую и военную поддержку ИРА, влиятельных сил на севере страны. В реализации этой стратегии у России есть ряд преимуществ перед США. Многие российские офицеры, сотрудники спецслужб и дипломаты обладают опытом работы в Афганистане, который они получили в период советско-афганской войны. Значительная доля афганских чиновников и военнослужащих получили образование или прошли подготовку в России. Москва предоставила правительству ИРА вертолеты и запчасти к ним, десятки тысяч автоматов и миллионы боеприпасов. При этом она заключает временные союзы с группировками в ИРА, которые являются наиболее влиятельными в стране. Такая гибкость, к примеру, позволила России работать с умеренной частью «Талибана». При этом Москва не рассматривает это движение в качестве партнера для сотрудничества, считая, что оно стремится получить контроль над территориями внутри ИРА и поэтому является угрозой только для нынешнего правительства, не представляя угрозы за пределами страны. Оно сильно отличается от ИГИЛ, действующей в Афганистане и Пакистане и которую Москва считает транснациональной группировкой, представляющей угрозу для стран ОДКБ и ШОС. Как заявил в 2015 г. спецпредставитель РФ по Афганистану Замир Кабулов, интересы России и Талибана «совпадают», когда речь идет

об уничтожении ИГИЛ. В связи с этим советник по вопросам национальной безопасности правительства ИРА Мохаммад Атмар заявил о ее «значительной роли» в том, чтобы посадить «Талибан» за стол переговоров.

С декабря 2016 г. по апрель 2017 г. Россия провела три раунда переговоров с участием Китая, Ирана и Пакистана. В третьем раунде принял участие Афганистан. Были установлены контакты с представителями «Талибана» для выяснения их переговорной позиции и готовности принять компромисс на базе трехсторонних соглашений. Цель контактов — стимулирование мирного процесса в Афганистане. Для этого предполагаются провести переговоры в формате Кабул—«Талибан» при участии наблюдателей из Москвы, Пекина и, возможно, Исламабада. На выходе должно быть составлено соглашение о переходе основных фракций «Талибана» к легальной политической борьбе, создание коалиционного правительства, возможны и поправки в Конституции ИРА. При этом талибам придется отказаться от любых контактов с террористическими организациями, включая «Аль-Каиду», ИГИЛ и синьцзян-уйгурских сепаратистов.

В 2018 г. на площадке ШОС предполагается активизация прямого диалога Индии и Пакистана с целью снижение конфликтного потенциала в регионе. При этом Афганистан должен гарантировать нейтралитет в их конфликте и исключить использование своей военной инфраструктуры против одной из сторон. Ожидаемые варианты завершения этих переговоров — сокращение вооруженного насилия между конфликтующими сторонами и исчезновение «дуги напряженности» в регионе²³.

Таким образом, в результате реализации своей стратегии в Афганистане Россия достигла основной цели: она сумела позиционировать себя в качестве ключевого участника переговоров о перспективах развития ИРА и региональной безопасности. Этому способствует позиция Москвы, поддерживающей одновременно дружественные отношения с Кабулом, Исламабадом и Нью-Дели, что позволяет ей выступить гарантом в будущей сделке о судьбе взаимоотношений в «треугольнике» Афганистан—Пакистан—Индия. Для этого она приложила немало усилий для того, чтобы наладить отношения с этими и другими странами. В частности, в 2016 г. Россия и

Пакистан провели первые совместные военные учения и подписали соглашение на покупку Пакистаном российских боевых вертолетов Ми-35. Москва сотрудничает и с Ираном, который является ее союзником в Сирии.

При этом усиление позиций Китая в Афганистане не противоречит интересам России. Как отмечает эксперт Центра геополитических экспертиз Л. Савин, *«Китай в Афганистане продвигает свои экономические и финансовые инструменты, вместе с инвестициями идут договорённости о покупке китайских товаров и услуг»*²⁴. Он уверен, что на этом поле серьёзно конкурировать с КНР вряд ли кто-то сможет, а на рынке вооружений Афганистана, Пакистана и Индии Китаю будет трудно что-либо противопоставить России.

Кроме того, авторитет Москвы как ключевого игрока в Афганистане позволяет укрепить веру ее среднеазиатских союзников в способность России обеспечить их безопасность в случае обострения ситуации в регионе.

Так, к примеру, срыв политического урегулирования в Афганистане может привести к дальнейшему нарастанию конфликта и превращению его в гражданскую войну. Россия пытается не допустить развитие этих событий и готовит ответные меры. При этом основной целью ее усилий является создание полосы безопасности вдоль границы центральноазиатских стран — участниц ОДКБ с Афганистаном. Для этого в рамках двусторонних программ военного сотрудничества Москва смогла поднять боеготовность сил ОДКБ до уровня, гарантирующего купирование первоначальных атак боевиков. Однако здравое предложение Москвы о возвращении в регион российских пограничников или создания пограничных войск ОДКБ отвергается правительствами ряда стран ЦА.

Особую тревогу у Москвы вызывает «закрытая» позиция Ашхабада, которая затрудняет объективную оценку ситуации на туркмено-афганском участке границы и возможные меры по ее улучшению. Кроме того, по требованию таджикистанского правительства в 2012 г., численность опергруппы ФСБ РФ в Таджикистане была сокращена в три раза. В связи с этим Россия пытается улучшить ситуацию за счет повышения уровня технического оснащения таджикистанской границы. Для этого она направляет туда спецтехнику и обеспечивает ее работу, помогает республике в подготовке

кадров и оказывает финансовую помощь, однако этого явно не достаточно. Очевидно, в рамках ОДКБ имеет смысл вернуться к проекту создания коллективных сил пограничной охраны либо расширения состава наблюдателей на контрольных пунктах границы с ИРА.

В случае масштабного вторжения боевиков на территорию ЦА со стороны Афганистана ВКС и спецназ ВС РФ окажут поддержку своим союзникам по ОДКБ в пределах суток с последующим развертыванием коллективных сил оперативного развертывания ОДКБ, которым потребуется 4–5 суток. При этом вероятно, что к поддержке антиталибских сил в самом Афганистане могут подключиться Китай и Иран. Их совместные действия даже при наихудшем развитии ситуации могут сократить прямые военные угрозы для региональной безопасности. В случае отказа США и НАТО от взятых на себя обязательств по поддержанию безопасности в Афганистане и при условии согласия афганских властей возможно использование российских ВКС по «сирийскому сценарию» для недопущения создания полнокровных формирований сил террористов и сепаратистов в ИРА. При этом ввод сухопутных сил ВС РФ в Афганистан — исключается.

В числе прочих афганских угроз РФ рассматривает наличие сети военных баз США на территории Афганистана, которые могут быть использованы для ведения войны против России, Китая и Ирана. Номинально эти базы имеют статус «афгано-американских», однако они полностью находятся под фактическим контролем США, а их имущество и личный состав признаются экстерриториальными.

В настоящее время в Афганистане размещены три базы США: в Баграме, Кандагаре и в Шинданге. В 2017 г. посадочные полосы там были модифицированы, и аэропорт получил возможность принимать стратегическую авиацию, что превращает его в часть наступательной военной стратегии США. Ее потенциал обуславливает рост напряженности в регионе и провоцирует Китай на расширение военной инфраструктуры в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и афганском Бадашхане. Предназначение американских военных баз также вызывает обеспокоенность Генштаба ВС РФ, который рассматривают эти объекты в числе потенциальных угроз, что обу-

словлено отсутствием диалога Москвы и Вашингтона, перспективы которого не улучшаются. Эти обстоятельства учитываются МО РФ при развитии инфраструктуры ОДКБ в ЦА.

Что касается перспектив развития российско-американских отношений по Афганистану, то в конце XX — начале XXI в. Россия и США преследовали там во многом одинаковые цели: стремились предотвратить хаос и превращение страны в безопасное убежище для террористов. Поэтому, когда США вошли на территорию Афганистана в 2001 г., интересы США и РФ по большей части совпадали. Сотрудничество между Москвой и Вашингтоном достигло своего пика, когда США и НАТО было позволено транспортировать оружие и оборудование через российскую территорию, когда РФ поставляла в ИРА вертолеты Ми-17 и сотрудничала с США по сокращению объемов производства наркотиков в ИРА²⁵. При этом Москва мирилась с операциями США в Афганистане в надежде на то, что они могут вернуть стабильность в ИРА, и давала понять Вашингтону, что не хочет, чтобы США быстро вывели оттуда свои войска²⁶.

Но со временем Россия начала постепенно терять веру в то, что США способны вернуть стабильность в ИРА. Ухудшение российско-американских отношений после присоединения Крыма еще больше уменьшило желание Москвы поддерживать Вашингтон. Новая стратегия США в Афганистане ее тоже не впечатлила. Министр иностранных дел РФ С. Лавров назвал сосредоточенность США на применении силы в Афганистане и открытую дату вывода оттуда войск «тупиком», сказал, что стратегия Трампа почти ничем не отличается от стратегии Обамы, которая не помогла улучшить ситуацию с безопасностью в стране. Российские эксперты также раскритиковали решение Пентагона прекратить закупать Ми-17 для афганской армии, заявив, что это исключительно политическое решение, ставшее результатом введения антироссийских санкций. Россия все чаще настаивает на том, что подход США в борьбе с терроризмом не работает и что политическая воля в Вашингтоне, необходимая для продолжения кампании в Афганистане, в скором времени иссякнет. Для России это серьезная проблема, однако она предоставляет ей возможность стать влиятельным игроком в Афганистане.

Возможные направления взаимодействия в области стабилизации обстановки в ИРА интересованных в этом акторов

Анализ точек зрения дипломатов и политологов, касающихся стратегий главных действующих субъектов в ИРА, позволяет выделить ряд областей потенциального взаимодействия заинтересованных в этом акторов в интересах стабилизации обстановки в Афганистане совместными усилиями.

Во-первых, новейшая история Афганистана свидетельствует о том, что внешний фактор продолжает оказывать существенное влияние на внутреннее положение страны, поскольку ее стратегическое положение в Евразии предопределяет особое место на геополитической карте мира. В связи с этим страна превратилась в арену соперничества региональных и мировых держав за влияние в Центрально-Азиатском регионе.

В этой связи заинтересованным акторам в стабилизации обстановки в ИРА (включая Афганистан, Туркмению, а также членов ОДКБ, ШОС, ЕС и НАТО) было бы целесообразным совместными усилиями под эгидой ООН разработать «Концепцию баланса геополитических интересов, сотрудничества и взаимного учета интересов в Афганистане». Целью этой концепции является создание платформы конструктивного сотрудничества региональных и мировых держав и их союзов для решения существующих проблем в ИРА и нахождения там путей сбалансирования их интересов.

Во-вторых, в настоящее время ситуация в афганском обществе до предела обострена национальными и региональными противоречиями. С учетом сложившейся ситуации Афганистану, властям в Кабуле при посредничестве международных структур, есть необходимость разработать «Концепцию национальной идентичности» с механизмом ее реализации. Ее суть заключается в том, что между народами, проживающими в Афганистане должны воцариться мир и согласие, всесторонне развиваться взаимопонимание, дружба и сотрудничество всех народностей страны в целях обеспечения равенства в политической, экономической и социальной сферах, в области культуры и образования. В реализации данной концепции, разра-

батываемой под наблюдением ООН и ОБСЕ, должны активно участвовать все живущие в Афганистане народы.

В-третьих, для замирения Афганистана государства ШОС могли бы предложить США и другим странам НАТО использовать в стране таджикскую модель урегулирования конфликта — путем диалога и переговоров, которая является уникальной в мировой практике. Данная модель демонстрирует возможности, подходы, принципы и механизмы урегулирования конфликтной ситуации с участием международных организаций и финансовых институтов в установлении мира и стабильности в зоне конфликта. В свое время эта задача была достигнута в Таджикистане, когда в стране шла гражданская война и когда атмосфера вражды поставила это государство на грань исчезновения. Поэтому разумно изучить и применить в Афганистане опыт Таджикистана, следуя принципам данной модели для урегулирования конфликта в этом государстве.

В-четвертых, нынешняя афганская власть продолжает отказываться признавать афгано-пакистанскую границу по «линии Дюранда». Отсутствие пограничного контроля этой границы создает идеальные условия для действий международных террористов, экстремистов, сепаратистов и наркоторговцев. В связи с этим властям Афганистана и Пакистана необходимо сесть за стол переговоров и решить данную проблему. Главной целью переговоров является обеспечение и повышение уровня безопасности общей границы, организация работы по легальному перемещению людей и товаров через нее и пресечение трансграничной преступности.

В-пятых, в геополитическом контексте ситуация в Афганистане затрагивает безопасность стран ОДКБ. Они уже не один год страдают от афганского кризиса, который создаёт неблагоприятный фон для системы региональной безопасности. Ввиду этого в рамках ОДКБ целесообразно разработать стратегию по обеспечению региональной безопасности в контексте угроз, исходящих из Афганистана. Китай, не являющийся членом Организации, может присоединиться к разработке и реализации этой стратегии через механизмы сопряжения структур ШОС и ОДКБ. В рамках данной стратегии необходимо определить предметные цели и задачи и механизм их выполнения. При этом национальные интересы стран региона должны отвечать единым требованиям вышеуказанной стратегии.

В-шестых, кроме военно-политических мер безопасность региона можно обеспечить и путем вовлечения Афганистана в межрегиональную интеграцию. Поэтому было бы рациональным государствам ШОС в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь» и при поддержке международных финансовых организаций — создать в Афганистане транспортные, энергетические и торговые коридоры между странами Центральной и Южной Азии, а также Европы, создав условия для углубленного научно-технического и экономического сотрудничества между государствами региона.

В-седьмых, в условиях возрастающих вызовов и угроз, их ускоренной трансформации в Афганистане безопасность этого государства и региона в целом становится одним из первостепенных вопросов как для России, так и для западных держав, которые вовлечены в процессы, происходящие в ИРА. С учетом этого, было бы разумным реанимировать работу Совета Россия—НАТО, где рассмотреть инициативу Таджикистана по созданию «пояса безопасности» вокруг Афганистана с участием стран, имеющих общую границу с Афганистаном. Создание «пояса безопасности» может стать действенным стратегическим актом Совета Россия—НАТО для мирового сообщества и позволит продолжить сотрудничество России с западными державами в процессе мирного разрешения афганского кризиса.

В-восьмых, у России и США существует много объективных причин для того, чтобы возобновить сотрудничество в Афганистане. Интересам обеих стран отвечает уничтожение террористических группировок, наркотрафика, восстановление инфраструктуры страны и оказание гуманитарной помощи. Они стремятся ликвидировать угрозу со стороны ИГИЛ, чье присутствие на севере и востоке Афганистана растет.

Но в ближайшей перспективе результаты сотрудничества России и США по ликвидации общих для них угроз будут довольно ограниченными благодаря вашингтонским ястребам и антироссийской истерии, царящей в СМИ и среди американского истеблишмента. Поэтому пока страны могут сотрудничать на тактическом уровне, например обмениваться данными о местонахождении террористов и подобной информацией. Но даже это позволит возобновить работу Совета Россия—НАТО и восстановить российско-аме-

риканский диалог по региональным проблемам, затрагивающим национальные интересы обеих стран.

И в среднесрочной перспективе не стоит ожидать слишком многого. Разрыв между стратегиями России и США в Афганистане продолжает увеличиваться. Вашингтону не по нраву, что стратегия России в Афганистане включает в себя ряд элементов, которые присутствуют в ее сирийской стратегии. Проведя многосторонние переговоры в ИРА, как она сделала с участниками сирийского конфликта, Москва закрепила за собой роль участницы будущих соглашений по Афганистану.

45-й президент США хотел бы наладить отношения с Москвой, однако Д. Трамп осознает, что это даст ему больше минусов, чем плюсов при нынешней внутривластной ситуации в США. Поэтому возобновление российско-американского сотрудничества им отложено, и, судя по всему, — надолго. Свидетельство тому — очередная порция антироссийских санкций в виде опубликованного 31 января 2018 г. «черного списка», куда вошли политики и бизнесмены, поддерживающие президента В. Путина. Очевидная цель санкционного списка — разубедить крупный бизнес и российскую политическую элиту сотрудничать с нынешней властью в Кремле. Также следует понимать, что за возможное налаживание отношений Д. Трамп как бизнесмен-прагматик может потребовать от России «отдаления» от Китая. А для Москвы в ближайшей и среднесрочной перспективе для решения глобальных и региональных проблем, включая Афганистан, в разы важнее плодотворное сотрудничество с Пекином, чем с Вашингтоном.

В-девятых, тем не менее, у сторонников приверженности принципу в российско-американских отношениях «лучше худой мир, чем добрая ссора» в начале 2018 г. появился повод для «осторожного» оптимизма в области возобновления переговоров по проблемам безопасности. Основанием для этого служит информация о том, что в январе того же года в США был выпущен пока засекреченный доклад, в котором говорится, что американские спецслужбы во время президентских выборов сфабриковали пресловутое «российское досье Трампа». Отзывы посвящённых в детали этого доклада таковы: «Это круче Уотергейта», «Люди должны это знать!» и т. п. Как считают авторы доклада, которые пытаются добиться его публикации, «для Рос-

сии это отличные новости. Как минимум токсичность “российского вопроса” в американской политике резко снизится. Будет хотя бы минимальный шанс на вменяемые переговоры без истерики русофобов».

И, кроме того, американские сенаторы и конгрессмены все чаще стали прислушиваться к мнению видных военных стратегов, среди которых находится 16-й министр обороны США (1994—1997) Уильям Перри. На московской встрече с сотрудниками Института США и Канады РАН 6 февраля 2018 г. он высказал мнение, что в среднесрочной перспективе существует вероятность возобновления сотрудничества США и России в ИРА, как это было ранее на Балканах, где американские и российские военнослужащие совместными усилиями устанавливали мир. Для этого дипломатам, военным и экспертам обеих стран необходимо найти точки совпадения национальных интересов США и России в Афганистане и начать конструктивное сотрудничество в интересах стабилизации обстановки в этой стране.

Примечания

¹ Syed Mohammad Ali. New US Strategy for Afghanistan. URL: <https://tribune.com.pk/story/1484128>

² Встреча Трампа и Моди в Вашингтоне 26 июня 2017 года. URL: <https://russian.rt.com/world/news/399250->

³ What is actually in the new US National Security Strategy. URL: <https://www.nextbigfuture.com/2017/12/what-is-actually-in-the-new-us-national-security-strategy.html>

⁴ Вице-президент США пообещал довести войну в Афганистане «до победного конца». URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4835015>

⁵ Куртов А. Афганистан ждёт новый виток гражданской войны. URL: <http://vestikavkaz.ru/video/Azhdar-Kurtov-Afganistan-zhdet-novyy-vitok-grazhdanskoy-voyny.html>

⁶ Балиев А. Афганистан превращается в огромную базу НАТО и угрожает России. URL: <http://geo-politica.info/afghanistan-prevraschaetsya-v-ogromnuyu-bazu-nato-i-ugrozhaet-rossii.html>

⁷ Бобкин Н. НАТО скапливает военные силы в Афганистане. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/11/10/natoskaplivaet-voennye-sily-v-afganistane-45007.html>

⁸ Новая «большая игра»: как приход Китая в Афганистан затронет интересы США и России. URL: <https://aftershock.news/?q=node/601091&full>

- ⁹ *Балиев А.* Афганистан как база НАТО у южных границ СНГ. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/11/11/afganistan-kak-baza-nato- u-juzhnyh-granic-sng-45012>
- ¹⁰ Минобороны РФ отвергает претензии США. URL: <http://www.militarynews.ru/Story.asp?rid=1&nid=466301>
- ¹¹ *Шипилов В.* Эксперты считают, что Афганистан близок к распаду на квазигосударства. URL: <http://novorusmir.ru/archives/33169>
- ¹² *Бобкин Н.* Афганистан как база НАТО у южных границ СНГ. URL: <https://newsland.com/user/4297785006/content/afganistan>
- ¹³ *Караганов С.* Второй срок Дональда Трампа вполне реален // Аргументы и Факты. 2018. № 4.
- ¹⁴ Deutsche Welle. Афганский вопрос — попытка Кремля реанимировать ШОС? URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/51916>
- ¹⁵ *Васильев Л.Е.* Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М.: ИДВ РАН, 2017.
- ¹⁶ *Матвеев В.А.* Роль ЦАР в «Экономическом поясе Шелкового пути» // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в ШОС. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 19—33.
- ¹⁷ *Хакимов Б.* Контактная группа «ШОС—Афганистан» призвана стать инструментом содействия. URL: <http://afghanistan.ru/doc/117336.html>
- ¹⁸ Группа ШОС — Афганистан возобновляет работу в расширенном составе. URL: <http://tass.ru/politika/>
- ¹⁹ *Волков В.* Deutsche Welle. Press Digest 24 Jan 2018. URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/51916>
- ²⁰ *Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в XXI веке. М.: ИДВ РАН, 2016.
- ²¹ *Куприянов А.* Китаестан. Зачем КНР в афганском Бадахшане. URL: <https://news-front.info/2018/01/21/kitaestan-zachem-knr-voennaya-baza-v-afganskom>
- ²² Китай решил зайти в Афган. URL: <https://aleks070565.livejournal.com/5057325.html>
- ²³ Российская программа нейтрализации «афганской угрозы». URL: <https://pravdoryb.info/rossiyskaya-programma-neytralizatsii-afganskoy-ugrozy-113686.html>
- ²⁴ Какие проблемы создает для России уход войск натовской коалиции из Афганистана: мнения. URL: <http://www.iarex.ru/news/32429.html>
- ²⁵ *Морозов Ю.В.* Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—114.
- ²⁶ *Гурганус Д.* Стратегия России в Афганистане. URL: <http://inosmi.ru/politic/20180111/241162649.html>

*Л.Е. Васильев**

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШОС С МЕЖДУНАРОДНЫМИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Резкий рост терроризма по всему миру дал серьезный импульс не только международному сотрудничеству государств в борьбе с этим злом в рамках уже существующих международных организаций, но и выступил катализатором создания новых международных организаций, действующих в этой сфере, и прежде всего региональных. Именно региональные международные организации позволяют наиболее эффективно и оперативно согласовывать позиции своих членов, вырабатывать их совместную позицию, а также предпринимать совместные действия по обеспечению международной безопасности в различных регионах мира.

Геополитические реалии на сегодня таковы, что государства ШОС оказываются в масштабной «дуге нестабильности», начинающейся на Ближнем Востоке и Северной Африке и через Кавказ и Каспий проходящей в Центральную и Южную Азию. В настоящее время стало очевидно, что в свое время ряд ведущих мировых акторов (и прежде всего США) реализовал несколько геополитических «программ» в этом регионе, в основе которых были целенаправленное и системное вмешательство во внутренние дела независимых

* *Васильев Леонид Евгеньевич*, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

стран, дестабилизация и свержение «неудобных» Западу режимов. Именно такая самоуверенная политика во многом привела к разрушению традиционных механизмов государственного управления, обеспечения безопасности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, бесконтрольному расползанию по региону оружия и боеприпасов, а также спровоцировала небывалый всплеск «радикализации» местного населения¹. Такое положение привело, в итоге, к резкому усилению боевой активности террористических и экстремистских структур, действующих в регионе, и прежде всего ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра».

Используя сложившееся в результате действий США положение, международные террористические организации в своих действиях основными трендами в последнее время избрали эффективное использование острых протестных настроений в обществе, умелое «вплетение» терроризма и его носителей в ткань региональных и внутренних конфликтов, проникновение террористических групп и лидеров вглубь оппозиционных движений, перехват ими инициативы и последующее вытеснение оттуда ответственных и конструктивных политических сил².

Такая ситуация уже привела к дестабилизации обстановки и масштабным боестолкновениям в Ираке, Ливии, Сирии и других районах Ближнего Востока и Северной Африки. При этом нетрудно заметить, что с большой долей вероятности она может повториться и в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР), схожем с вышеуказанным регионом по менталитету и расположенным в непосредственной от него близости. Поэтому реализуемая в ЦАР Шанхайской организацией сотрудничества Концепция безопасности, прежде всего, должна обеспечить стабильность и безопасность государств региона, а также иметь комплексный и всеобъемлющий характер. При этом следует отметить, что Концепция базируется на демократических принципах и нормах международного права, включает как направления всеобъемлющего обеспечения безопасности, так и решение социально-экономических противоречий. В ней содержится характеристика современных вызовов и угроз региональной безопасности, таких как терроризм, сепаратизм, экстремизм, трансграничная преступность, а также обозначены основные направления борьбы с этими угрозами.

Такое решение проблем региональной безопасности, реализуемое государствами — членами ШОС, *во-первых*, отражает баланс интересов всех субъектов международных отношений; *во-вторых*, обеспечивает каждому государству право на независимый выбор пути развития в соответствии с собственным историческим опытом и национальной спецификой, на защиту государственного единства и национального достоинства, на равноправное участие в международных делах; *в-третьих*, гарантирует урегулирование международных и региональных конфликтов и кризисов политико-дипломатическими средствами в строгом соответствии с принципами и нормами международного права при учете законных интересов всех вовлеченных сторон; *в-четвертых*, уважает культурно-цивилизационное многообразие современного мира.

В Стратегии развития ШОС до 2025 г. также говорится, что особое внимание в деятельности Организации будет уделяться сотрудничеству по вопросам противодействия деятельности международных террористических организаций (далее — МТО), направленной на вовлечение граждан государств-членов в террористические, сепаратистские и экстремистские группы, налаживанию взаимодействия с соответствующими международными организациями и региональными объединениями по выявлению и перекрытию каналов перемещения лиц, прошедших террористическую подготовку для участия в вооруженных конфликтах на территории третьего государства на стороне МТО, а также выявлению таких лиц, возвращающихся на территорию государств — членов ШОС после прохождения подготовки или участия в вооруженных конфликтах на стороне МТО³.

Кроме того, в декларации ШОС, опубликованной после Уфимского 2015 г. саммита, государства — члены Организации высказались против любого вмешательства иностранных государств в конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке. «Урегулирование политических кризисов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки должно достигаться на основе взаимного уважения интересов, верховенства норм и принципов международного права без внешнего вмешательства. Государства-члены выступают также за сохранение ключевого места Совета Безопасности ООН в системе поддержания международного мира и безопасности, предусмотренной Уставом ООН»⁴.

Опыт борьбы Шанхайской организации сотрудничества с международным терроризмом

В начале рассмотрения данного вопроса следует подчеркнуть, что потребность в создании «шанхайской пятерки», а затем Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) обусловила именно необходимость решения проблем, связанных с региональной безопасностью и межгосударственными отношениями. События в США сентября 2001 г. и их последствия стали лишь катализатором расширения и углубления отношений государств — участников Организации в этой сфере. Борьба с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — является одной из приоритетных проблем ШОС, а их совокупное проявление в Центральной Азии наиболее масштабно и представляет собой одну из основных угроз безопасности в этом регионе.

Следует отметить, что с самого начала борьбы с силами «трех зол» в ШОС был заложен концептуальный фундамент этого сотрудничества, выработаны и утверждены руководством государств его теоретическая, научная и юридическая база. Именно ШОС стала первой из международных организаций, которая недвусмысленно поставила вопрос о всемирном развертывании борьбы с вышеназванными явлениями, причем еще до известных событий 11 сентября 2001 г. в США. Так, в день образования ШОС (15.06.2001) была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой были намечены направления и возможные формы борьбы с ними. Этот документ заложил прочные, в том числе и правовые, основы для взаимодействия в области безопасности в рамках Организации.

Сотрудничество в сфере безопасности в ШОС изначально было ориентировано на обеспечение регионального взаимодействия государств в противодействии новым вызовам и угрозам безопасности негосударственного характера, таким как терроризм, сепаратизм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и другие проявления трансграничной преступной деятельности.

Следует отметить, что к решению проблем противодействия международному терроризму ШОС подходит с более широких позиций, чем США и их союзники. Если в Вашингтоне на первое место

ставят военную силу с нанесением военных ударов по террористическим центрам и оказание давления на государства, поддерживающие терроризм, то с точки зрения Шанхайской организации сотрудничества ликвидация террористической деятельности напрямую связана с нейтрализацией деятельности религиозных экстремистских и сепаратистских организаций, а также решением социально-политических проблем.

Страны — участники ШОС исходят из того, что процессы глобализации усиливают взаимозависимость государств, в результате чего их безопасность и развитие становятся неделимыми, и что современным вызовам и угрозам безопасности можно эффективно противостоять лишь через объединение усилий государств на основе согласованных принципов и в рамках многосторонних механизмов.

Государства ШОС считают, что с глобальной террористической угрозой надо бороться сообща, на подлинно коллективной основе, при центральной координирующей роли ООН и соблюдении норм международного права, без «двойных стандартов». Их принципиальная позиция состоит в том, что основу эффективной стратегии по пресечению угроз, исходящих от крупнейших террористических группировок во главе с ИГИЛ, должна в итоге составить международная коалиция, действующая на полностью легитимной основе решений ООН, твердо приверженная в своих действиях нормам международного права. Государства — члены ШОС принципиально не приемлют односторонние акции некоторых государств, поскольку такие акции не способны решить существующие в мире проблемы⁵.

В Концепции сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом говорится, что в достижении основных целей и решении основных задач государства ШОС руководствуются следующими принципами:

- соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права;
- взаимное доверие;
- взаимное уважение суверенитета, равенства и территориальной целостности;

- недопущение применения практики «двойных стандартов» в международных усилиях по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- бескомпромиссность борьбы и неотвратимость наказания лиц и организаций за терроризм, сепаратизм и экстремизм;
- комплексный подход к борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом с использованием превентивных правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских и иных мер;
- недопустимость придания борьбе с терроризмом конфессиональной и иной окраски;
- непредоставление в любой форме поддержки организациям и лицам, причастным к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности;
- непредоставление убежища лицам, причастным к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности;
- единство подходов к возможности применения адекватных мер при возникновении угроз безопасности государствам — членам ШОС от терроризма, сепаратизма и экстремизма;
- обеспечение взаимной защиты информации закрытого характера, полученной в процессе сотрудничества;
- признание приоритетности совместных решений по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁶.

В целях конкретизации и организации практической работы в рамках борьбы с международным терроризмом в регионе на саммите глав государств — участников ШОС в Санкт-Петербурге было подписано Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (РАТС), представляющей собой межгосударственный институт Организации, который призван вырабатывать стратегические направления деятельности в этой области, рекомендовать порядок взаимодействия силовых структур и конкретные мероприятия для их совместного осуществления.

Официальное открытие штаб-квартиры РАТС в г. Ташкент состоялось 17 июня 2004 г. в период проведения очередного заседания Совета глав государств — членов ШОС в столице Узбекистана. В соответствии с Соглашением РАТС является постоянно действующим органом ШОС и предназначена для содействия координации и

взаимодействию компетентных органов государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В числе ее основных задач и функций: содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; осуществление международного розыска лиц, подозреваемых в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера; сбор и анализ информации; содействие в подготовке и проведении антитеррористических учений; содействие в подготовке специалистов для антитеррористических подразделений; разработка предложений о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; формирование и ведение специализированных банков данных о международных террористических, сепаратистских и экстремистских организациях и т. д.⁷

Органами РАТС являются Совет РАТС и Исполнительный комитет РАТС. Совет определяет порядок осуществления основных задач и функций РАТС, принимает решения обязательного характера. Исполнительный комитет функционирует на постоянной основе и оказывает помощь во взаимодействии и координации государств — членов ШОС в решении задач по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму. Структурно Исполнительный комитет состоит из пяти направлений: координационно-оперативная деятельность, международные контакты и связи, информационно-аналитическая деятельность, правовое обеспечение, административно-финансовая деятельность.

Для повышения эффективности борьбы с международным терроризмом Советом РАТС утверждены и реализуются следующие совместные меры по:

- противодействию вызовам и угрозам, исходящим от международной террористической организации «Исламское государство»;
- противодействию деятельности международной организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»;
- выявлению и перекрытию каналов перемещения лиц в регионы с повышенной террористической активностью для участия в террористической деятельности;
- предотвращению террористических актов с использованием террористов-смертников;

- противодействию вербовке в террористические и экстремистские организации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы;
- предотвращению распространения радикальной религиозной идеологии;
- предупреждению и пресечению использования или угрозы использования в террористических, сепаратистских и экстремистских целях компьютерных сетей;
- меры в отношении лиц, возвращающихся после участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических, сепаратистских и экстремистских организаций.

В интересах осуществления розыска лиц, причастных к террористической деятельности, в Исполнительном комитете ведется Единый розыскной реестр (внесено более 2800 лиц). В целях обмена оперативной информацией в отношении иностранных боевиков-террористов, принимающих участие в боевых действиях на стороне международных террористических организаций, в 2015 г. разработана и ведется Таблица учета указанной категории лиц (внесено более 1800 лиц). Кроме того, в Исполнительном комитете ведется Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств — членов ШОС (внесено 73 организации)⁸.

В рамках РАТС осуществляется информирование государств — членов ШОС о новых тенденциях в терроризме; формах и методах деятельности террористических и сепаратистских организаций, представляющих угрозу безопасности государств — членов ШОС; о мерах, принимаемых за рубежом, по противодействию терроризму и т. п. В соответствии с решениями Совета РАТС его Исполнительный комитет выпускает ежеквартальные и полугодовые бюллетени «О состоянии, тенденциях развития обстановки, связанной с проявлениями терроризма, сепаратизма и экстремизма в государствах — членах ШОС», которые направляются в компетентные органы этих государств.

На саммите ШОС в июне 2009 г. в Екатеринбурге главами государств была утверждена Конвенция ШОС против терроризма, текст которой является закрытым документом. Однако основные положения данного документа без конкретизации их практического напол-

нения были частично озвучены в средствах массовой информации. Анализируя эту информацию, к этим направлениям можно отнести:

- уточнение понятия терроризма как социально-политического явления;
- определение сферы применения Конвенции и установление пределов ее юрисдикции;
- закрепление нормы о защите суверенитета сторон в ходе проведения антитеррористической деятельности;
- определение примерного перечня внутригосударственных мер по предупреждению терроризма;
- определение перечня деяний, которые могут квалифицироваться как террористические;
- установление видов ответственности юридических лиц в случае их причастности к терроризму;
- разработка правового механизма выдачи лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

В июне 2012 г. президент РФ В.В. Путин выступил с инициативой о реформировании РАТС ШОС и последующем создании на ее базе универсального Центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности, главной задачей которого должно стать комплексное противодействие международному терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности. Советом глав государств — членов ШОС (Уфа, 10 июля 2015 г.) утверждена Программа сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016—2018 гг. По инициативе российской межведомственной делегации 8 апреля 2016 г. Советом РАТС ШОС утвержден Алгоритм совместных действий компетентных органов государств — членов ШОС по противодействию вызовам и угрозам, исходящим от ИГИЛ⁹.

Сотрудничество ШОС с международными организациями в борьбе с терроризмом

Государства ШОС вносят весомый вклад в укрепление международной системы противодействия терроризму. При этом их общая

позиция по этому вопросу базируется на следующих основополагающих принципах:

Во-первых, борьба с терроризмом должна вестись международным сообществом в рамках постоянной координации их усилий по противодействию этим явлениям. ООН и её Совет Безопасности должны играть ведущую роль в глобальной войне с терроризмом, что является путем для разных сторон сохранить единство, добиться эффективной координации и предпринять согласованные действия.

Во-вторых, государства — члены ООН должны придерживаться многостороннего подхода в борьбе с терроризмом. Глобальная война с терроризмом должна вестись с помощью комплексного подхода, который включает в себя меры, принятые в сферах политики, безопасности, финансов и разведки, а также в идеологической области, с целью ликвидации как симптомов, так и причин терроризма, в частности устранения его коренных причин и источника возникновения. Любая военная операция по борьбе с терроризмом должна отвечать Уставу ООН и соответствующим резолюциям СБ ООН.

В-третьих, международное сообщество должно придерживаться согласованного стандарта в глобальной войне с терроризмом. Необходимо решительно бороться с любым террористическим актом, не взирая на то, в какой форме, когда и где он совершен и против кого или чего направлен. Нет двойного стандарта, который может быть применен. И тем более нельзя идентифицировать терроризм как этнический или религиозный¹⁰.

Исходя из вышеизложенных принципов, РАТС активно развивает международные контакты. В 2008 г. утвержден Регламент взаимодействия РАТС с государствами и международными неправительственными организациями, получившими статус наблюдателя при ШОС. В настоящее время установлены контакты и заключены нормативные правовые акты о сотрудничестве РАТС ШОС с Контртеррористическим комитетом СБ ООН, Управлением ООН по наркотикам и преступности, Интерполом, Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, Секретариатом ОДКБ, Антитеррористическим центром государств — участников СНГ, Координационной службой Совета командующих пограничными войсками государств — участников СНГ, Центральноазиатским региональным информацион-

ным координационным центром по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Планируется подписание протокола о сотрудничестве с Секретариатом Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Особо следует отметить развитие сотрудничества ШОС с Организацией Объединенных Наций, закрепленное резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/65/124 от 13 декабря 2010 г. «О сотрудничестве между ООН и ШОС» и A/RES/71/14 от 21 ноября 2016 г. «Сотрудничество между ООН и ШОС», которые призваны способствовать дальнейшему наращиванию взаимодействия между универсальной глобальной и региональной организациями, а также формализации отношений с профильными подразделениями ООН — Исполнительным директором Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН и Управлением ООН по наркотикам и преступности.

В этой связи Исполком РАТС ШОС направил предложения в Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН о проведении совместных мероприятий по укреплению антитеррористического потенциала государств — членов ШОС. Между двумя этими организациями достигнуто взаимопонимание о необходимости практического сотрудничества, в частности достигнута договоренность о проведении семинара по проблемам борьбы с международным терроризмом с участием ведущих экспертов. Это позволит оказать содействие компетентным органам Шанхайской организации сотрудничества в присоединении государств — членов ШОС к универсальным антитеррористическим конвенциям, имплементации Глобальной контртеррористической стратегии ООН, завершению согласования всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Исполком РАТС также планирует установить сотрудничество с Региональным представительством в Центральной Азии Управления ООН по наркотикам и преступлениям в борьбе с наркобизнесом в деле пресечения финансирования терроризма от доходов наркотрафика. В частности, Исполком намерен наладить обмен информацией по совершенствованию законодательства в сфере борьбы с терроризмом, в том числе посредством проведения учебных курсов, участия в научно-практических конференциях и семинарах по изу-

чению международного опыта предупреждения терроризма, экстремизма и сепаратизма. По аналогичным направлениям планируется развивать контакты и с Интерполом¹¹.

Государства ШОС инициировали предметное обсуждение правил поведения государств в информационном пространстве. Еще четыре года назад ими был подготовлен и распространен в ООН проект «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности».

Представителями РАТС проведены рабочие встречи и в Анти-террористическом центре государств — участников СНГ и Секретариате ОДКБ, на которых обсуждены вопросы укрепления механизмов взаимодействия этих организаций, создания «поясов антинаркотической и финансовой безопасности» в регионе.

Регулярно проводится обмен мнениями с представителями Антитеррористического подразделения Секретариата Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по планируемым мероприятиям по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Достигнута договоренность о взаимном приглашении на международные конференции и семинары в этой области. РАТС ШОС и ОБСЕ активизировали сотрудничество в борьбе с экстремизмом в Интернете. Представители исполкома РАТС провели ряд встреч с экспертами ОБСЕ, где обсуждались возможные приоритетные сферы для более тесного сотрудничества в противодействии насильственному экстремизму и радикализации, ведущих к терроризму, в Интернете.

В июне 2015 г. на антитеррористической конференции ОБСЕ в Вене делегация РАТС ШОС предоставила перечень рекомендаций от обмена информацией и различных контактов на уровне экспертов до подготовки регионального соглашения, которые могли бы стать основой для дальнейших дискуссий в ОБСЕ по указанной проблематике.

Исполком также ведет переговоры о налаживании сотрудничества с АСЕАН. 21 апреля 2005 г. в Джакарте был подписан меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН. В документе в качестве приоритетных определены такие области сотрудничества, как борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия, отмыванием денег, незаконной миграцией. Прописаны и

другие возможные сферы взаимодействия: экономика и финансы, энергетика, включая вопросы гидроэнергетики и биотоплива, туризм, окружающая среда и использование природных ресурсов, социальное развитие.

20 мая 2014 г. в Шанхае подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. В Меморандуме было заявлено, что ШОС и СВМДА объединяют совпадающие подходы к фундаментальным проблемам современности — урегулированию региональных конфликтов, укреплению основополагающих режимов нераспространения, поиску совместных ответов на актуальные вызовы, такие как: терроризм, сепаратизм, экстремизм, наркобизнес, транснациональная преступность, незаконная торговля оружием.

Как уже указано выше, Шанхайская организация сотрудничества в лице своего подразделения РАТС ШОС активно взаимодействует с соответствующими органами, действующими в сфере борьбы с международным терроризмом, таких международных организаций, как ООН, ОБСЕ, СНГ, АСЕАН и т. д. Однако следует отметить, что взаимодействие с такой крупной международной организацией, как Лига арабских государств (ЛАГ) в вопросах противостояния терроризму, практически отсутствует.

Причем лидеры крупнейших государств ШОС выражают готовность сотрудничать с этими организациями. Так, президент РФ В.В. Путин заявил, что Россия готова всемерно укреплять взаимодействие с ЛАГ в обеспечении региональной безопасности, прежде всего — в борьбе с угрозой международного терроризма. При этом, как отметил президент, противостояние терроризму должно сочетаться с совместными усилиями, направленными на политическое урегулирование кризисных ситуаций в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и других горячих точках. По его мнению, конструктивная роль ЛАГ особенно востребована на фоне обострения ситуации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки¹².

Более того, в феврале 2017 г. прошло четвертое заседание российско-арабского форума сотрудничества (создан в 2009 г.). Как заявил по итогам встречи министр иностранных дел России С. Лавров, «мы рассмотрели ситуации в регионе, подчеркнули важность даль-

нейшего наращивания эффективности противотеррористической борьбы». Глава российской дипломатии также добавил, что подавление террористической угрозы остается первостепенной задачей всех государств мира, и отметил необходимость продолжить плотную координацию с арабскими странами в борьбе с этой угрозой. Кроме того, он также выразил признательность арабским государствам за поддержку инициативы президента России В. Путина о формировании подлинно универсального антитеррористического фронта¹³.

В настоящее время Лига решительно выступает против экстремизма и терроризма. Вместе с тем руководство ЛАГ осуждает проявления арабофобии и исламофобии на Западе, подчеркивает недопустимость отождествления арабской нации и исламской религии с терроризмом.

Конечно, организовать взаимодействие с ЛАГ и ОИС (Организации исламского сотрудничества) по проблемам борьбы с международным терроризмом не просто. Так, все арабские государства обязались не предоставлять свою территорию для террористических организаций, а также не финансировать террористические организации. Однако в рамках ЛАГ до сих пор не создано специального органа, который бы занимался координацией антитеррористических усилий.

Еще 22 сентября 1999 г. представители Интерпола и министерского совета ЛАГ подписали меморандум о взаимопонимании, в котором обязались обмениваться информацией и осуществлять взаимное сотрудничество в области предотвращения преступлений. Однако до заключения соглашения дело пока не дошло. Что касается непосредственно международных конвенций по борьбе с терроризмом, то ко всем двенадцати документам, принятым ООН, из арабских стран присоединилась только Ливия. Наиболее активно арабские страны присоединяются к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, поскольку финансовая безопасность — основа национальной безопасности этих стран.

22 апреля 1998 г. в рамках Лиги арабских государств главы МВД арабских стран подписали Соглашение о борьбе с терроризмом, подготовка которого велась четыре года. Отличительной особенностью данного документа является особое внимание к тому, что преступлением не является борьба за национальное самоопределение

против государства-оккупанта и агрессия с целью освобождения (в соответствии с международным правом). Таким образом, арабские страны подтвердили единый подход, заключающийся в том, что борьба палестинцев за свои права и создание независимого государства является абсолютно законной и не относится к терроризму¹⁴.

Таким образом, отсутствие органа, координирующего борьбу с международным терроризмом в рамках Лиги арабских государств, а также воздействие арабо-израильского конфликта на формирование понятийного аппарата в сфере борьбы с терроризмом значительно затрудняет организацию взаимодействия РАТС ШОС с ЛАГ при решении проблем борьбы с международным терроризмом. Однако роль и значение Лиги арабских государств в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, непосредственно граничащего с регионом Центральной и Южной Азии, в котором действует ШОС, требует постепенной и кропотливой работы Секретариата и РАТС ШОС по налаживанию связей и взаимодействия с ЛАГ.

Следует также сказать, что организация успешного взаимодействия в борьбе с международным терроризмом между ЛАГ и ШОС не только способствовала повышению эффективности борьбы с этим злом в масштабах всего мирового сообщества, но и могла бы стать прообразом организации взаимодействия в этой сфере с Организацией исламского сотрудничества, некоторые государства-члены которой являются одновременно и государствами-членами ШОС, что могло бы упростить выстраивание отношений.

Примечания

¹ Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 376

² Материалы МИД РФ 2017 г.

³ РИА Новости. 10.07.2015.

⁴ Там же.

⁵ Противодействие терроризму в рамках ШОС. URL: <http://politvektor.ru/>

⁶ URL: <http://www.sectesco.org/>

⁷ *Сысоев Е.С.* РАТС ШОС. Опыт строительства региональной международной организации // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС М.: Весь мир, 2017. С. 167.

⁸ Там же.

⁹ Материалы МИД РФ 2017 г.

¹⁰ Агентства Синьхуа. 22.12.2015.

¹¹ *Сысоев Е.* Европейцы считают РАТС ШОС успешной площадкой противодействия терроризму // ТАСС. 24.06.2016.

¹² Коммерсант.ru. 25.07.2016.

¹³ URL: <https://inforu.news/> (01.02.2017).

¹⁴ *Хлебников А.* Особенности борьбы арабских стран с терроризмом. URL: <http://www.islam.ru/>

*А.С. Евсеенко**

РОССИЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СИРИИ

Рост авторитета Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на международной арене образовал существенные возможности этого объединения влиять на ситуацию в ближневосточном регионе. Этот потенциал особенно актуален в свете сирийского конфликта, несущего угрозу национальной безопасности членам ШОС и стабильности всего Ближнего Востока. Наиболее остро эту опасность среди участников Организации ощутила Россия. Осенью 2015 г. её вооруженные силы начали военную операцию в Сирии. Однако на сегодняшний день конфликт серьёзно трансформировался. Дальнейшее участие России и кооперация стран — участников ШОС в рамках урегулирования вооружённого противостояния в Сирии требуют переоценки содержания конфликта и его потенциала.

Удары по «Исламскому государству» (ИГ), возвращение его к состоянию подпольной террористической группировки требуют переосмысления российских национальных интересов в Сирии. Речь не только о потенциальном возвращении боевиков ИГ в Россию и

* *Евсеенко Андрей Сергеевич*, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исследований внешнеполитического механизма США, Учёный секретарь ИСК РАН.

всплеске террористической активности на территории РФ. Ситуация усугубляется риском столкновения России с региональными державами (Турция, Израиль), а также международной антитеррористической коалицией во главе с США.

Руководство РФ мотивировало начало военной операции в Сирии осенью 2015 г. большим количеством россиян в составе «Исламского государства» и угрозой их возвращения на родину. В начале операции российских воздушно-космических сил (ВКС) число граждан РФ оценивалось в 2400 человек¹. К октябрю 2017 г. их численность оценивалась в 3417 человек². Под контролем ИГ остаётся порядка 10 % территории Сирии. Несмотря на человеческие потери, а также утрату прежних финансовых и пропагандистских возможностей, джихадисты сохраняют потенциал для продолжения террористической активности. Боевики частично растворились по территории Сирии: бежали в район сирийско-иракской границы в пров. Хасака, растворились на территориях провинций Хама и Идлиб³. Часть боевиков находятся в плену у сирийских курдов, часть — вернулись в родные страны⁴.

Завершить разгром остатков ИГ мешает столкновение региональных держав. Они определили свои зоны интересов в Сирии и при необходимости применяют военную силу как напрямую, так и посредством вооружённых группировок внутри Сирии (рис. 1).

7 января 2018 г. войска сирийского президента Б. Асада возобновили наступление против умеренной сирийской оппозиции в провинции Идлиб⁵. Данная активизация стала возможна благодаря разгрому боевиков «Исламского государства» в районе Дэйр-эз-Зора: высвободившиеся части сирийских вооружённых сил были направлены на борьбу с исламистами на севере страны⁶. Это наступление не имеет перспектив военной победы. *Во-первых*, несмотря на помощь со стороны России и Ирана, Сирийская арабская армия (САА) остаётся ограниченно боеспособной и несёт тяжёлые потери в столкновениях с оппозицией⁷. *Во-вторых*, сирийские повстанцы и их лидеры не намерены капитулировать перед вооружёнными силами Дамаска: для них это будет предательством их революции⁸. В случае исчерпания возможностей к сопротивлению исламисты отступят на территорию Турции, где постараются восстановить силы и вернуться в Сирию, невзирая на мнение Анкары. *В-третьих*, возрастает

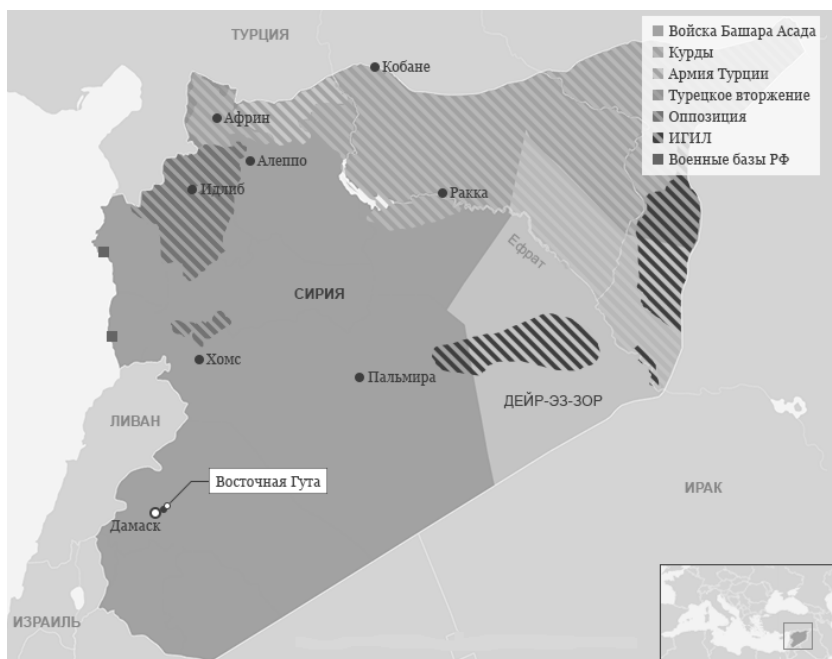

Рис. 1. Зоны влияния вооруженных группировок и военных частей в Сирии.

Источник: URL: https://www.dw.com/image/42679364_7.png

риск прямого военного столкновения САА с турецкими вооружёнными силами. Анкара оказывает поддержку сирийской оппозиции в Идлибе. Речь идёт как о националистических группировках вроде «Свободной сирийской армии», так и об исламистских группировках вроде «Ахрар-аш-Шама»⁹. Они являются для Турции важным инструментом борьбы не только с террористической группировкой «Тахрир-Аш-Шам», но и с курдами в лице «Сирийских демократических сил». Более того, с октября 2017 г. в Идлибе присутствуют и турецкие войска. Эта ситуация грозит перерасти в прямое столкновение между САА и вооружёнными силами Турции. Башар Асад не исключал подобного сценария развития событий, если турецкие силы не покинут Сирию¹⁰. Президент Турции Эрдоган также демонстрировал готовность применить силу: он говорил о

необходимости свержения режима в Дамаске, называл президента Асада террористом и отказывался дать чёткие сроки и рамки турецкого присутствия в Идлибе¹¹.

Идлиб — не единственно возможное место столкновения вооружённых сил Турции и Сирии. 20 января 2018 г. вооружённые силы Турции начали наступление в кантоне Африн сирийской пров. Алеппо. В ходе операции «Оливковая ветвь» президент Эрдоган стремится, прежде всего, пресечь потенциальную угрозу со стороны курдских подразделений, которые он считает террористами. Это наступление рискует перерасти в геноцид местных курдов после заявлений Эрдогана о необходимости «восстановить правильную демографическую ситуацию» в Африне. В ответ на действия турок Башар Асад не только обвинил Турцию в поддержке терроризма, но и обеспечил переброску курдов из северного района г. Алеппо на помощь обороняющимся в Африне¹². Готовность обеих сторон идти на конфронтацию привела к прямым боестолкновениям между турецкой армией и ополченцами 20 февраля¹³. Тем не менее турки добились своего: 18 марта город был взят про-турецкими формированиями «Свободной сирийской армии». Однако президент Турции Эрдоган вновь не дал конкретных контуров этой военной операции, намекнув на возможное продолжение наступления вдоль всей южной границы Турции вплоть до Идлиба¹⁴. Именно этого сценария хотели бы передовые силы турецкого удара по Африну — Свободная сирийская армия. Они рассматривают первоочередным врагом режим Асада и террористов «Тахрир-аш-Шама», а не курдов. Однако они хотели бы сохранить поддержку Турции, поэтому участвуют в создании 30-километровой зоны безопасности у сирийско-турецкой границы.

Подобный замысел ведёт турецкое руководство не только к столкновению с режимом Б. Асада, но и с международной антитеррористической коалицией по борьбе с «Исламским государством». Дело в том, что Анкара потребовала 28 января 2018 г. от лидера этой коалиции, США, вывести свои войска из г. Манбидж на востоке пров. Алеппо и более не оказывать поддержки курдам¹⁵. Последовал категорический отказ со стороны американских военных¹⁶. Их присутствие позволяет не только оказывать поддержку «сирийским демократическим силам» в борьбе с ИГ, но и сдержи-

Рис. 2. Позиции вооружённых сил военных группировок в северо-западной Сирии.

Источник: URL: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/resized/945xH/media/img/5/25/755214824083255.png

вать потенциальный конфликт между протурецкими повстанцами и курдами (рис. 2).

США продолжают рассматривать курдов как главную силу в борьбе с ИГ. На их основе будет создана пограничная структура вооружённых сил, которые станут оплотом в борьбе с джихадистами¹⁷. Непосредственно на эти цели Министерство обороны США выделяет 550 млн долл. из бюджета на 2019 финансовый год¹⁸. Свою приверженность курдам США доказали не только финансовыми вложениями, поставками вооружений, но и дипломатической поддержкой. Визит госсекретаря Р. Тиллерсона в Анкару 16 февраля 2018 г.

привёл к созданию американо-турецкого комитета, в компетенцию которого будет входить поиск решения по конфликту в Манбидже. Международная коалиция также продемонстрировала свою солидарность с курдами. 7 февраля проасадовские силы попытались отбить у курдов нефтезавод в Хишаме (пров. Дэйр-эз-Зор). В результате конвой был разгромлен авиацией коалиции. 5 марта было объявлено об оперативной паузе в кампании против остатков ИГ в Сирии. Представитель коалиции полковник Р. Мэннинг заявил, что это связано с наступлением турок в Африне: несколько сотен бойцов «сирийских демократических сил» устремились туда из Восточной Сирии на помощь местным курдам¹⁹.

Ещё одной точкой столкновения региональных держав стали Центральная и Юго-Западная Сирия. В последней были установлены зоны деэскалации, а 9 июля 2017 г. в провинциях Дераа, Эль-Кунейтра и Эс-Сувейда было объявлено перемирие²⁰. Однако Израиль данное перемирие не признал и не отказался от практики военных ударов по территории Сирии в случае возникновения угрозы своей национальной безопасности. Источником этой угрозы является движение «Хезболла», боевики которого участвуют в гражданской войне в Сирии на стороне Сирийской арабской армии с начала конфликта. Израильтян беспокоит взаимодействие террористов с иранскими силовиками — «Корпусом стражей исламской революции», накопление ими ракетного арсенала и получение доступа к иранских беспилотникам²¹. Поэтому вооружённые силы Израиля в 2012—2017 гг. нанесли более 100 авиаударов по военной инфраструктуре «Хезболлы» в Сирии²². В частности, 7 сентября 2017 г., впервые после объявления перемирия, израильские ВВС ударили по военному объекту в окрестностях г. Масьяф в пров. Хама. По информации «Сирийской обсерватории по правам человека», там находился склад ракет класса «земля—земля»²³.

Осенью 2017 г. между Израилем и Сирией развернулась война в воздухе. 19 сентября и 10 ноября силы ПВО Израиля сбили беспилотные летательные аппараты, запущенные с территории Сирии²⁴. 16 октября, в ответ на попытку обстрела своего самолёта над воздушным пространством Ливана, израильские ВВС нанесли удар по сирийской зенитной батарее ЗРК С-200, расположенной к востоку от Дамаска²⁵. В феврале 2018 г. ситуация на израильско-сирийской

границе вновь обострилась. Военные Израиля перехватили иранский беспилотный летательный аппарат, который вторгся в воздушное пространство страны из Сирии. После этого израильские самолеты нанесли удар по предполагаемым иранским целям на территории соседней страны. При атаке израильские ВВС потеряли истребитель F-16²⁶. В ответ было уничтожено 12 наземных объектов в Сирии, в том числе три зенитных ракетных дивизиона²⁷.

Все перечисленные точки напряжённости грозят прямому столкновению России с местными региональными державами. Прежде всего с Турцией, поскольку Воздушно-космические силы России оказывают поддержку армии Асада в ходе боевых действий в Алеппо и Идлибе. Ещё в ноябре 2015 г. президент Турции Эрдоган продемонстрировал, что он не опасается подобного развития событий — турецкие ВВС сбили российский штурмовик СУ-25. Поводы для нового обострения появляются регулярно. Дроны, атаковавшие 6 января базу российских ВВС Хмеймим и пункт материально-технического обеспечения в порту Тартус, были запущены из турецкой зоны ответственности в пров. Идлиб²⁸. Российский штурмовик СУ-25 был сбит в пров. Идлиб 3 февраля 2018 протурецкой группировкой «Свободной сирийской армии»²⁹. Происхождение ПЗРК, из которого сбили самолёт, не было установлено, однако следует заметить, что Турция обладает лицензией на производство ПЗРК «Стингер» с конца 1980-х годов³⁰. ВКС РФ 9 февраля 2018 г. по ошибке нанесли удар по позициям турецких военных, наступавших на город Эль-Баб в пров. Алеппо.

Есть также риск столкновения с Израилем. Израильцы прежде всего беспокоит боевой опыт, который боевики движения «Хезболла» могут получить при взаимодействии с вооружёнными силами РФ. Речь идёт о навыках ведения боя в ночное время суток, проведения кибер-операций и ведения информационной войны на тактическом уровне³¹. Россия, в свою очередь, негативно отзываясь о помощи Израиля антиасадовским повстанцам в Южной Сирии³². Угроза столкновения только повышается на фоне заявлений руководства Сирии о возможностях России прекратить израильские воздушные удары и готовности ВВС Израиля при необходимости уничтожать ПВО Сирии³³. В ходе совместных учений с США израильские военные отрабатывали сценарии, где «русские создают проблемы»³⁴.

Столкновение вооруженных сил РФ и ведомой США международной антитеррористической коалиции тоже возможно. Ещё в ходе предвыборной кампании Дональд Трамп давал понять, что не опасается военного столкновения с Россией в Сирии³⁵. Риск подобного столкновения возникал дважды. В апреле 2017 г. американские эсминцы нанесли ракетный удар по базе сирийских ВВС Аш-Шайрат в ответ на химическую атаку в провинции Идлиб. Вторым крупным инцидентом стало уничтожение 7 февраля 2018 г. сирийского конвоя, атаковавшего позиции курдов в Хишаме. При этом следует заметить, что США не настроены на эскалацию конфликта с Россией в Сирии. *Во-первых*, Пентагон предупредил российскую сторону об ударе по Аш-Шайрату, и это позволило избежать потерь среди российского персонала базы³⁶. *Во-вторых*, Дональд Трамп ограничился ударом по одной базе сирийских ВВС, хотя военные предлагали ему вариант с уничтожением нескольких военно-воздушных баз, а также «обезглавливающий» удар по президентскому дворцу Б. Асада³⁷. *В-третьих*, американское военное командование отказалось комментировать неофициальные данные о присутствии в сирийском конвое, уничтоженном в феврале 2018 г. под Хишамом, российских военных подразделов³⁸.

Из этого следует, что России необходимо скорректировать вектор своей сирийской политики. В противном случае ей грозят втягивание в новый, ещё более масштабный конфликт, новые потери среди военного персонала и утрата своих позиций. Чтобы этого избежать, нужна «стратегия выхода» из сирийского конфликта. Она позволила бы положить конец семилетней гражданской войне в Сирии, сохранить военную базу Хмеймим и пункт материально-технического обеспечения в Тартусе без потери репутации на международной арене.

Однако руководство РФ в течение последних четырёх лет демонстрировало отсутствие стратегического подхода в сирийской политике. В октябре 2014 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» президент РФ В. Путин представил «Исламское государство» как результат деятельности США по борьбе с неудобным им режимом Башара Асада³⁹. Однако в ходе пресс-конференции в декабре 2015 г. прозвучали совсем иные причины появления ИГ. Теперь президент России рассматривал террористическую орга-

низацию как созданный Турцией инструмент для борьбы за нефтяные ресурсы Ближнего Востока⁴⁰.

Методы борьбы с «Исламским государством», их целесообразность видоизменялись дважды в течение 2015 г. Первоначально, в апреле, в ходе «Прямой линии» президент Путин заявил, что прямой угрозы России со стороны ИГ нет. В качестве способа борьбы с возвращением джихадистов в РФ указывалось сотрудничество спецслужб стран СНГ⁴¹. Тем не менее через пять месяцев президент РФ сообщил о необходимости помогать государственным структурам Сирии, чтобы избежать разрушения сирийской государственности и создания вакуума силы, который неизбежно станут заполнять террористы. Поддержка, по словам президента, должна была заключаться в «поставках оружия сирийскому правительству, подготовке персонала и оказании гуманитарной помощи сирийскому народу»⁴². На вопрос о нанесении воздушных ударов и участии российских военных в боевых действиях в Сирии президент ответил отрицательно. Однако уже через месяц, в октябре 2015 г., заявил о том, что российские военные будут наносить по террористам «упреждающие удары»⁴³.

Взгляд российского руководства на характер военного конфликта в Сирии также противоречив. В интервью телеканалу Си-Би-Эс в сентябре 2015 г. президент Путин заявил, что «сирийская оппозиция» — это лишь интерпретация «некоторых наших международных партнёров», а на самом деле войска Асада противостоят террористам⁴⁴. И буквально в том же интервью он сказал о существовании некой «здоровой оппозиции», с которой необходимо обсуждать политическое урегулирование в Сирии. Ситуация повторилась и в ходе выступления президента России на заседании Валдайского форума в октябре 2015 г. Он сначала назвал попытку выделить умеренную оппозицию «игрой в слова», а затем упомянул «различные оппозиционные группы», с которыми необходимо объединяться в борьбе с террористами⁴⁵. Подобные противоречия характерны не только для президента, но и для государственных ведомств. В апреле 2016 г. глава МИД РФ Сергей Лавров назвал группировки «Ах-рар-аш-Шам» и «Джейш-аль-ислам» террористическими и разделяющими взгляды ИГ⁴⁶. А в декабре 2016 г. Министерство обороны РФ отнесла эти группы к умеренной оппозиции⁴⁷.

Подобные противоречия и непоследовательность поможет устранить именно стратегия. Она должна основываться на примате интересов дипломатов, а не военных. Исходя из этого, недопустимы одновременные авиаудары по умеренной сирийской оппозиции и попытки переговоров с ней. Именно отказ остановить наступление в Идлибе и удары по Восточной Гуте привели к срыву переговоров в Сочи⁴⁸. Более того, решение российских военных покинуть район Африна и не препятствовать турецкому наступлению вызвало резко негативную реакцию курдов и обвинения России в предательстве⁴⁹. В результате, курды бойкотировали инициированный Россией «Сирийский конгресс национального диалога», соглашения о зонах деэскалации были, по сути, девальвированы, а недоверие к России и её дипломатическим инициативам укрепились⁵⁰.

Для того чтобы вернуть доверие оппозиции и возобновить процесс политического урегулирования, необходимо поставить на повестку дня вопрос об уходе Башара Асада с президентского поста. За основу должен быть взят трёхступенчатый план, выработанный «Высшим переговорным советом» в сентябре 2016 г.⁵¹ *Первый этап*, который берёт своё начало со всеобъемлющего прекращения огня на всей территории Сирии, состоит в шестимесячном переговорном процессе по формированию временного правительства. Главный вызов на данном этапе: интегрировать в этот переходный орган представителей сирийских эмигрантов, «Высшего переговорного совета» и существующего в Идлибе «сирийского временного правительства», представителей 37 повстанческих группировок. В рамках данного периода под эгидой ООН формируется миссия по поддержанию перемирия (по образцу той, что существовала в апреле—августе 2012 г.) и формируются международные силы для наблюдения за режимом прекращения огня. Завершается данный этап передачей всей полноты власти в Сирии временному переходному органу.

Второй этап представляет собой 18-месячный процесс создания новой сирийской конституции и выработки избирательного законодательства сирийским временным правительством. На данном этапе важно избежать широкой люстрации, особенно среди алавитской общины Сирии. Отрицательным примером служит дебаасификация в Ираке 2003—2008 гг. и исключение из политики 20 тыс. человек. Повторение подобной ошибки, желание дискриминировать правящее

меньшинство создадут источник нестабильности на долгие годы. Также на данном этапе необходимо создание военного совета из представителей Сирийской арабской армии, а также ключевых повстанческих группировок («Свободная сирийская армия», «Южный Фронт», «Ашрар-аш-Шам», «Джейш-аль-ислам»). Создание подобного совета позволит не только укрепить режим прекращения огня, но и провести отделение повстанцев от террористов. При отсутствии общего врага в лице Асада, у отрядов оппозиции нет необходимости блокироваться с террористами «Тахрир-аш-Шама» (преемники организации «Джабхат-ан-Нусра»). Их сотрудничество носит местный, тактический характер и крайне неустойчиво. Столкновения между умеренными исламистами и джихадистами происходят регулярно⁵².

Третий этап начинается после проведения местных, парламентских и президентских выборов. В основе выборного процесса должен лежать метод Сент-Лагю⁵³. Он успешно зарекомендовала себя в ходе региональных выборов в Ираке в 2013 г. Этот подход позволит многим мелким партиям получить представительства как в региональных собраниях, так и в федеральном парламенте. Это особенно важно в контексте будущего алавитской общины и иранских интересов в послевоенной Сирии. Тегеран теряет своего регионального союзника после ухода Асада из власти. Однако гарантии присутствия во власти алавитов, вместе с гарантиями безопасности Б. Асаду и его семье, которые должны взять на себя Россия и Иран, передача пров. Латакия в сферу ответственности Москвы и Тегерана могут склонить иранцев к принятию переходного процесса и участия в нём.

Тем не менее риск столкновения с Ираном, саботажа им процесса мирного урегулирования существует. Применительно к России он заключается в том, что проиранские шиитские ополченцы охраняют российскую базу ВВС Хмеймим и пункт материально-технического обслуживания в Тартусе⁵⁴. Однако, помимо Сирии, Иран ведёт ещё три «войны по доверенности»: с «Исламским государством» и американским присутствием в Афганистане, с силами саудовской коалиции в Йемене и, до недавнего времени, с «Исламским государством» в Ираке⁵⁵. Эти конфликты стоят Ирану людских и финансовых потерь. Антивоенные лозунги в ходе протестов в Иране в декабре 2017 г. продемонстрировали, что военные инициативы Тегерана не пользуются большой популярностью среди иранцев. Поэто-

му Иран можно заинтересовать дипломатическим урегулированием сирийского конфликта. Для этого необходимо соблюдение баланса интересов сирийских общин в новом правительстве, прежде всего алавитской общины. Это позволит избежать перекоса во внешней политике и докажет Тегерану, что новые сирийские власти не будут занимать жёсткую антииранскую позицию. Сирия не занимает столь важного места во внешней политике Ирана, какое занимает Ирак. Поэтому ровные отношения Дамаска со всеми странами региона позволяют компенсировать Тегерану потерю многолетнего союзника и сохранить Иран в качестве одного из участников миротворческого процесса в Сирии.

Ещё одним инструментом согласования интересов должна стать федерализация страны. В новую сирийскую конституцию следует заложить принцип «ассиметричного федерализма». Усиление центральной власти не погасит вражду между сирийскими общинами. Ни сунниты, ни алавиты, ни курды не в состоянии представлять интересы всех сирийцев. Поэтому необходимо передавать полномочия регионам. Например, в таких сферах, как политика в области образования, жилищное строительство, трудовое законодательство, экология, таможенная политика. Вопросы внутреннего правопорядка также должны быть переданы в ведение провинциальных властей. Центральное правительство могло бы выделять долю федерального бюджета регионам, пропорционально демографическим показателям, для содержания местных сил безопасности. Вопросы отражения внешней угрозы должны оставаться в ведении Дамаска. Для предотвращения произвола со стороны федерального центра необходимо передать полномочия по ведению военных операций в компетенцию министра обороны. Его будет назначать президент страны. Назначения начальника штаба сухопутных сил, командиров соединений, директора разведывательной службы должны осуществляться только при одобрении сирийского парламента. Подобный механизм сдержек и противовесов не позволит использовать армию и спецслужбы как средство политической борьбы, как это делал Башар Асад.

«Ассиметричность» же заключается в особом статусе курдского региона. Необходимо предоставить сирийским курдам автономию. *Во-первых*, такой шаг вернёт доверие к России со стороны курдов, станет признанием их заслуг в борьбе с «Исламским государством».

Во-вторых, найдет отклик со стороны США, которые делают ставку на курдов в борьбе с джихадистами в Сирии. *В-третьих*, отмеченный в конституции «особый статус» курдского региона позволит центральному правительству в Дамаске договариваться с остальными провинциями Сирии о степени их автономии, не опасаясь распада государства.

Такой шаг способен вызвать негативную реакцию со стороны Турции, которая опасается превращения Северной Сирии в базу террористов «Рабочей партии Курдистана». Поэтому от США требуется взять «сирийский Курдистан» в свою зону ответственности и гарантировать Турции, своему союзнику по НАТО, защиту от рейдов боевиков РПК на её территорию. Анкара, в свою очередь, должна получить в зону ответственности территории пров. Идлиб, северную часть пров. Алеппо и гарантировать режим прекращения огня со стороны сирийских исламистов. На юге, в провинциях Дераа, Эль-Кунейтра и Эс-Сувейда, свою зону ответственности должна получить Иордания. Это позволит не только наладить поставки гуманитарной помощи в Южную Сирию, но и предотвратить возможные акции боевиков «Хезболлы» на Голанских высотах⁵⁶. Новый всплеск ирано-израильского противостояния не нужен ни России, ни США, ни Иордании.

Окончанием третьего этапа могло бы быть создание новой структуры сирийских вооружённых сил. Этот процесс предполагает в том числе интеграцию повстанцев в новую систему национальной безопасности. Речь идёт не только об отрядах умеренной оппозиции (приблизительная численность — 80—100 тыс. человек), но и о шиитских повстанцах, воевавших на стороне режима Б. Асада (приблизительная численность — 150 тыс. человек)⁵⁷. Необходимо избежать повторения иракских ошибок при создании новой сирийской армии и сохранить в её составе офицеров армии Асада, не замешанных в военных преступлениях. Их лояльность нынешнему режиму не стоит преувеличивать⁵⁸. Преследование и наказание командиров Сирийской арабской армии, подозреваемых в совершении преступлений, должно происходить исключительно в судебном порядке. Нельзя допустить превращения этого процесса в политическую кампанию по люстрации. В противном случае не избежать появления нового источника нестабильности в лице дискриминированных во-

еннослужащих, потенциальных участников террористических организаций.

Поскольку территориальный и религиозный фактор достаточно сильны как среди оппозиции, так и среди сирийских военнослужащих, новая структура сирийских вооружённых сил должна представлять собой систему территориальных командований, включающих в себя как части регулярной армии, так и повстанческие подразделения⁵⁹. Однако интеграция не заключается в простом переподчинении повстанцев военному уставу и присвоении этим формированиям номеров вместо названий. Необходимо неукоснительно выполнять социальные обязательства, такие как выплата зарплат, пенсий, гарантии предоставления жилья и оказания медицинской помощи. Именно материальный стимул является основным при вербовке в боевики, а не религиозная солидарность или защита шиитских святынь. У соседнего Ирака уже был неудачный опыт интеграции повстанцев в ряды вооружённых сил. Предыдущий иракский премьер-министр Нури аль-Малики отказался включать суннитских ополченцев в состав иракской армии и гарантировать им ежемесячный заработок в 300 долл. Это привело к переходу многих повстанцев из суннитского ополчения «Сыновья Ирака» на сторону террористов.

Однако данный процесс урегулирования сирийского конфликта затруднён тем, что Б. Асад не намерен идти на уступки оппозиции и готов бороться с ней до победного конца. Ещё более усложняет ситуацию то обстоятельство, что союзники Дамаска не оказывают давления на сирийского президента в плане переговоров с оппозицией⁶⁰. При этом следует заметить, что данный процесс соответствует российским интересам, поскольку позволяет избежать дополнительных человеческих, финансовых и репутационных потерь.

Нельзя с уверенностью сказать, что сирийское урегулирование станет отправной точкой к механизму сотрудничества с США в борьбе с террористами ИГ и шагом к «потеплению» отношений между двумя державами. Приход Майкла Помпео на должность государственного секретаря, Джона Болтона — на должность советника по национальной безопасности (оба — сторонники конфронтации с Кремлём) осложняет перспективы российско-американских отношений. Однако начать многосторонний дипломатический процесс

и, таким образом, избежать прямого военного столкновения в Сирии надо попытаться.

Применительно к Шанхайской организации сотрудничества ситуация иная. Сирийское урегулирование может способствовать укреплению и углублению сотрудничества между странами — участниками Организации. *Во-первых*, путём обмена разведывательной информацией. ШОС стоит организовать канал обмена разведанными с «Сирийскими демократическими силами» и «Свободной сирийской армией» по линии Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Предметом должна стать информация о пленённых боевиках «Исламского государства» и группировки «Тахрир-Аш-Шам», путях их проникновения в Сирию, мотивах участия в террористических организациях и способах вербовки в ряды боевиков. Данный шаг может помочь вернуть доверие со стороны курдов и умеренной оппозиции за счёт признания их субъектности и заслуг в борьбе с терроризмом со стороны влиятельной международной организации.

Во-вторых, исходя из полученных данных о «террористическом интернационале» в Сирии, странам — участникам ШОС необходимо переосмыслить свою политику в сфере безопасности границ. Речь могла бы идти о создании международных пограничных сил по линии Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Примером подобной структуры служит организация «Международные силы и наблюдатели» (*Multinational Forces & Observers*), в которой участвует 12 государств, действующая на египетско-израильской границе. Подобная инициатива несёт за собой колоссальный объём организационных трудностей, которые включают в себя разную структуру, уровень подготовки и экипировки вооружённых сил стран — участников ШОС. Однако их необходимо преодолеть, учитывая ограниченные возможности пограничников отдельных стран⁶¹. В противном случае Северный Афганистан (в частности, провинции Джаузджан и Кундуз) рискует превратиться в базу для атак террористов по территориям Туркмении, Таджикистана и Узбекистана. Именно Афганистан становится местом притяжения джихадистов из ИГ, желающих продолжать воевать уже за пределами Сирии и Ирака⁶² (рис. 3).

В-третьих, полученная развединформация должна быть использована для выработки контрпропагандистской стратегии.

Рис. 3. Позиции правительственных сил и террористических группировок в Афганистане. *Источник:* URL: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/resized/945xH/media/img/8/87/755221713110878.png

К данной работе необходимо привлечь учёных-исламоведов, а также представителей исламского духовенства. Искажение норм ислама является отправной точкой в пропаганде «Исламского государства». Однако религиозный фактор не является единственным в вопросе мотивации боевиков. Они склонны присоединяться к джихадистам из-за низкого уровня жизни, недоверия к государственной власти и множества других индивидуальных причин⁶³. Поэтому стоит рассмотреть вопрос о привлечении к выработке контрпропагандистской стратегии бывших боевиков ИГ. Среди тех, кто вернулся из Сирии и Ирака, достаточно людей, раскаившихся в содеянном и желающих получить общественное прощение⁶⁴. Их разочарование в идеях, пропагандируемых террористами, и пережитые ужасы войны могут стать достаточно ценным источником информации. Подобная стратегия могла бы быть востребована не только в борьбе с пропагандой «Исламского государства», но и в противостоянии с другими

террористическими группировками Ближнего Востока и Средней Азии.

Можно сделать вывод, что сирийский конфликт надолго и устойчиво приобрёл международный характер. Его продолжение способно нанести ущерб не только интересам России, но и национальной безопасности других стран — участников ШОС. Однако совместная работа по его урегулированию может не только укрепить потенциал сотрудничества между членами Шанхайской организации сотрудничества, но и открыть новые возможности по международной кооперации стран Ближнего Востока и Средней Азии в сфере безопасности.

Примечания

¹ ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ // Информационное агентство ТАСС [сетевой ресурс]. 18.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2272750> (дата обращения: 10.03.2018).

² Захаркин С. Почему большинство наемников, воюющих в ИГИЛ — россияне // Информационное агентство URA.RU [сетевой ресурс]. 26.10.2017. URL: <https://ura.news/articles/1036272755> (дата обращения: 10.03.2018).

³ Lister T. The latest Syria offensives are providing a window of opportunity for ISIS // The CNN. 09.02.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/02/09/middleeast/syria-isis-opportunity-intl/index.html> (дата обращения: 10.03.2018).

⁴ Schmitt E. Thousands of ISIS Fighters Flee in Syria, Many to Fight Another Day // The New York Times. 4.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/04/world/middleeast/isis-syria-al-qaeda.html> (дата обращения: 11.03.2018); В Сирии обнаружили угрозу возрождения ИГ // Интернет-газета «Лента.ру» [сетевой ресурс]. 24.02.2018. URL: https://lenta.ru/news/2018/02/24/isis_reunion/ (дата обращения: 11.03.2018).

⁵ Минобороны заявило об окружении в Идлибе крупной банды «Джабхат ан-Нусры» // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 21.01.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2018/5a6423489a794736b1548d39> (дата обращения: 11.03.2018).

⁶ Никольский А. Турция недовольна сирийским наступлением в Идлибе // Ведомости. 10.01.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/01/11/747413-turtsiya-siriiskim-nastupleniem> (дата обращения: 11.03.2018).

⁷ *Мардасов А., Семёнов К.* Армия и спецслужбы Б. Асада: феодализация или структуризация // Российский совет по международным делам: информационно-аналитический портал [сетевой ресурс]. 6.03.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armiya-i-spetssluzhby-b-asada-feodalizatsiya-ili-strukturizatsiya/?bx_sender_conversion_id=36689 (дата обращения: 18.03.2018).

⁸ *Giglio M.* Russia Is Recruiting The U.S.'s Rebel Allies In Syria // The BuzzFeedNews. 10.06.2016. URL: https://www.buzzfeed.com/mikegiglio/russia-is-recruiting-the-uss-rebel-allies-in-syria?utm_term=.xmDWj7WbW#.ra4gOAg1g (дата обращения: 11.03.2018).

⁹ *Osseiran H.* Turkey's Operation in Idlib May Not Bring All-Out War With al-Qaida // The News Deeply. 10.10.2017. URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/community/2017/10/10/turkeys-operation-in-idlib-may-not-bring-all-out-war-with-al-qaida> (дата обращения: 12.03.2018).

¹⁰ Асад не видит разницы между вторжением США и Турции и действиями боевиков // МИА «Россия сегодня» [сетевой ресурс]. 21.04.2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170421/1492787456.html> (дата обращения: 12.03.2018)

¹¹ Эрдоган объяснил операцию в Сирии необходимостью «свергнуть Асада» // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 29.11.2016. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/11/2016/583dbd91a7947332ead3735> (дата обращения: 12.03.2018); Эрдоган назвал Асада террористом // Интернет-газета «Лента.ру» [сетевой ресурс]. 27.12.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/27/erdoganacus ed/> (дата обращения: 12.03.2018).

¹² Асад обвинил Турцию в поддержке терроризма // Ведомости. 21.01.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/01/21/748449-turtsii-afrin> (дата обращения: 12.03.2018).

¹³ *Yackley A.J.* Turkey shells pro-Assad militias entering Afrin to aid Kurdish rebels // The Al-Monitor. 20.02.2018. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/02/turkey-shells-pro-assad-militias-afrin-kurdish-rebels-syria.html> (дата обращения: 13.03.2018).

¹⁴ Эрдоган собрался дойти до Идлиба // Интернет-газета «Лента.ру» [сетевой ресурс]. 27.01.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/01/27/pognali/> (дата обращения: 13.03.2018).

¹⁵ Turkey urges US to withdraw from Syria's Manbij // Al Jazeera. 28.01.2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/01/turkey-urges-withdraw-syria-manbij-180128055728720.html> (дата обращения: 13.03.2018).

¹⁶ *McKirdy E.* US general: US troops won't withdraw from Syrian city of Manbij // The CNN Politics. 29.01.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/01/29/politics/general-votel-syria-manbij-commitment-intl/index.html> (дата обращения: 13.03.2018).

¹⁷ US ups border training in Syria to prevent IS resurgence // The ABC News. 22.12.2017. URL: <http://abcnews.go.com/amp/International/wireStory/us-ups-border-training-syria-prevent-resurgence-51957257> (дата обращения: 6.03.2018).

¹⁸ Pentagon allocates \$550 million to SDF // The Ahval News. 12.02.2018. URL: <https://ahvalnews.com/sdf/pentagon-allocates-550-million-sdf> (дата обращения: 10.03.2018).

¹⁹ Syria Situation Report: February 21 — March 6, 2018 // The Institute for the Study of War. 9.03.2018. URL: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Syria%20SITREP%20Map%2021%20FEB%20-%2006%20MAR_2.pdf (дата обращения: 12.03.2018).

²⁰ Россия, Турция и Иран подписали меморандум о создании зон деэскалации в Сирии // Информационный интернет-сайт «NEWSru.com» [сетевой ресурс]. 04.05.2017. URL: <https://www.newsru.com/world/04may2017/zones.html> (дата обращения: 06.03.2017).

²¹ *Opall-Rome B.* Russian Influence on Hezbollah Raises Red Flag in Israel // The Defense News. 06.11.2016. URL: <https://www.defensenews.com/global/mideast-africa/2016/11/07/russian-influence-on-hezbollah-raises-red-flag-in-israel/> (дата обращения: 9.03.2018).

²² *Harel A.* Israel Struck Syrian and Hezbollah Arms Convoys Nearly 100 Times in Five Years, Top General Says // The Haaretz. 17.08.2017. URL: <https://www.haaretz.com/middle-east-news/israel-struck-syrian-hezbollah-convoys-nearly-100-times-in-5-years-1.5443378> (дата обращения: 13.03.2018).

²³ Syrian war monitor says strikes hit military science center // The Reuters. 7.09.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-strike/syrian-war-monitor-says-strikes-hit-military-science-center-idUSKCN1BI0PS> (дата обращения: 10.03.2017).

²⁴ Израиль сбил беспилотник российского производства // Информационный интернет-сайт «NEWSru.com» [сетевой ресурс]. 11.11.2017. URL: <http://www.newsru.com/world/11nov2017/bplaisra.html> (дата обращения: 14.03.2018).

²⁵ Израильские ВВС уничтожили зенитную батарею к востоку от Дамаска // Информационный интернет-сайт «NEWSruIsrael» [сетевой ресурс]. 16.10.2017. URL: http://newsru.co.il/israel/16oct2017/israel_sy_110.html

²⁶ Израиль атаковал иранские объекты в Сирии после проникновения на свою территорию беспилотника. Сбит израильский истребитель // Информационный интернет-сайт «NEWSru.com» [сетевой ресурс]. 10.02.2018. URL: http://www.newsru.com/world/10feb2018/israel_syria.html (дата обращения: 14.03.2018).

²⁷ Нетаньяху обсудил с Путиным и Тиллерсоном «возмездие» Израиля в Сирии // Информационный интернет-сайт «NEWSru.com» [сетевой ресурс].

10.02.2018. URL: <http://www.newsru.com/world/10feb2018/netanyahu.html> (дата обращения: 14.03.2018).

²⁸ Минобороны установило источник атаки дронов на базу Хмеймим // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 10.01.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2018/5a556a719a7947d8a3091f4c> (дата обращения: 9.03.2018).

²⁹ Сбитый «Гроч»: кто и зачем сбил российский Су-25 в Сирии // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 04.02.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2018/5a7610cc9a79470314bdef69> (дата обращения: 9.03.2018).

³⁰ Stingers for Egypt and Turkey // The Defense Industry Daily. 6.10.2011. URL: <https://www.defenseindustrydaily.com/Stingers-for-Egypt-and-Turkey-2011-07133/> (дата обращения: 14.03.2018); *Lake J. Rocketing upwards...* // The Arabian Aerospace: Online News Service. 04.11.2016. URL: <http://www.arabianaerospace.aero/rocketing-upwards-.html> (дата обращения: 14.03.2018).

³¹ *Yadlin A., Valensi C.* Russia's Involvement in Syria: A Strategic Opportunity for Israel // The INSS Insight. No. 755.20.10. 2015. URL: <http://www.inss.org.il/publication/russias-involvement-in-syria-a-strategic-opportunity-for-israel/> (дата обращения: 10.03.2018).

³² Израиль заверил Россию, что оказывает противникам Асада исключительно гуманитарную помощь // Информационный интернет-сайт «NEWSru.com» [сетевой ресурс]. 14.12.2017. URL: http://www.newsru.com/world/14dec2017/israel_syria.html (дата обращения: 05.03.2018).

³³ Асад рассказал о надежде на российскую защиту от атак Израиля // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 20.03.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/03/2017/58d01bc39a794725d10fead2> (дата обращения: 10.03.2018).

³⁴ Израиль провел совместные военные учения с США, отработав сценарий противостояния с Россией в Сирии // Информационный интернет-сайт «NEWSru.com» [сетевой ресурс]. 16.03.2018. URL: <http://www.newsru.com/world/16mar2018/cobraisrael2018.html> (дата обращения: 22.03.2018).

³⁵ *Sharkov D.* Trump Says U.S. Should Shoot Russian Planes if Diplomacy Fails // The Newsweek. 03.05.2016. URL: <http://www.newsweek.com/trump-says-us-should-shoot-russian-planes-if-putin-calls-fail-454902> (дата обращения: 15.03.2018).

³⁶ Во время удара США на сирийской базе находились российские военные // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 7.04.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2017/58e77ca69a7947963c735d1f> (дата обращения: 16.03.2018).

³⁷ Trump Rejected More Aggressive Military Options against Syria // The Newsweek. 8.04.2017. URL: <http://www.newsweek.com/trump-reviewed-aggressive-military-options-syria-580956> (дата обращения: 16.03.2018).

³⁸ Scores of Russian mercenaries reportedly killed by US airstrikes in Syria // The Guardian. 13.02.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/13/russian-mercenaries-killed-us-airstrikes-syria>

³⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» [электронный ресурс]. 24.10.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴⁰ Полный текст речи Владимира Путина на ежегодной пресс-конференции // RussiaToday. 17.12.2015. URL: <https://russian.rt.com/article/137329> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴¹ Прямая линия с Владимиром Путиным // Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» [электронный ресурс]. 16.04.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49261> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴² Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS // Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» [электронный ресурс]. 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» [электронный ресурс]. 22.10.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴⁴ Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS // Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» [электронный ресурс]. 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» [электронный ресурс]. 22.10.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴⁶ Лавров: «Джейш аль-Ислам» и «Ахрараш-Шам» разделяют взгляды ИГ // МИА «Россия сегодня» [сетевой ресурс]. 22.04.2016. URL: https://ria.ru/syria_chronicle/20160422/1417028675.html (дата обращения: 20.03.2018).

⁴⁷ Минобороны назвало присоединившиеся к перемирию в Сирии группировки // Информационное агентство «РБК» [сетевой ресурс]. 29.12.2016. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/58651fcf9a7947c58fb1108c> (дата обращения: 21.03.2018).

⁴⁸ *Murphy F.* Syrian opposition says will boycott Russia-brokered peace talks in Sochi // The Reuters. 27.01. 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-un/syrian-opposition-says-will-boycott-russia-brokered-peace-talks-in-sochi-idUSKBN1FG022> (дата обращения: 20.03.2018); Syria opposition missing from Russia's Sochi talks // Al Jazeera. 30.01.2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/01/syria-opposition-missing-russia-sochi-talks-180130084154156.html> (дата обращения: 20.03.2018).

⁴⁹ Курды обвинили Россию в предательстве // Интернет-газета «Лента.ру» [сетевой ресурс]. 22.01.2018. URL: https://lenta.ru/news/2018/01/22/russia_predatel/ (дата обращения: 23.03.2018).

⁵⁰ *Giglio M.* Op.cit.; MoubayedS. In Syrian opposition's view, Sochi is a non-starter // The Gulf News. 28.01.2018. URL: <http://gulfnews.com/news/mena/syria/in-syrian-opposition-s-view-sochi-is-a-non-starter-1.2164150> (дата обращения: 14.03.2018).

⁵¹ HNC's vision of political solution in Syria // The Orient News. 07.09.2016. URL: http://orient-news.net/en/news_show/122369/0/HNCs-vision-of-political-solution-in-Syria (дата обращения: 23.03.2018).

⁵² Syria Situation Report: February 21 — March 6, 2018 // The Institute for the Study of War. 9.03.2018. URL: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Syria%20SITREP%20Map%2021%20FEB%20-%2006%20MAR_2.pdf (12.03.2018).

⁵³ Суть метода — в распределении мест в парламенте пропорционально отданным голосам, нивелируя преимущество крупных партий. Оно осуществляется по формуле $V: (2S + 1)$, где V — общее число голосов, отданных за партию, а S — количество мест, полученных партией к данному шагу. В первом раунде подсчёта изначальный коэффициент «1». В каждом следующем раунде он увеличивается исходя из числа гарантированных мест в парламенте.

⁵⁴ *Kagan F.* Trump shouldn't trust Putin on Syria — or anything else // The Fox News. 18.12.2017. URL: <http://www.foxnews.com/opinion/2017/12/18/trump-shouldnt-trust-putin-on-syria-or-anything-else.html> (дата обращения: 24.03.2018).

⁵⁵ *Dai H.* Analysis: Iran's game plan in Afghanistan // AlArabiya. 17.01.2017. URL: <http://english.alarabiya.net/en/features/2017/01/17/Analysis-Iran-s-game-plan-in-Afghanistan.htm> (дата обращения: 24.03.2018); *Saul J., Hafezi P., Georgy M.* Exclusive: Iran steps up support for Houthis in Yemen's war — sources // The Reuters. 21.03.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-iran-houthis/exclusive-iran-steps-up-support-for-houthis-in-yemens-war-sources-idUSKBN16S22R> (дата обращения: 24.03.2018).

⁵⁶ *Al Sharif O.* Jordan fears collapse of de-escalation zone in southwest Syria // Al-Monitor. 15.03.2018. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/03/jordan-fear-collapse-safe-zones-southern-syria-close-border.html> (дата обращения: 19.03.2018).

⁵⁷ Written Testimony of Charles Lister Senior Fellow, Middle East Institute // The United States House Committee on Foreign Affairs. 27.04.2017. URL: <http://docs.house.gov/meetings/FA/FA00/20170427/105890/HHRG-115-FA00-Wstate-ListerC-20170427.pdf> (дата обращения: 21.03.2018).

⁵⁸ *Мардасов А., Семёнов К.* Армия и спецслужбы Б. Асада: феодализация или структуризация // Российский совет по международным делам: информационно-аналитический портал [сетевой ресурс]. 06.03.2018. URL: <http://russiancounc>

il.ru/analytics-and-comments/analytics/armiya-i-spetssluzhby-b-asada-feodalizatsiya-ili-strukturizatsiya/?bx_sender_conversion_id=36689 (дата обращения: 18.03.2018).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Ossei N.* Syria opposition sets out political vision // The Financial Times. 7.09.2016. URL: <https://www.ft.com/content/37b90fec-74fc-11e6-bf48-b372cdb1043a> (дата обращения: 14.03.2018).

⁶¹ *Мехтиев А.* Брешь в ОДКБ: боевики ИГИЛ готовят атаку на Туркмению и Узбекистан // Информационное агентство «ПРАВДА.Ру». 21.06.2017. URL: <https://www.pravda.ru/world/21-06-2017/1339070-mekhtiev-0/> (дата обращения: 23.03.2018); ИГ создают угрозу для парламентских выборов в Афганистане, заявили в МИД // МИА «Россия сегодня» [сетевой ресурс]. 14.03.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180314/1516309428.html> (дата обращения: 21.03.2018); *Younas A.* ISIS defeat and challenges for Central Asia: What should we expect? // The Foreign Policy News. 26.11.2017. URL: <http://foreignpolicynews.org/2017/11/26/isis-defeat-challenges-central-asia-expect/> (дата обращения: 23.03.2018).

⁶² *Kanunnikova T.* As ISIS fighters return, Central Asia braces for attacks // The Asia Times. 04.02.2018. URL: <http://www.atimes.com/prevent-looming-nightmare-central-asia/> (дата обращения: 22.03.2018).

⁶³ *Gohel S.* How Uzbekistan Became Ripe Recruiting Territory for ISIS // The CNN News. 1.11.2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/11/01/opinions/uzbekistan-isis-recruiting/index.html> (дата обращения: 22.03.2018); *Ross E.* Why Extremist Groups Are Gaining Strength in Central Asia // The Newsweek. 4.12.2017. URL: <http://www.newsweek.com/where-are-central-asia-extremism-578989> (дата обращения: 22.03.2018).

⁶⁴ *Kanunnikova T.* Op. cit.

А.Ф. Клименко *

РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ: ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Известный германский политолог А. Рар в интервью изданию «Собеседник» как-то сказал, что Запад хотел устроить свой миропорядок, не ожидая изменений правил игры со стороны возрождающих свою мощь России, Китая и Индии¹. Но в Вашингтоне не ожидали, что эти страны могут поменять игру, и теперь находятся в недоумении, поскольку США стали терять один регион влияния за другим.

Сегодня мы видим усиление геополитического противоборства вокруг Евразийского материка. В связи с ростом потребления природных ресурсов восточная часть этого материка, особенно Центральная Азия, Сибирь и Ближний Восток, где сосредоточены основные их запасы, становится главным притягательным субъектом мировой политики. И вполне понятно усиление активности США на евразийском пространстве, их стремление к установлению двусторонних отношений с некоторыми странами, входящими в ШОС, ОДКБ, а также государствами, имеющими неразрешённые противоречия с Россией и Китаем, ведущими участниками Шанхайской организации сотрудничества. Примечательно, что при этом Вашинг-

* *Клименко Анатолий Филиппович*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

тон игнорирует эти многосторонние институты, препятствуя тем самым созданию Евразийской системы безопасности.

В этих условиях два года назад, на Петербургском экономическом форуме, президентами России и Казахстана была выдвинута идея создания «Большой Евразии», сердцевиной которой являются Центральная Азия и Сибирь. Идея была поддержана и председателем КНР Си Цзиньпином.

Сейчас представляются очевидными следующие элементы экономической и геополитической архитектуры «Большой Евразии». Географически проект будет, очевидно, охватывать страны, входящие в ШОС, ЕАЭС и АСЕАН, а также другие государства, вовлеченные в выдвинутый Китаем проект «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП). Конечно, контуры «Большой Евразии» могут со временем меняться. Сюда возможно подключение стран, входящих в проект Регионального всеобъемлющего экономического партнерства, продвигаемого Китаем.

Организационно «Большая Евразия» будет, видимо, строиться на основе координации ряда экономических и политических проектов — ШОС, ЕАЭС (рис. 1) и, не исключено, ЕС. Роль связующего элемента возлагается на ШОС, что просматривается после решений, принятых на последних саммитах этой Организации. Работа предстоит большая и сложная, но важная.

Как известно, Евразия включает большое количество государств и основные мировые цивилизации. Но здесь же имеет место почти 80 % международных конфликтов и локальных войн, спровоцированных или привнесённых извне.

В настоящее время наибольшую опасность для евразийской стабильности и безопасности представляют действия США и их западных союзников, которые стремятся изменить геополитическую конфигурацию государственно-политических сил и установить контроль над континентальными ресурсами, коммуникациями и ключевыми государствами Евразии. Добившись определенных результатов на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, они продолжают продвижение НАТО на Восток. Активно ведутся торгово-экономические и финансово-информационные войны против неугодных режимов. Расширяется сеть неправительственного влияния на развитие событий в различных, в том числе двух странах (рис. 1).

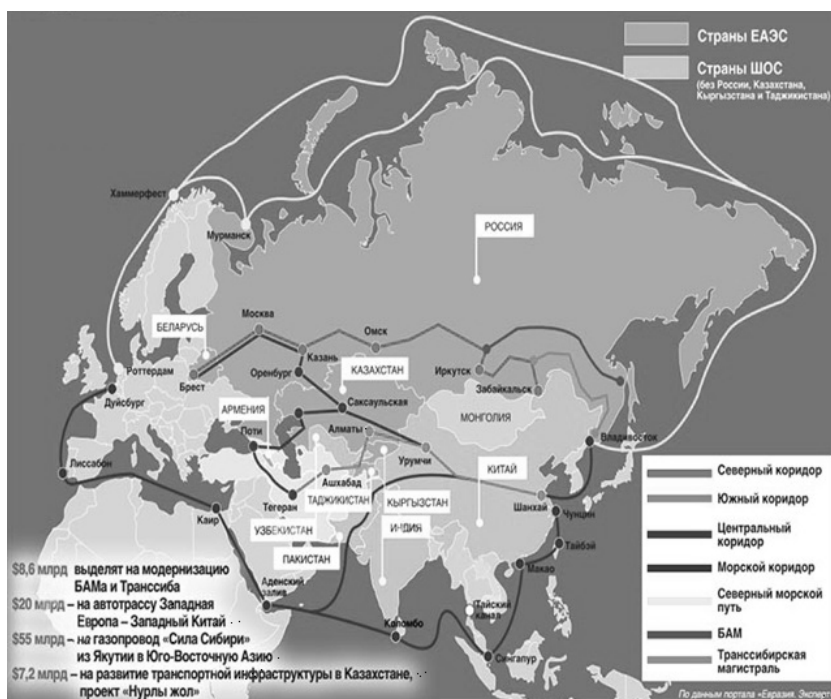

Рис. 1. Стратегия развития ШОС и ЕАЭС в ближайшем будущем.

Источник: URL: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/resized/945xH/media/img/8/87/755221713110878.png

В настоящее время продолжается жесткое геополитическое противостояние вокруг Сирии. По оценкам экспертов, следующей целью атлантической экспансии может стать Иран. Постоянно дестабилизируется обстановка в Кавказском регионе, где Грузия и Армения втянуты в продвижение интересов США и их союзников по НАТО. Серьезную угрозу для безопасности представляют арабо-израильский, а теперь и ирано-израильский конфликты.

На пространстве ШОС планы Запада подразумевают полную переориентировку на США крупных центральноазиатских государств — Казахстана и Узбекистана. Если и они, наряду с Афганистаном, войдут в сферу влияния США, то кольцо вокруг Ирана

замкнется. Под контролем США, наравне с Ираном, окажутся территории и стратегические объекты Китая и России, обозначенных в качестве противников в недавно принятой национальной стратегии США.

Наряду с разжиганием этнорелигиозных конфликтов и «цветных революций», предпринимаются шаги по созданию на востоке Евразии ранее непризнанных или несуществующих государств. Известно о существовании проектов возникновения таких государственных образований, как Курдистан, Белуджистан, Пуштунистан и др.² Именно во многом с помощью управляемого хаоса Вашингтон реализует свои геополитические замыслы.

Вопреки существующим планам вывода из Афганистана войск США и НАТО, их группировка там наращивается. И не следует прогнозировать урегулирование ситуации вокруг этой страны. Более того, при попустительстве США терпящие поражение боевики ИГИЛ сосредоточиваются в районах Афганистана, граничащих с центральноазиатскими странами. В случае обострения ситуации вокруг Афганистана нарастают угрозы для этих стран и России, где проживает значительное мусульманское население и уже активно действуют исламские террористические организации.

Насколько устойчива угроза международного терроризма? Означает ли успех международной коалиции, в том числе российского контингента ВС в Сирии, «началом конца» этой угрозы? Даже самый поверхностный анализ позволяет привести нас к неутешительному прогнозу дальнейшего развития событий.

В Сирии мы видели успешное сотрудничество России, Ирана и Турции (в том или ином статусе участники ШОС), где наши военные совместно с сирийской армией нанесли поражение международным террористам. Но, борясь с конкретными террористическими структурами, мы «вырезаем лишь метастазы раковой опухоли», имя которой «ваххабизм»³. А пока эта «опухоль» цела, будут возникать новые «метастазы» и на смену ИГИЛ придут новые террористические организации, которые могут быть еще опасней. Тем более что США сегодня прикладывают к этому немалые усилия, собирая остатки разбитых террористических формирований, вооружая их и подготавливая к продолжению войны на Ближнем Востоке, в Афганистане и в Центральной Азии.

Полноценная борьба с терроризмом и экстремизмом возможна, прежде всего, через опровержение ваххабитской идеологии и уничтожение всех ее производных. В противном случае мы обречены на «удары по хвостам» и малоэффективную оборонительную тактику.

Первоочередные задачи для достижения этой цели можно сформулировать так:

- поддержка и пропаганда традиционных течений ислама;
- идеологическое противодействие ваххабитской идеологии (создание новых мультиязычных СМИ, в первую очередь сетевых. Особенно эффективным здесь видится деромантизация ваххабитских террористов, которые вовлекают в свои ряды множество людей именно за счет искусственного ореола борцов за справедливость;
- прямые боевые действия в отношении ваххабитских террористов;
- и, конечно же, — решение социально-экономических проблем в бедных, неблагополучных государствах, где ваххабиты вербуют новых террористов.

Вместе с тем международное сообщество на пространстве «Большой Евразии» — и, в первую очередь, такие организации, как ШОС и ОДКБ, должны быть готовы оперативно отреагировать на неблагоприятное развитие событий. Представляется, что повышение эффективности регионального сотрудничества в сфере безопасности «Большой Евразии» могло бы пойти в направлении объединения усилий этих двух организаций для решения конкретных задач по обеспечению региональной безопасности⁴.

ОДКБ имеет реальные механизмы борьбы. В их числе:

- Коллективные силы оперативного реагирования на возникновение локальных, пограничных вооруженных конфликтов и террористических угроз в зоне ОДКБ;
- Коллективные силы быстрого реагирования на угрозы безопасности непосредственно в Центральной Азии;
- Миротворческие силы.

В Коллективных силах ОДКБ состоят воинские части и подразделения Воздушно-десантных войск России, Аэромобильных войск Казахстана, Сил специальных операций Беларуси, Мобильных войск Таджикистана и армейского спецназа Киргизской Республики, а также подразделения других родов войск, силовых структур и

спасателей стран — участников Организации. Всего в составе Коллективных сил Организации Договора о коллективной безопасности 28 тыс. человек. В том числе: КСОР — 19,5 тыс. человек, КСБР для Центрально-Азиатского региона — 4,5 тыс. человек, Коллективные миротворческие силы — 4 тыс. человек.

Кроме названных выше, в Коллективные силы ОДКБ входят авиационные формирования военно-транспортной (транспортной) и специальной авиации вооруженных сил, органов безопасности и внутренних дел (полиции), а также органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Одной из актуальных задач на современном этапе развития коллективной безопасности является завершение создания систем противовоздушной обороны в регионах коллективной безопасности с последующим их интегрированием в Единую (Объединенную) систему противовоздушной и противоракетной обороны ОДКБ.

Специальные операции ОДКБ представлены следующими формами:

- «Канал» — комплексные оперативно-профилактические операции для пресечения наркотрафика из Афганистана;
- «Нелегал» — ежегодные операции по предотвращению нелегальной миграции из третьих стран.

ШОС после принятия в свой состав в качестве постоянных членов Индии и Пакистана значительно увеличила свой потенциал, а по пространству охватывает большую часть Евразии (рис. 2).

Целью Организации провозглашается: укрепление стабильности и безопасности на пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

Как следует из представленного рисунка, одной из своих целей Шанхайская организация провозглашает борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Но, в отличие от ОДКБ, в настоящее время она не имеет механизмов для реагирования на угрозы безопасности, что сводит на нет практическое взаимодействие этих двух организаций при борьбе с организованными террористическими формированиями. Однако опыт совместных действий вооружённых сил государств — членов ШОС наработан в процессе проведения

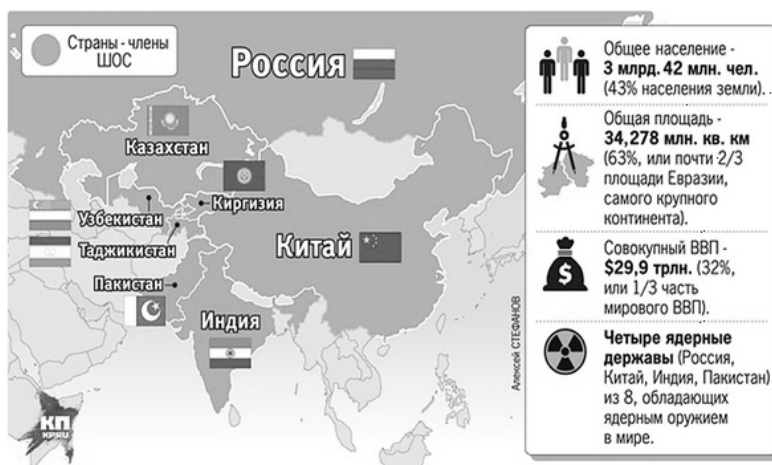

Рис. 2. Шанхайская организация сотрудничества.

Источник: URL: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/resized/

многосторонних военных маневров «Мирная миссия» и двусторонних российско-индийских — «Индра». Нужен следующий шаг — принятие решения по приданию подготовленным на этих маневрах подразделениям статуса миротворческих сил.

Вместе с тем создание механизма принятия совместных решений в рамках ОДКБ и ШОС и органов оперативного управления объединёнными миротворческими силами может стать сложной правовой и политической задачей. Здесь положительную роль может сыграть пересекающийся состав членов двух организаций, что фактически сведет основные дискуссии к обсуждению готовности Китая взаимодействовать со структурами ОДКБ.

Более серьёзную проблему может составить возможность участия в создаваемой коалиции новых постоянных членов ШОС — Индии и Пакистана. Через исторически сложившиеся противоречия в треугольнике Китай—Индия—Пакистан одномоментно перешагнуть невозможно. Хотя в последнее время усилия в этом направлении предпринимаются.

Как заявил российский министр обороны С.К. Шойгу на конференции по международной безопасности, состоявшейся в апреле

этого года в Москве, «благодаря нашим совместным усилиям, Индия и Пакистан активно подключились к военному сотрудничеству в Организации и участвуют во всех мероприятиях, проводимых по линии оборонных ведомств. Расширение состава ШОС, — отметил министр, — способствует росту её влияния не только в политической, экономической и гуманитарных сферах, но и в области безопасности. Открываются дополнительные возможности активнее воздействовать на процессы и на региональном, и на глобальном уровне»⁵.

Основными задачами ШОС совместно с ОДКБ на афганском направлении могут стать:

- борьба с наркотрафиком;
- противодействие вылазкам исламистских экстремистов с территории Афганистана в соседние страны с целью дестабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе;
- усиление режима пограничного контроля и перекрытие границы в случае необходимости;
- оказание технической поддержки в создании инфраструктуры на территории Афганистана;
- обучение сотрудников таможенных, пограничных, антинаркотических и прочих служб;
- военно-техническое сотрудничество.

Нужно наращивать взаимодействие участников ШОС по линии вооруженных сил и антитеррористической борьбы (через центры обмена информацией, мониторинг угроз, совместные учения), а также укреплять операционный потенциал ШОС. Последнее подразумевает:

во-первых, постепенный переход от консенсусного порядка принятия решений к принципу, когда решения считаются обязательными для исполнения всеми одобрявшими их странами;

во-вторых, расширение мандата РАТС и Секретариата;

в-третьих, создание коллективных миротворческих сил;

в-четвёртых, формирование соответствующего органа управления этими силами. Возможно, на базе РАТС.

Конечно, все прозвучавшие сегодня предложения подлежат углубленному анализу. Нам целесообразно активизировать соответствующие исследования совместно с научными организациями центральноазиатских государств, а также с иранскими и пакистанскими

учеными. Общая цель работы — более четкое определение, обоснование и согласование позиций каждой страны по названным и другим актуальным вопросам в интересах укрепления региональной безопасности и стабильности. Не следует терять время в быстро меняющейся обстановке.

Примечания

¹ URL: <https://realnewsland.ru/analytics/80393-zapad-ispugalsya-chto-rossiya-s-mozhet-izmenit-pravila-igry.html>

² URL: <http://russkie-fond.kmyard.ru/press/articles/609>

³ URL: <https://getman-lnr.livejournal.com/>

⁴ 28 мая 2018 г. в Москве руководителем Антитеррористического центра государств — участников СНГ, генеральным секретарем ОДКБ и директором Исполнительного комитета ПАТС ШОС подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия. В рамках договора стороны будут взаимодействовать в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, обмениваться информацией об актуальных вызовах и угрозах в общих зонах ответственности, о результатах своей деятельности в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, проводимых и планируемых мероприятиях. «В соответствии с меморандумом будет создана постоянно действующая трехсторонняя экспертная группа, задачей которой станет оценка оперативной обстановки и выработка эффективных мер противодействия терроризму и экстремизму». Подробнее см.: ТАСС: URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5242973>

⁵ URL: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/8cbb41406d5c8c9f18ee2211b877d6f213cba826a1f31d8f6a23ac9bbe363efc>

*Л.Е. Васильев**

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОБЛАСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИИ

Проблемы обеспечения безопасности в Азии

Весь континент Евразии с прилегающими к нему регионами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии представляет собой исключительно важный и, скорее всего, определяющий все дальнейшее развитие мирового сообщества субрегион. По некоторым оценкам, к 2030 г. его доля в мировом импорте возрастет до 50 %, что сделает этот субрегион (далее, для удобства, будем называть его просто регионом) основным мировым рынком сбыта, а по большинству показателей — и основным производителем товаров.

Из числа характеризующих факторов развития региона следует выделить:

- высокие темпы экономического развития;
- высокую степень экономической и торговой взаимозависимости государств региона;
- инвестиционную взаимозависимость;
- высокий уровень технологических возможностей входящих в него государств;
- огромные трудовые ресурсы.

* *Васильев Леонид Евгеньевич*, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Однако, несмотря на свою финансово-экономическую и политическую мощь страны региона обременены большим количеством общерегиональных и межгосударственных конфликтов, амбициями и соперничеством наиболее развитых региональных держав, слабым развитием внутрирегиональных механизмов урегулирования возникающих проблем.

Перед странами региона стоят многочисленные проблемы, требующие совместных усилий для нахождения их оптимального решения: развернувшаяся гонка вооружений; терроризм и экстремизм; нарастающие дезинтеграционные процессы; нехватка воды и опустынивание; вмешательство внерегиональных экономических и политических факторов. При этом от способов и эффективности решения стоящих перед государствами региона задач в немалой степени зависит стабильность и дальнейшая судьба всей системы международных отношений.

Анализируя множество конфликтных ситуаций в регионе, исследователю бывает трудно выделить общий тренд развития, не зная глубинных мотивов, движущих поведением государств региона в различных условиях. Эти мотивы исходят из складывания множества объективных факторов: географического положения, обеспеченности ресурсами, геоэкономической и финансовой конъюнктуры — как в регионе, так и в мире в целом, особенностей идентичности, культуры и т. д. Не могут быть также исключены и субъективные факторы: мотивы определённых личностей, групп, интересы элит или транснациональных корпораций. Рассмотрим некоторые из них.

Под воздействием глобализационных веяний и усиления внутривнутрирегионального взаимодействия в регионе начался процесс перестройки региональной архитектуры безопасности. Теперь даже малые региональные конфликты, межгосударственные конфликты на почве утверждения различными народами своей национальной и культурной идентичности прекрасно вписываются в общемировое противостояние между крупнейшими мировыми державами.

Более того, следует отметить, что на сегодняшний день интеграционные процессы активно развиваются лишь в экономической плоскости и встречают весьма серьезное противодействие в области

политической. Это легко объяснить особенностью менталитета азиатских народов, которая заключается в отсутствии единой идентичности, понимания единства всего региона. Такая ситуация, наряду с политическими разногласиями и территориальными спорами, выступает одним из факторов, препятствующих полномасштабной интеграции в регионе.

Необходимо также отметить, что во все времена суверенные государства региона строили свою внешнюю политику не только с точки зрения политической или экономической выгоды и прагматики, но также определяли свои интересы с учетом национальной принадлежности других государств региона. Эти государства, как правило, сотрудничают и заключают союзы с государствами, имеющими схожую или общую культуру, а конфликтуют намного чаще со странами с другой культурой. Страны определяют угрозу в зависимости от намерений других государств, и эти намерения — а также способы их реализации — в сильнейшей степени обуславливаются культурными соображениями. Государства, сходные в культурном плане, сотрудничают экономически и политически. Зачастую международные организации, объединяющие государства с культурной общностью, намного более успешны, чем те, которые пытаются подняться над культурами.

Кроме того, сложившуюся в последнее время в регионе ситуацию на глобальном уровне вполне можно охарактеризовать интенсификацией борьбы за ресурсы, которая при определенных условиях может привести к активизации политического противостояния между основными международными акторами.

В целом же, если говорить более простым языком, безопасность и стабильность в регионе можно рассматривать как баланс взаимного сдерживания японо-американского военного союза, отдельно взятых военных потенциалов России и Китая, а также отношений в треугольнике Индия—Китай—Пакистан. При этом, теоретически, подорвать эту стабильность могут два обстоятельства: изменения в потенциале военной силы одного из двух компонентов (японо-американского и китайско-российского) или обострение региональных конфликтов, в которые они могут быть вовлечены.

Как уже отмечено выше, один из основных факторов, который может привести к обострению обстановки в регионе, обусловлен,

прежде всего, заметным ростом военного потенциала Китая, а также реакцией на эту ситуацию японо-американского союза. Кроме того, союзников, особенно США, беспокоит активизация совместных российско-китайских военных учений, проводимых в регионе, а также активизация военного строительства России на Дальнем Востоке, включающая оснащение войск новыми образцами военной техники и совершенствование военной инфраструктуры.

Безусловной угрозой региональной безопасности являются также нерешенные споры вокруг шельфовых месторождений углеводородов в районах двух морей — Южно-Китайского и Восточно-Китайского. Следует учитывать, что в разрешение этих споров, особенно если события будут развиваться по негативному сценарию, могут быть и, скорее всего, будут втянуты США, обязанные, в соответствии с заключенными союзными договорами, защищать своих союзников в регионе в случае военной агрессии по отношению к ним со стороны третьих государств¹.

Кроме того, Китай уверен, что США обязательно будут препятствовать его развитию, и поэтому ставит перед собой задачу не допустить применение Вашингтоном военной силы или суметь нейтрализовать ее в случае открытого конфликта. США, в свою очередь, опасаются, что возвышение потенциального регионального гегемона и, соответственно, наращивание им военной мощи могут стать угрозой всему существующему миропорядку.

При этом США должны учитывать тот факт, что начиная с середины 2000-х годов Народно-освободительная армия Китая (НОАК) вступила в одну из самых глубоких трансформаций в своей истории. Результатом этой трансформации станет окончательный уход от прежней модели массовой армии, преимущественно сухопутной, крестьянской по социальному составу, ориентированной на защиту национальной территории с опорой на численное превосходство и мощные мобилизационные механизмы. Китай стремится к строительству высокотехнологичных вооруженных сил, сопоставимых по уровню подготовки и оснащению с вооруженными силами США и Японии, которые воспринимаются им в качестве основных потенциальных противников.

Новая китайская армия будет в состоянии проецировать силу в глобальном масштабе, опираясь на океанский флот, стратегическую

военно-транспортную авиацию и мощные мобильные военно-воздушные силы (рис. 1).

Рубежом для трансформации НОАК в армию нового типа избран 2020 г. К этому году КНР планирует достигнуть «крупных успехов» в деле военной модернизации. Далее, уже к 2050 г. поставлена задача «обрести способность одерживать победы в войнах в условиях применения информационных технологий»².

Рис. 1. Структура высшего командования ВС КНР после реформирования.

Источник: URL: <https://manzal.livejournal.com>

Не менее значимым вызовом безопасности в Восточной Азии является также так называемая ядерная проблема Корейского полуострова. Согласно заявлению руководителя Китая Си Цзиньпина, КНР категорически не приемлет военного способа решения этой проблемы и какой-либо дестабилизации ситуации в регионе, в том числе в результате оказания военного давления на КНДР. В настоящее время Китай поставляет в Северную Корею 90 % энергетиче-

ских ресурсов, 80 % потребительских товаров и 40—45 % продовольствия. 80 % внешней торговли КНДР приходится на Китай. Северная Корея поставляет в Китай рыбу, сталь и полезные ископаемые³.

Позиция Китая вполне объяснима. В случае объединения двух корейских государств на границе Китая появится ориентированное на Запад государство с американскими военными базами, что неизбежно приведет к усилению давления на Пекин и обеспечению политики его сдерживания. К тому же падение нынешнего политического режима в КНДР чревато дестабилизацией ситуации на полуострове в целом, что может негативно повлиять на положение в приграничном с КНДР китайском регионе и на всем северо-востоке Китая.

Обобщая вышесказанное, необходимо учитывать также тот факт, что Китай, хотя и не идёт на открытую конфронтацию с Западом, всё же предпринимает и будет в дальнейшем предпринимать активные меры по укреплению своего растущего влияния и авторитета в регионе, а как следствие, своей значимости во всей системе межгосударственных отношений мирового сообщества. Однако его попытки укрепить свои позиции только упрочили связи между Соединёнными Штатами и их азиатскими союзниками, а также усилили национализм в Японии. Сейчас уже очевидно, что по мере того, как будут расти возможности Пекина, будет усиливаться решимость его соседей противостоять ему. При этом растущая напряженность в этом регионе может сказаться, и, скорее всего, скажется, как на мировой экономике, так и политике в целом.

Территориальные конфликты между Китаем и Индией

На северо-восточном участке индийско-китайской границы расположена большая часть территорий, вопрос о принадлежности которых до сих пор сторонами не урегулирован. Позиция Индии в этом вопросе не отходит от тех решений, которые были приняты на англо-тибето-китайской конференции в Симле в 1913—1914 гг., когда в соответствии с предложениями Англии восточный участок границы Индии и Тибета устанавливался по так называемой линии

Макмагона. В настоящее время Тибет является китайской территорией, и Пекин заявляет о нелегитимности конференции и о непризнании «линии Макмагона» в качестве государственной границы КНР на индийском участке.

Нынешняя ситуация на китайско-индийской границе объясняется тем, что в течение многих столетий этот слабозаселенный горный район служил своего рода буферной зоной между государствами. В настоящее время яблоком раздора стали две территории (рис. 2). Первая — Аксай Чин в западном секторе границы. Этот практически не пригодный для жизни регион общей площадью около 38 тыс. км расположен на высоте 4,5—7 тыс. м над уровнем моря и представляет собой цепь ледников посреди необитаемой соляной пустыни. Вторая — Аруначал Прадеш в восточном секторе границы, штат на северо-востоке Индии площадью около 84 тыс. км с населением 1,4 млн человек, пересеченный цепью Гималаев и покрытый густыми лесами. Западный участок находится под фактическим управлением Китая, однако Индия оспаривает это, утверждая, что Аксай Чин — часть индийского Ладакха, дистрикта штата Джамму и Кашмир. Восточный участок, наоборот, управляется Индией, но на него претендует Китай. Причем, несмотря на полную бесперспективность Аксай Чина в хозяйственном отношении, для Китая этот район чрезвычайно важен с военной точки зрения: по нему проходит шоссе, связывающее Синьцзян-Уйгурский автономный район с Тибетом⁴ (рис. 2).

Нужно учитывать также, что оба государства долгое время испытывают взаимные опасения стратегического характера. Индия недовольна тесными связями Китая с Пакистаном, а также ростом китайского влияния на других ее соседей. Со своей стороны, КНР с большой настороженностью относится к развитию стратегического партнерства между Индией, США и Японией, которое Пекин считает угрозой для Китая. Кроме того, остроту этому территориальному спору придает наличие у обеих стран ядерного арсенала.

Тем не менее в апреле 2005 г. во время визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Индию по итогам его переговоров с индийским премьер-министром Манмоханом Сингхом сторонами было объявлено об установлении между ними «стратегического партнерства». С целью скорейшего решения проблем Индия и Китай выра-

Рис. 2. Спорные территории между Китаем, Индией и Пакистаном.

Источник: URL: <https://topwar.ru>

зили готовность пойти на пересмотр своих позиций, и в качестве первой уступки КНР впервые признала частью Индии Сикким, присоединенный к Индии в 1975 г.

Однако, несмотря на попытки урегулировать конфликт, вооруженные столкновения на линии фактического контроля, которая разделила противостоящие стороны после пограничной войны 1962 г., не прекращались. Последний значимый конфликт произошел в апреле 2013 г., когда взвод китайских солдат нарушил линию контроля и около месяца стоял лагерем на индийской территории. Этот инцидент подтолкнул стороны к подписанию в октябре 2013 г. Соглашения о военном сотрудничестве на границе. Документ заложил принципиально новый механизм урегулирования приграничных конфликтов: теперь их разрешение возлагалось на генералов, а не на высшее политическое руководство двух стран⁵.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что по большинству мировых проблем Китай и Индия выступают единым фронтом. Пекин и Дели имеют общее видение многополярного мироустройства,

добиваются пересмотра существующей системы международных финансовых институтов, выдвигают схожие требования на многосторонних переговорах в рамках ВТО. В целом их позиции совпадают и по вопросам борьбы с климатическими изменениями, обеспечения энергетической безопасности, приоритизации норм международного права, а также по многим другим глобальным проблемам. Поэтому ныне они во многом выступают в роли естественных союзников, заинтересованных в пересмотре существующего международного порядка.

Вместе с тем нельзя исключать, что, несмотря на общие стратегические задачи, на границе между двумя странами в любой момент может вспыхнуть вооруженный конфликт. Правда, вероятность его эскалации до полномасштабной войны не так уж велика: руководители Индии и Китая понимают, что это перечеркнет экономические достижения последних лет и нанесет ощутимый вред каждой из сторон.

Конфликт вокруг архипелага Сенкаку (Дяоюйдао)

Суть конфликта такова: после завоевания Японией в 1895 г. острова Тайвань архипелаг, который раньше принадлежал Китаю, был включен в состав Японии. В 1945 г. Япония потеряла все территории, приобретенные ею с конца XIX в. Сенкаку (Дяоюйдао) вместе с Окинавой оказались под юрисдикцией США. Но в начале 1970-х годов США вернули Окинаву Японии, отдав ей и Сенкаку (рис. 3).

КНР с этим решением не согласна, и в 1992 г. она объявила эту территорию «исконно китайской». Интерес к архипелагу усилился после того, как в 1999 г. здесь были обнаружены значительные запасы природного газа, оцениваемые приблизительно в 200 млрд куб. м. В 2003 г. китайцы установили морскую платформу у морской границы с японскими водами и начали бурение. Японская сторона выражала обеспокоенность тем, что КНР может начать добычу газа из залежей, простирающихся под японской территорией. В октябре 2004 г. состоялся 1-й раунд консультаций по проблеме газового месторождения на Сенкаку, в ходе которого стороны договорились ре-

Рис. 3. Спорная территория между Китаем и Японией.

Источник: URL: <https://www.reuters.com>

шать все вопросы исключительно путем переговоров, не прибегая к использованию силы⁶.

Однако в сентябре 2012 г. территориальный конфликт между Китаем и Японией обострился. Токио объявил о процедуре национализации островов через их приобретение у частных владельцев. Этот факт вызвал резкий протест Китая, по всей стране прошла волна антияпонских демонстраций. С тех пор КНР регулярно отправляет к спорным территориям патрульные корабли, вызывая тем самым негодование Японии. Понятно, почему еще в начале 2013 г. Токио объявил о намерении создать специальное подразделение в составе нескольких сотен офицеров, а также более десяти патрульных катеров с целью охраны данных островов⁷.

Таким образом, в настоящее время руководство КНР обвиняет Японию в «краже» островов Дяоюйдао, а власти Японии заявляют в

ответ, что острова Сенкаку — это исконные японские земли как с исторической точки зрения, так и с точки зрения международного права. При этом обе страны резко увеличили расходы на оборону. Однако, как отмечают многие аналитики, хотя ВМС Китая за последнее десятилетие провели масштабную программу модернизации, они совершенно не готовы напрямую соперничать с японским флотом, а уж тем более с союзником Японии по договору — с Соединенными Штатами⁸.

Конфликт отрицательно сказывается на экономических отношениях между двумя государствами. Следует учитывать, что и Китай, и Япония — страны, ориентированные на внешний рынок. Поэтому ни Токио, ни Пекин, скорее всего, не рискнут поставить на карту свое экономическое благополучие, во многом зависящее от двустороннего экономического сотрудничества. Поэтому, на наш взгляд, проблема с островами Сенкаку (Дяоюйдао) будет решаться еще долгое время, причем «без резких движений» с обеих сторон.

Интересен факт, что в Японии экономическое возвышение Китая сначала воспринималось с ревностью и опасением за собственные экономические позиции. Теперь же это уже страх за военную безопасность страны, так как мощь Китая во всех сферах, особенно в экономической, растет стремительными темпами. Так, уже в 2010 г. Китай по размерам ВВП стал второй экономической державой в мире, потеснив Японию, которая продержалась на этом месте более сорока лет. Более того, на сегодня совокупная мощь США и Китая составляет более 30 % мирового ВВП (17,7 и 12,7 % соответственно), а следующая за ними Япония (6,1 %) отстает уже на порядок. Поэтому Япония отреагировала на изменение военно-политической ситуации в регионе принятием новых законов об обеспечении мира и безопасности. Теперь это обеспокоило Китай, который опасается объединения усилий Токио и Вашингтона в Южно-Китайском море. Причем, если настороженность Китая по отношению к Японии возрастет, Пекин может начать действовать в так называемых серых зонах, что приведет к дальнейшей эскалации конфликта.

Современная политика Японии в области безопасности покоится на четырех китах: всемерное усиление союзнических отношений с США; наращивание собственного оборонного потенциала с помо-

стью расширительного толкования конституции; развитие военных и политических связей с потенциальными партнерами по «сдерживанию» Китая; налаживание взаимопонимания с Китаем⁹. Однако, несмотря на огромный объём взаимной торговли и инвестиций между Японией и Китаем, очевидное культурное и историческое сходство, наследие прошлых войн и исторических обид всё ещё не преодолено, а взаимное недоверие препятствует даже самым осторожным попыткам установить какие-либо формы коллективной региональной безопасности.

Проблемы отношений Китая с государствами АСЕАН как вызов безопасности Юго-Восточной Азии

Рассматривая китайскую политику в отношениях с государствами АСЕАН в настоящее время, следует акцентировать внимание на двух аспектах. Первый состоит в том, что акватория Южно-Китайского моря (ЮКМ), вокруг которой расположена большая часть государств Юго-Восточной Азии (ЮВА), имеет ключевое значение для быстрого перемещения судов, как гражданских, так и военных, между Индийским и Тихим океанами (рис. 4). Достижение военного преобладания в этом регионе любой державы может иметь глобальные последствия как для региона, так и для всего мира в целом. Контролировать его — значит контролировать морские и воздушные пути ЮКМ (рис. 4).

Архипелаг Спратли, расположенный в ЮКМ, может использоваться также в качестве пунктов наблюдения за действиями подводных лодок, а также для строительства баз в целях контроля и охраны морских коммуникаций. Кроме того, как мы видим по карте морских путей, район островов Спратли — это, по сути, единственный морской путь для Китая, по которому его товары морем доставляются в Европу, Африку и на Ближний Восток, а в обратном направлении следуют энергоресурсы, потребность в которых у КНР постоянно возрастает. Контроль над этой территорией, позволил бы обеспечить львиную долю китайских морских грузоперевозок. Таким образом, речь здесь идет не о какой-то гипотетической экспансии Китая, а о его национальной безопасности.

Рис. 4. Территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море.

Источник: URL: <http://riata.ru>

Второй аспект содержит соображения экономического порядка, так как установление контроля над регионом, и особенно над месторождениями углеводородов в зоне островов Спратли, открывает возможности превратить его в важную сырьевую базу китайского роста. Сегодня к этому, по мере роста экономической мощи Китая, добавились еще и военно-политические интересы, связанные с политическим доминированием в этом регионе мира, примыкающем к южным и юго-западным китайским рубежам. Кроме того, большую актуальность в этой связи приобрели задачи постепенного вытеснения США из этого региона, расширение зон безопасности Китая на тысячи миль от собственно китайского побережья и, конечно, кон-

троль над ключевыми морскими коммуникациями, проходящими в Южно-Китайском море.

Сложившееся положение в значительной мере объясняет последовательность, бескомпромиссность и определенную жесткость Пекина в продвижении своих интересов в этом регионе, нежелание даже минимальных уступок своим партнерам по переговорам. По мнению некоторых политологов, в решении этой проблемы, скорее всего, Китай будет действовать по двум направлениям.

Первое из них — интеграция всех десяти стран АСЕАН в общую с Китаем зону свободной торговли с последующим переходом к более тесному и формализованному сотрудничеству в политической сфере. Однако этому препятствует тот факт, что не все государства АСЕАН видят в качестве регионального лидера Китай. Так, Камбоджа, Лаос, Мьянма делают ставку на Китай, тогда как Таиланд, Филиппины, Сингапур и др. — на США.

Кроме того, обострение обстановки в ЮКМ из-за принадлежности островов Спратли, а также эскалация обстановки в Индийском океане вызвало небывалую гонку вооружений в Восточной Азии в целом и в Юго-Восточной Азии в частности. В настоящее время на Восточную Азию и прилегающие к ней регионы приходится более половины мирового рынка оружия. Шесть из десяти крупнейших импортеров вооружений находятся в Азии и Тихом океане — это Индия, Китай, Австралия, Пакистан, Вьетнам и Южная Корея.

О модернизации НОАК Китая уже упоминалось выше. Импорт вооружения Вьетнама в 2011—2015 гг. вырос в восемь раз в сравнении с предыдущими пятью годами. Страна закупила восемь боевых самолетов и четыре субмарины, еще восемь кораблей находятся в стадии заказа. Другие страны региона также модернизируют свои военно-морские флоты, главным образом, закупая субмарины. Так, Индия заказала шесть из Франции, Пакистан купил восемь у Китая. Германия должна поставить две подлодки в Сингапур и пять в Южную Корею, которая уже продала три корабля собственного производства в Индонезию. Австралия, в свою очередь, намеревается закупить от восьми до 12 экземпляров кораблей такого же класса¹⁰. В таких условиях Китаю будет трудно объединить вокруг себя государства АСЕАН, готовые отстаивать свои интересы с оружием в руках.

Второе направление связано с еще одной серьёзной проблемой региона, грозящей эскалацией напряженности между странами. Таковой проблемой является нехватка в регионе водных ресурсов. Опустынивание и нехватка воды в Восточной Азии начинает угрожать быстрой экономической модернизации, побуждая строительство в верховьях рек мощных гидросооружений. Причем следует учитывать, что воды этих рек принадлежат небольшому количеству государств. Более того, ни одна страна региона не может оказать большего влияния на развитие ситуации с водными ресурсами, чем Китай, который контролирует тибетскую возвышенность — источник большинства главных рек Азии. Более того, в случае, если нехватка воды начнёт угрожать его жизненно-важным интересам, другие страны региона могут ожидать от Пекина самых жёстких мер, вплоть до изменения русел рек.

Учитывая складывающуюся ситуацию, Китай предложил объединение и интеграцию стран Индокитая, прилегающих к китайской границе — Вьетнама, Лаоса, Таиланда, Камбоджи и Мьянмы, — в рамках активного развития так называемого проекта Меконга, который редполагает объединение государств, участвующих в проекте, вокруг единого регионального лидера — Китая. Причем этот путь китайского продвижения в регион получил особое развитие тогда, когда стратегия интеграции и сотрудничества со странами АСЕАН, согласно первому направлению его деятельности, серьезно затормозилась.

Таким образом, если Китаю, с его растущей экономической и военной мощью, за счет усиления региональной интеграции удастся объединить вокруг себя государства ЮВА с их ресурсами и экономическими возможностями, это приведет к появлению в Азии нового регионального центра силы Китай—АСЕАН, что, в свою очередь, усилит позиции КНР как в регионе, так и в мире. При этом такое положение явно не устроит ни США, ни их японских союзников. В случае же провала политики Пекина в вопросах интеграции в ЮВА, скорее всего, произойдет размежевание в АСЕАН и обострение обстановки в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. При этом Китай будет продолжать милитаризировать свои активы на спорных островах, используя географические изменения для преобразования Южно-Китайского моря во «внутреннее море КНР».

Новая политика Китая и ее влияние на безопасность в Азии

Выступая на декабрьском 2014 г. заседании политбюро ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай в сфере глобального экономического управления не должен быть сторонним наблюдателем и следующим за кем-то. Он должен быть его активным участником и ведущим. Впоследствии китайские эксперты прокомментировали эти слова как «сигнал всему миру о том, что Китай является активным участником глобального экономического управления и намерен развивать свою руководящую роль в этом процессе»¹¹.

Специфика китайской внешней политики, как считают эксперты, — неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям национального развития. Китайские ученые и политики делают акцент на задачах исключительно экономического строительства, на подчинении внешней политики стратегии реализации реформ¹². Другими словами, внешнеполитическая стратегия КНР базируется на последовательном воплощении принципа «мирного развития», который предполагает создание благоприятной обстановки для целей экономического преобразования страны, поддержания внутривнутриполитической стабильности, территориальной целостности, снижения опасений других государств по поводу намерений Пекина и увеличения его регионального и международного влияния и престижа.

Для дальнейшего экономического роста, равно как и для успешного проведения реформ, Китаю необходимо продвижение на зарубежные рынки, чтобы сбывать произведенный в стране товар. Именно поэтому КНР пытается сделать международный порядок выгодным для своей внешнеэкономической деятельности. Еще в октябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Совете народных представителей Индонезии, изложил основные положения новой китайской политики развития добрососедства и дружбы с государствами АСЕАН, а также выдвинул стратегическую концепцию совместного построения «сообщества общей судьбы», благодаря которой стало бы возможным осуществление совместного проекта — «Морского Шелкового пути». Согласно заявлению Си Цзиньпина

построение «Морского Шелкового пути» отвечает искренним устремлениям народов всех стран будущего сообщества и является общим требованием в контексте родственных связей между ними¹³.

В марте 2015 г. на Боаоском азиатском форуме руководством Китая были озвучены «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Заявленная цель этих крупномасштабных проектов — создание новых механизмов экономического развития, которые будут способствовать более эффективному распределению ресурсов в регионе и укреплению рыночной интеграции между государствами Европы, Азии и Африки. В дальнейшем эти два крупнейших экономических проекта были объединены под единым названием «Один пояс, один путь».

Идея «Морского Шелкового пути XXI века» заключается в создании двух маршрутов. Один из них соединит побережье Китая и Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан, второй — выведет Китай в Южно-Тихоокеанский регион — опять же через Южно-Китайское море, которое становится одним из ключевых участков этого морского проекта.

«Экономический пояс Шелкового пути» рассматривается как крупномасштабный экономический проект, нацеленный на развитие Западного Китая, а также на расширение связей с зарубежными государствами, особенно со странами Центральной Азии. Суть его — в создании трансевразийского сухопутного моста и развитии трех экономических коридоров: Северного (Китай—Монголия—Россия—Западная Европа), Центрального (Китай—Центральная Азия—Ближний Восток) и Южного (Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма, а также Китай—Пакистан). Это достаточно трудная задача, учитывая, что проект охватывает несколько десятков стран, в которых проживает более 60 % населения планеты, а объем возможного экономического взаимодействия оценивается в 21 трлн долл.¹⁴

Заявляя о своих проектах, Китай постоянно подчеркивает, что не претендует на экономическую гегемонию и не заявляет о своей исключительности. Теоретические основы, на которых базируются главные положения концепции, согласуются с основными целями Устава ООН и пятью принципами мирного сосуществования. При этом китайское правительство готово давать гарантии многосторон-

ней открытости, способствовать практическому взаимодействию во всех сферах и тем самым формировать «сообщество общей судьбы». Основными причинами, вызвавшими возникновение и активное продвижение проекта «Один пояс, один путь», на наш взгляд, стали следующие.

1. Стремление руководства КНР существенно поднять значимость Китая в мировом сообществе, о чем уже указывалось выше. Реализация таких масштабных проектов с китайским лидерством, естественно, выводит Китай по значимости как минимум на второе место в мире, причем не только в экономической сфере.

2. Китайская экономика — экономика экспорта, которая нуждается в постоянном расширении рынков и в создании зон свободной торговли, обеспечивающих невозможность закрытия рынков каждой конкретной страны-участницы в любых условиях развития обстановки. Планируемые проекты идеально решают обе задачи.

3. Как уже было отмечено выше, Китай должен обеспечить безопасную доставку своих товаров для потребителей, а энергоресурсов с Ближнего Востока — для своей промышленности. Реализация вышеназванных проектов повысит безопасность того и другого.

4. Очевидно, что чем больше вложишь в проект инвестиций, тем большую отдачу от него и получишь, причем кто больше в совместный проект вложит, тот, естественно, больше от него и получит. Китай по количеству золотовалютных резервов занимает твердое первое место в мире, опережая идущую на втором месте Японию более чем в два раза (3,121 против 1,242 трлн долл. соответственно)¹⁵. Таким образом, Китай может позволить себе любые вложения в проект и превзойти любых конкурентов, а следовательно, получить максимальную прибыль от его реализации. Более того, реализация этих проектов — очень эффективное вложение имеющихся у него свободных капиталов.

5. Одной из важнейших задач Китая является ослабление экономических позиций США в Азии и изменение, о чем будет сказано ниже, существующего миропорядка. Причем понижение значимости США Китай рассматривает не как прекращение гегемонии Вашингтона в мире в целом, а как ослабление его позиций в жизненно важных для Пекина регионах, таких как, например, Центральная и Юго-Восточная Азия. Естественно, что заявленные про-

екты открывают для Китая больше возможностей для реализации этой задачи.

6. С этой же задачей связана и попытка подправить существующую мировую финансовую систему, в которой МВФ и Всемирный банк до сих пор обеспечивают финансовое преимущество западных стран, и в первую очередь США, в мировой экономике. Еще в 2013 г. Пекин выступил инициатором создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (далее — АБИИ), в состав учредителей которого вошли более 50 стран, в том числе — Германия, Франция, Италия, Великобритания и Россия. Позднее был создан Фонд Шелкового пути с уставным капиталом 40 млрд долл. Успешный запуск АБИИ и Фонда Шелкового пути позволит наиболее динамично развивающимся государствам Азии получать инвестиции от финансового института, который не ставит обязательным условием следование прозападным моделям развития. Это серьезный шаг к реформированию мировой финансовой системы.

7. Реализуя проект «Один пояс, один путь», Пекин создает экономическую основу формирования положительного образа Китая в мировом сообществе, что не менее значимо для него, чем экономическая выгода. Причем здесь КНР делает ставку на распространение мягкой силы, которая включает продвижение китайской культуры (в особенности с помощью Институтов Конфуция), политических ценностей (модель «Пекинского консенсуса», предполагающая авторитарную форму правления при развитии рыночной экономики) и привлекательность внешней политики, которая стала формулироваться на деидеологизированной и прагматичной основе. Такая политика позволила нормализовать отношения с Южной Кореей, Вьетнамом, Индонезией и другими странами региона. Реализуемые проекты существенно расширяют возможности Китая в этом вопросе.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в настоящее время Китай становится главным оплотом глобализации на планете. Бывший лидер этих процессов — США, осознали пагубность глобализации для своего внутреннего государственного развития, о чем красноречиво свидетельствуют результаты последних президентских выборов. Их победитель, новый президент США Д. Трамп, объявил, что ключевым моментом экономической реформы, которая будет проводиться его администрацией, будет переход

от политики глобализма к принципу американизма¹⁶. Таким образом, попытка обеспечить население доходами от инноваций, практически уничтожив обычное производство на своей территории, гарантирующее достойное проживание большинству населения Штатов, не удалась. Эти же процессы уже начались и в Европе.

Китай со своей экспортно ориентированной экономикой будет вынужден разрабатывать и продвигать любые экономические проекты, обеспечивающие процессы глобализации как в региональном, так и мировом масштабе, питающие его собственную экономику. При этом необходимо осознавать наличие вызовов и рисков, возникающих при реализации китайских проектов. Более того, государствам, решившим принять участие в реализации проектов, в скором времени предстоит оценить, насколько равным окажется сотрудничество и что им придется отдать взамен инвестиций, которые обещает Китай.

Взгляды руководства КНР на решение проблем безопасности в Азии

Как уже было отмечено выше, внешнеполитическая стратегия КНР базируется на последовательном создании благоприятной обстановки для целей экономического преобразования страны. Поэтому, приступив к реализации нового экономического проекта «Один пояс, один путь», руководство Китая должно уделить серьезное внимание созданию безопасной обстановки для его реализации. При этом необходимо учитывать, что там, где в основном и предполагается его реализовывать, пока не сложилось региональной системы безопасности, которая удовлетворяла бы все государства региона¹⁷. Более того, некоторые политологи отмечают рост стратегической неопределенности в регионе и возрастание значимости военной силы в межгосударственных отношениях.

В этих условиях Пекин сделал первый шаг на пути создания региональной системы безопасности и обозначил свое видение решения этих проблем на Евразийском континенте и прилегающих к нему территориях. Выступая на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «Мы должны подтвердить нашу приверженность целям и принци-

пам Устава ООН, установить новый тип международных отношений, основа которых — взаимовыгодная коммуникация, и создать сообщество с единой судьбой для всего человечества. Мы должны создать систему глобального партнерства на международном и региональном уровнях, реализовать новый подход к межгосударственным отношениям, основой которых станет диалог, а не конфронтация. Диалог этот должен исходить из идеи взаимодействия, а не противостояния союзов государств»¹⁸.

К основным принципам построения международных отношений в настоящее время, по мнению китайского руководства, следует отнести:

- принцип взаимоуважения и взаимного сотрудничества. Крупные государства должны относиться к малым как к равным и ставить справедливость выше своих интересов;
- всеобщность и доступность системы безопасности, т. е. необходимо создать равноправную и справедливую систему безопасности, в которой участвовали бы все страны;
- открытость и инновационный подход к решению проблем безопасности. Необходимо расширять международные контакты и обмен мнениями, что позволит создать атмосферу уважения к существующим между народами различиям;
- последовательное повышение роли ООН и Совета Безопасности в вопросах обеспечения безопасности и сохранения мира и, как следствие, не только усиление политико-дипломатического направления в деятельности этой Организации, но и укрепление ее силовой компоненты;
- мировому сообществу необходимо также приложить значительные усилия к созданию глобальной экосистемы, в которой основной ценностью было бы сохранение природы.

Таким образом, Китай будет выстраивать отношения с другими государствами на основе равенства и взаимного уважения. Принцип суверенитета, в трактовке Си Цзиньпина, должен не только исключать агрессию и вмешательство во внутренние дела другого государства, но и «поддерживать право любого государства самостоятельно выбирать свой общественный строй, а его практика социально-экономического развития должна пользоваться уважительным отношением со стороны внешних партнеров»¹⁹.

Идея Пекина заключается в том, чтобы в итоге выстроить такие «глобальные партнерские отношения», в которых межгосударственные консультации должны стать «важным способом управления современными международными делами». На этой основе Пекин призывает к гармоничному «соразвитию и взаимообогащению разных цивилизаций, в отношениях между которыми должен быть диалог, а не бойкот, обмен ценностями, а не их подмена»²⁰.

В отношении решения проблем безопасности конкретно в Азии следует привести высказывание министра обороны КНР генерал-полковника Чан Ваньцюаня, который в 2015 г. выдвинул три инициативы по поддержанию безопасности в этом регионе: расширение возможностей и средств по урегулированию кризисов и межгосударственный контроль над всеми возникающими конфликтами и спорными вопросами; укрепление стратегического партнерства и взаимного доверия между странами АТР; реализация концепции «сообщества, объединенного общей судьбой»²¹.

Конечно, стратегия «Один пояс, один путь» не связана с идеологией, а скорее с рыночным сотрудничеством, взаимодействием капиталов и взаимодополняемостью. Это максимально исключает политические помехи и идеологические ограничения. Страны, отличающиеся по социальному строю, представляющие разные культуры, могут сформировать единое экономическое сообщество. Следует сказать, что такой подход пока приносит Китаю желаемый результат, позволяя в целом удачно продвигать свои экономические интересы, в том числе в кризисные периоды.

Однако, как считают некоторые аналитики, все же нельзя исключать, что в проектах, где участвуют огромные деньги, вопросы морали и справедливости стоят далеко не на первых местах, а зачастую просто игнорируются или решаются старым способом — «по праву сильного». Поэтому, на наш взгляд, учитывая всю предыдущую историю Китая, надо хорошо задуматься над словами, которые произнес Си Цзиньпин, заканчивая свое выступление на Генассамблее ООН: «Китайский народ, численность которого превышает 1,3 млрд человек, стремится реализовать китайскую мечту о великом национальном возрождении. Эта мечта китайского народа тесно связана с мечтами других народов мира»²².

Примечания

¹ *Саркисов К.* Треугольник Япония — США — Китай и безопасность в Восточной Азии. URL: <http://russiancouncil.ru/>

² *Кашин В.* Модернизация НОАК — повод для беспокойства? URL: <http://russiancouncil.ru/>

³ *Кокарев К.* О некоторых подходах Китая к вопросам безопасности в Азии URL: <https://riss.ru/>

⁴ *Шикин В.* Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война? URL: <http://russiancouncil.ru/>

⁵ Там же.

⁶ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

⁷ *Василенков С.* Япония нашла «свою землю» и в Китае. URL: <http://www.pravda.ru/>

⁸ *Чувакин О.* Между Китаем и Японией назревает конфликт. URL: <http://www.geopolitics.ru/>

⁹ *Саркисов К.* Треугольник Япония—США—Китай и безопасность в Восточной Азии. URL: <http://russiancouncil.ru/>

¹⁰ URL: <https://regnum.ru/>

¹¹ Материалы Агентства «Синьхуа» за декабрь 2014 г. URL: <http://russian.news.cn/>

¹² *Лузянин С.* Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности. URL: <http://www.ifes-ras.ru/>

¹³ «Сообщество общей судьбы» Китай—АСЕАН // Женьминь Жибао. 09.10.2013.

¹⁴ *Кулинецов Ю.* Один пояс, один путь: инициатива с китайской спецификой. URL: <http://russiancouncil.ru/>

¹⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

¹⁶ РИА Новости. 29.12.2016.

¹⁷ *Лузянин С.* Указ. соч.

¹⁸ Синьхуа. Октябрь 2015 г. URL: <http://russian.news.cn/>

¹⁹ Там же.

²⁰ *Кокарев А.* «Новая» внешняя политика Китая. URL: <https://riss.ru/>

²¹ *Чварков С.* Азиатское сообщество общей судьбы // Независимое военное обозрение. 30.01.2015.

²² Выступление главы КНР Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН. URL: <http://inosmi.ru/>

Раздел IV

ГУМАНИТАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШОС С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

*Е.И. Сафронова**

КОЛЛЕКТИВНАЯ «МЯГКАЯ СИЛА» ШОС: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В последнее время доводится слышать сомнения некоторых исследователей в целесообразности сохранения такой структуры, как Шанхайская организация сотрудничества. Они аргументируются тем, что ШОС-де теряет свою международную значимость ввиду смещения интереса Китая и целого ряда его партнеров на проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), она не выполняет какой-либо значимой экономической роли, вероятность ее вплетения к ОПОП остается сомнительной, а функции безопасности, которым уделяется внимание, особенно со стороны России, вполне могут быть осуществлены самостоятельно или благодаря решениям двустороннего уровня. Соответственно подвергается сомнению нужность и гуманитарного компонента ШОС, поскольку он, дескать, не выполняет какой-либо значимой международной роли.

* *Сафронова Елена Ильинична*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Такое мнение имеет право на существование, как и то, что ШОС — все-таки нужная и важная интернациональная структура со своей «нишей» в картине мировой жизни. Если исходить из последнего положения, то видится логичным подумать о том, что придало бы новый импульс развитию ШОС и как Организация реально сможет послужить интересам ее членов, партнеров и мирового сообщества как такового.

ШОС позиционирует себя в качестве многопрофильной, многофункциональной структуры, одним из основных и конструктивных направлений которой является гуманитарное сотрудничество (ГС). В ст. 3 Хартии ШОС обеспечение рационального природопользования, включая использование водных ресурсов, реализация совместных природоохранных программ и проектов, оказание взаимопомощи в предупреждении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и в ликвидации их последствий, взаимодействие в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма названы среди основных направлений активности Организации. Все они составляют гуманитарный комплекс кооперации.

Важность гуманитарного сотрудничества в ШОС определяется двумя основными обстоятельствами. *Во-первых*, ГС — это средство сглаживания противоречий внутри ШОС. Это единственная сфера деятельности «октета», полезность которой не подвергается сомнению никем, даже на невидимом кулуарном уровне. *Во-вторых*, ГС, будучи сравнительно малозатратной областью кооперации, приносит, тем не менее, ощутимые результаты на уровне широких масс, а не высоких кабинетов. ГС можно использовать как средство неформальной дипломатии и как иллюстрацию и доказательство жизнеспособности ШОС тогда, когда в других сферах сотрудничества наблюдается торможение или несогласованность.

О состоянии, задачах и вероятных перспективах ГС в ШОС достаточно подробно говорилось в серии статей автора, посвященных этой проблематике. Сейчас же видится небесполезным выйти на новый виток дискурса и подумать о целесообразности формирования коллективной «мягкой силы» ШОС как эманации ее гуманитарной составляющей, но направленной не внутрь Организации, а вовне — на широкий круг международных партнеров.

Определение «мягкой силы» (МС) подвергается множественным коррективам и модификациям. Нет ее единой трактовки в мировой политологии до сих пор. Даже сам Дж. Най — основоположник концепции в новейшее время — не остановился на единственной дефиниции. Если в 2004 г. он полагал, что МС — это «способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов», то в 2011 г. «мягкой силой» он считал «реализацию собственных целей через сотрудничество в определенных сферах», не конкретизируя их¹. То есть по сути здесь уже не отрицается ни возможность существования финансово-экономической ипостаси МС, ни иных ее проявлений, что, на наш взгляд, — вполне верно.

Автор дерзает предложить универсальное определение: МС — это любые действия субъекта международных отношений по достижению его целей через ресурс доверия и привлекательности его политико-экономического имиджа, осуществляемые без применения насилия. Причем не насилия вообще, а только такого, которое не было спровоцировано агрессией извне. То есть защита населения не просто от природных бедствий, но и от этнических чисток и бандитских нападений — это тоже проявление МС, ибо акции защиты имеют ярко выраженный гуманитарный и гуманистический характер, хотя и реализуются в опоре на «жесткий» инструментарий.

Почему выработка «мягкосиловой» политики может быть полезна для ШОС и какие функции способна выполнять?

Во-первых, ее наличие является показателем статусности международного актора, его авторитетности и вообще свидетельствует о степени его зрелости, ибо МС не возникает без наработанного политико-экономического фундамента. Целесообразность обретения субъектом МО собственной «мягкосиловой» политики ныне не отрицается никем.

Во-вторых, и это главное, — мягкосиловая активность ШОС способна облегчить решение некоторых проблем международного позиционирования и восприятия ключевых, стерженеобразующих членов Организации — Китая и России, а также авторитета ШОС как таковой.

И, наконец, выработка политики МС и ее реализация могут помочь в актуализации роли ШОС в новейшее время.

Практическая полезность активизации «мягкосилового» ресурса ШОС обуславливается следующими обстоятельствами:

1. Осложнением международной обстановки вокруг «стержнеобразующих» стран ШОС — Китая и РФ. Так, недавно министр иностранных дел Германии З. Габриель заявил, что Китай и России постоянно пытаются подорвать единство Европейского союза, стараясь влиять на некоторых его членов путем политики «кнута и пряника». Он также назвал китайский проект «Пояс и путь» механизмом инвестирования огромных средств в продвижение системы ценностей, отличной от западной. Президент же США Д. Трамп в течение нескольких последних месяцев неоднократно называл Китай и РФ главными источниками угрозы для его страны². А Еврокомиссия выдвинула общеевропейский законопроект об ограничении китайских инвестиций. Эта инициатива сводится к тому, что Брюссель должен иметь право вето в вопросах инвестиционных проектов или покупки активов внеевропейскими компаниями, дабы исключить «угрозу интересам безопасности Евросоюза»³. Нарастают риски и масштабной торгово-санкционной «войны» между КНР и США⁴.

2. Процессами, происходящими во внутренней жизни КНР. Так, после XIX съезда КПК и согласно его решениям будет нарастать «авторитаризация» власти в Китае. Наверняка это нанесет ощутимый удар по МС Китая в так называемом демократическом мире. Сосредоточение власти в одних руках, скорее всего, потребует модернизации охранно-репрессивного аппарата, что приведет к новому витку спада МС Китая за рубежом. А что бы там ни говорилось, но Китай (да и Россия) все же более озабочен тем, какое он производит впечатление именно на Западе.

Да, Д. Трамп заявил, что отмена ограничения на срок полномочий президента — дело, могущее быть полезным и в реалиях США, но это отнюдь не значит, что бессменность правления Си Цзиньпина не подвергнется обструкции со стороны Вашингтона и его союзников. США могут благоволить даже жестким репрессивным режимам, лишь бы они были полезными Америке (так, никарагуанский президент А. Сомоса в свое время был прощен Вашингтоном за диктаторские методы правления, поскольку он, по словам Л. Джонсона,

хоть и «негодяй, но наш негодяй»). Китай же никогда не был и вряд ли станет «нашим» для США, поэтому никакой режим его правления не угодит Вашингтону.

Понятно, что чем больше напряженность в МО, тем сильнее необходимость найти способ сосуществования и компромисса. Неразумно смотреть на обострение отношений просто как на неизбежную данность. Странам — «основателям» ШОС важно выявить новые способы позитивизации их образа в мире, что и является главной задачей МС. И поскольку действенность МС Китая и РФ на страновом уровне находится под угрозой, то как знать: может быть, ШОС и станет тем приводным ремнем, той страховочной «подушкой», благодаря которым «мягкая сила» КНР и России будет более успешна. Ибо это уже не будет «лобовая» МС неугодного режима, но «мягкая сила» многопрофильной международной организации, ставящей перед собой гуманистические цели. Коллегиальная МС будет восприниматься все же не так настороженно, как индивидуальная китайская или российская.

Разработка «мягкосиловой» политики «шанхайского октета» может быть полезной в деле обретения Россией еще одного репутационного актива. (Ныне РФ — ведущая сила в оборонной составляющей Организации.) МС Китая на пространстве ШОС проявляется все-таки через ее экономическую ипостась. Но вот «гуманитарная экспансия» КНР в ЦАР, по мнению центральноазиатских экспертов, отсутствует ввиду больших различий между культурами и мировоззренческими ценностями ЦАР и Китая. Китайский язык становится более популярным, но он весьма труден для освоения, а получить китайское образование под силу в лучшем случае 5 % населения и только, если оно само этого захочет⁵. При этом, даже по признанию западных наблюдателей, центральноазиатские государства продолжают доверять российскому рынку, особенно трудовому, русский язык остается языком регионального общения, и российское политическое, образовательное и культурное влияние на страны Центральной Азии по-прежнему превышает китайское⁶. В Индии также сохранилось дружественное восприятие нашей страны. Поэтому при разработке «шосовской» «мягкосиловой» политики России все еще доступна роль идейного вдохновителя и ключевого автора концепции, и важно не терять гуманитарные ресурсы РФ.

В чем же может быть выражена коллективная «мягкая сила» ШОС? По каким направлениям следует искать ее слагающие элементы?

Если исходить из «классического», изначального определения Дж. Ная, который считает ключевыми проявлениями МС культуру, политические/мировоззренческие ценности и привлекательность внешнеполитического курса, то в ШОС складывается такая картина.

Культура стран ШОС — многонациональна, весьма интересна, она содержит элементы и западной, и восточной, и южной традиций, и ее многообразие и богатство при грамотной их подаче — это несомненный «мягкосиловой» ресурс. В деле его активации может быть полезен и опыт советских времен, и наработки китайской культурной пропаганды.

А вот коллективных политических и мировоззренческих ценностей, пригодных для демонстрации за рубежом, у ШОС нет. В том плане, что «авторитаризация» управленческих режимов во многих странах «октета» не может служить «мягкосиловым» активом не только на Западе, но и даже в некоторых сегментах развивающегося мира, имевших аналогичный опыт и преодолевших его. Например, это многие страны Латинской Америки, более восприимчивые к западным общественным образцам, и даже Африки, не разделяющие принцип высокой «зарегламентированности» внутренней жизни некоторых стран. История уже доказала контрпродуктивность сиюминутного насаждения политики и идеологий. Образцы «донора» должны «приняться» на почве стороны-реципиента, органично прорасти, а это — длительный и ресурсозатратный процесс.

Нет у ШОС и единой внешней политики и быть не может, во всяком случае пока. Для обретения общего политического курса Организации надо пройти шесть этапов интеграции (охарактеризованных теорией МО) и выйти на уровень Евросоюза, который ныне является единственным пример интеграционного объединения высшего уровня, и посему имеющего общую официальную внешнюю политику. ШОС же пока не достигла даже первой ступени интеграции — создания зоны свободной торговли. Кроме того, принцип многовекторности внешнеполитического курса, пестуемый большинством стран Организации, тоже служит препятствием для выработки единой международной линии ШОС. Можно вспомнить и то, что, на-

пример, Казахстан имеет индивидуальный план партнерских отношений с НАТО⁷. Играет роль и фактор упрямого недоверия внешней политике КНР и России со стороны Запада.

То есть если МС ШОС в «классическом» понимании не прорисовывается, то за счет чего она может быть сложена?

В каком-то смысле одно направление «мягкой силы» у ШОС уже есть: это сотрудничество с международными межправительственными организациями. Открытость Шанхайского форума развитию диалога с прочими международными структурами зафиксирована в Хартии ШОС.

Кооперационные международные объединения — сами по себе авторитетные субъекты МО, взаимодействие с которыми бонифицирует репутацию мирового актора. Поэтому можно сказать, что работа с ними — не только естественный вектор деятельности государства по сохранению внешнего «круга поддержки», но и стратегический аспект «мягкой силы».

Наиболее значимым партнером Организации является ООН. С 2004 г. ШОС имеет статус наблюдателя в ГА ООН, ведет сотрудничество с рядом структур ООН, например с ее Управлением по наркотикам и преступности, с которым Секретариат ШОС подписал меморандум о взаимопонимании (2011 г.); с ЭСКАТО (меморандум подписан в 2015 г.).

Высокие представители ООН принимают участие в ежегодных саммитах ШОС.

Меморандумы о взаимопонимании Секретариатом ШОС также подписаны с соответствующими органами СНГ (2005 г.); АСЕАН (2005 г.); ОДКБ (2007 г.); Организации экономического сотрудничества (ОЭС) (2007 г.), СВМДА (2014 г.); Международного комитета Красного Креста (МККК) (2017 г.). Подписание меморандума с МККК — одной из старейших и по-прежнему авторитетных организаций мира — служит свидетельством того, что гуманитарная составляющая является одним из ключевых направлений деятельности ШОС, а также доказательством озабоченности Организации вопросами социального благополучия ее народов⁸.

С ОДКБ поддерживается многогранный диалог, предметом которого являются вопросы обеспечения региональной и международной безопасности, противодействия терроризму, борьбы с нарко-

торговлей и незаконным оборотом оружия, противодействие транснациональной преступности. Для ШОС особо ценен опыт ОДКБ в борьбе с наркоторговлей⁹. Недавно устами президента Н. Назарбаева было заявлено о стремлении ШОС налаживать отношения с ЕАЭС и Организацией исламского сотрудничества¹⁰.

Благоприятно, что Шанхайский форум обладает юридической базой взаимодействия с международными объединениями в форме пусть пока «временной», но ясно прописанной схемы взаимоотношений Шанхайской организации сотрудничества с другими международными организациями и государствами¹¹.

Но в целом старые мировые «игроки» уже сложили международную номенклатуру и практику «мягкосилового» инструментария, которую трудно затмить. Она базируется на общем прошлом многих стран по вектору «метрополия—колония», сформировавшем языки общения, опыт благотворительной и медицинской помощи, общественные институты, стандарты образования, культурные вкусы и предпочтения. Франция проводит и ныне энергичную лингвистическую политику, на которую ежегодно тратит порядка 1 млрд долл., укрепляя статус французского языка в бывших колониях и во всем мире. МС Европейского союза опирается на научные достижения: Франция занимает первое место по числу Нобелевских премий в области литературы, Великобритания, Германия и Испания — соответственно второе, третье и четвертое. Великобритания, Германия и Франция занимают второе, третье и четвертое место по премиям в области физики и химии. Кроме того, Великобритания, Германия и Франция — на третьем, четвертом и пятом местах (после США и Японии) по объемам продаж музыкальной продукции и ее носителей. Германия и Великобритания занимают третье и четвертое место по продажам книг и четвертое и пятое — по количеству интернет-сайтов¹². Немалые финансовые средства страны ЕС направляют на программы «помощи развитию» широкому кругу стран мира, что тоже являет собой яркий пример «мягкой силы».

В силу понятных обстоятельств ШОС следует не пересматривать эту устоявшуюся практику (что маловыполнимо и крайне затратно), а вписаться в нее, предложив нечто важное, но доступное не всем. Автор согласен, что мощным «мягкосиловым» ресурсом Шанхай-

ского форума могло бы стать миротворчество¹³, осуществляемое в рамках запросов и решений ООН.

2. Миротворчество — мощный репутационный актив субъекта МО, в котором вступают в симбиоз его «мягкая» и «жесткая» силы и который является уважаемым направлением интернациональной активности. Важно, что ООН не только приветствует миротворческие намерения ее членов, но все чаще предпочитает делегировать им соответствующие функции на региональном уровне. Глава VIII «Региональные соглашения» Устава ООН, в частности ее ст. 52, гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения... вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации»¹⁴. А ШОС в своей Хартии ставит перед собой задачу взаимодействия «в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании» (ст. 1)¹⁵, что отражает функции миротворчества.

ШОС не позиционирует себя как военный блок, но как структура, задачей которой во многом является сотрудничество по обеспечению безопасности и стабильности в Евразии. ШОС не располагает коллективными вооруженными силами: Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) к ВС причислить никак нельзя, поскольку она имеет невойсковые функции, структуру и назначение. Проводимые ШОС учения «Мирная миссия» с трудом можно назвать «военными маневрами», ибо их сценарий не включает отработку взаимодействия по отражению агрессии со стороны какого-либо государства, но фокусируется на отработке антитеррористического компонента взаимодействия¹⁶. (В уставных документах ШОС прямо сказано о ненаправленности Организации против третьих стран.)

Тем не менее РАТС на Западе воспринимается более как структура агрессивного выплеска ШОС и подавления внутренних инакомыслящих. В плане активизации МС ШОС видится небесполезным «смягчить» имидж Организации как носителя силового потенциала. Поэтому принятие миротворческой деятельности в число направлений работы ШОС могло бы стать таким демпфирующим фактором.

Не обязательно включаться в эту международную деятельность немедленно (она потребует долгой юридической, технической и материальной подготовки и наверняка встретит сопротивление со стороны «западного» крыла СБ ООН), но заявить о соответствующих намерениях — уже небесполезный шаг.

Специалисты отмечают (Л.Е. Васильев, ИДВ РАН), что возможности самой РАТС не могут быть использованы в миротворчестве, ибо эта структура действует, скорее, по принципу Интерпола, а не «голубых касок». Однако в принципе продумать пути подключения ШОС к международному миротворчеству под эгидой ООН — затея конструктивная. Она способна сыграть мощную пропагандистскую роль и смягчить опасения мирового сообщества перед всё еще обсуждаемой «китайской угрозой» и «агрессивностью Москвы».

То, что страны ШОС подписали с ООН документы о сотрудничестве, создает предпосылку для кооперации сторон в вопросах миротворчества. В Резолюции Генассамблеи ООН «О сотрудничестве между ООН и ШОС», принятой 14 февраля 2013 г., подчеркивается важная роль ШОС в деле обеспечения мира и устойчивого развития, содействия росту регионального сотрудничества¹⁷. Таким образом, можно сказать, что ШОС получила не только пермиссию, но и право для налаживания кооперации с ООН, в том числе и в вопросах миротворчества.

В этом направлении можно было бы продумать создание объединенного миротворческого подразделения стран — членов ШОС. В первую очередь, оно может быть полезным для внутренних «нужд» самой Организации. Вопрос можно поставить в плоскости формирования пусть пока немногочисленной группы непостоянной дислокации, но систематически проходящей спецучения. В плане ее гипотетической деятельности за рамками ШОС главное — юридическая, практическая и финансовая привязка к намерениям и решениям ГА ООН. В случае одобрения ООН идеи задействования «шосовского» подразделения, может оказаться уместным опыт «голубых касок» Китая, который ныне — второй по значению финансовый спонсор миротворческих операций ООН. Численность его миротворческого контингента возросла с 400 человек в 1990 г. до 22 тыс. в 2013 г. В Пекине участие в миротворчестве названо «стратегическим приоритетом» КНР¹⁸. Китай успешно выполняет миротворче-

ские миссии самостоятельно, и есть риск, что идея о «шосовском» миротворчестве его не вдохновит. Однако Организация нуждается в новых доказательствах ее активности, и Пекин, видимо, это осознает.

В целом миротворчество особо полезно тем, что, с одной стороны, в формате его акций обеспечивается общая тренировка силовых подразделений как таковых, а с другой — происходит позитивизация имиджа субъекта МО на мировой арене. Принцип «два в одном» — в действии.

3. Думается, что существует целесообразность развития МС ШОС и по линии превентивной дипломатии (ПД). Превентивная дипломатия может быть связана с миротворчеством на практической фазе своей реализации или же быть самостоятельным ресурсом на официальном предварительно-переговорном уровне.

Концепция превентивной дипломатии в нынешнем ее понимании была выдвинута в Докладе СБ ООН генерального секретаря ООН Бутроса Гали от 31 января 1992 г., где он охарактеризовал ПД как «действия, направленные на предупреждение возникновения споров между сторонами, недопущение перерастания существенных споров в конфликты и ограничение конфликтов после их возникновения»¹⁹. Думается, что превентивная дипломатия может стать органичной функцией ШОС, придающей «октету» немалую «мягкую силу», поскольку «дух» превентивной дипломатии у ШОС «в крови». Как известно, предшественница ШОС — «шанхайская пятерка» — создавалась в 1996 г. с главной целью обеспечить стабильность вдоль границ бывших советских республик и Китая, в частности путем консультаций, выработки и укрепления мер доверия в военной области в районе границы.

А меры доверия, обмен информацией, системы раннего взаимоповещения, мониторинг обстановки в точках сосредоточения конфликтогенного потенциала — это ключевые механизмы ПД.

Превентивную дипломатию можно реализовать с помощью инструментария «публичной» дипломатии, составляющей грань «мягкой силы» государства. Так, важным средством «публичной» дипломатии является отслеживание тенденций общественного мнения²⁰. Оно весьма полезно для выявления фактов нагнетания конфликтогенности на уровне социальных или межэтнических отношений.

Особая польза «публичной» дипломатии заключается в том, что в случае формирования взрывоопасной обстановки она позволяет задействовать собственные, неформальные и потому — зачастую более быстрые каналы связи и оповещения.

Для начала опыт превентивной дипломатии ШОС логично и полезно «отточить» на пространстве самой Организации. В ней существует много точек вероятных «вспышек» и в пограничных районах, и в местах проживания разных этнических групп. Это Киргизская республика с его уйгурской и дунганской общинами, Ферганская долина, где встречаются друг с другом рубежи и этносы Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, граница зачастую неспокойного СУАР КНР и Казахстана, сопредель Пакистана и Индии. То есть миротворчество и превентивная дипломатия — это не только репутационный актив ШОС, направленный вовне, но и вид деятельности, весьма полезный и для «внутреннего пользования».

В заключение видится целесообразным высказать ряд соображений и рекомендаций.

Формирование МС ШОС по пути развития миротворческой функции, реализации «мягкосиловой» политики и задействования каналов коллективной публичной дипломатии — процесс далеко не сиюминутный. Но уже сейчас просматриваются некоторые иные, более выполнимые пути развития «общешосовской» МС. Это:

1. Создание коллективных СМИ не только через улучшение работы официального сайта «октета», но и публикацию красочных и познавательных печатных изданий. Примером может послужить соответствующий опыт КНР в странах — членах ШОС. Так, в 2015 г., спустя только два года после провозглашения Пекином курса на создание «Пояса и пути», в Киргизии стала издаваться бесплатная газета «Шелковый путь. Культурное развитие» — ныне вторая по тиражности газета в КР. Статьи публикуются на трех языках: киргизском, русском и китайском. Есть у газеты и странички в Интернете, в частности на Facebook²¹. То есть издание вышло и на цифровой уровень, что сейчас не просто модно, но просто нужно и актуально. Однако газета, являясь ярким примером «мягкой силы», пока еще не освободилась от типичной ошибки китайских медиа: она страдает избытком официоза, и этого недочета коллективным СМИ ШОС следует избежать. По мнению Дж. Ная, финансируемые правительством

усилия по продвижению своей культуры за рубежом порой не увенчиваются успехом из-за того, что они часто рассматриваются не как просветительская деятельность, а как государственная пропаганда²². А она не оседает в умах простых людей и зачастую вызывает реакцию отторжения.

Создание общего печатного органа ШОС — дело недорогое, если сравнивать, например, с проведением различных культурных (и не только) мероприятий ШОС, и крайне желательное.

2. Составляющие Университет ШОС (УШОС) вузы — это весьма перспективные носители коллективной МС. Надо «поднимать на щит» Университет ШОС именно как коллегиальное образовательное явление, как совместную гуманитарную единицу, как просветительское «лицо» всей Организации. Видимо, не стоит замыкаться на работе внутри «октета», но взять курс на выход УШОС за рамки ШОС и ориентировать его на получение рейтинга на мировом рынке образовательных услуг. Это потребует повышения качества работы Университета и соответственно — новых затрат. Но в итоге позитивно скажется на уровне образования в самой Организации, во что стоит вложиться. Видится небесполезным разработка учебных курсов для УШОС по темам «Менеджмент международной организации» и «Управление ресурсами “мягкой силы”».

3. Немалым пропагандистским успехом «шанхайского октета» стало бы создание пусть небольшой, но сети больниц, базирующихся в особенно социально неблагополучных точках на территории Организации, а лучше всего — плавучего госпиталя, который, по примеру китайского госпитального судна «Хэпин Фанчжоу» («Ковчег мира»), оказывал бы помощь простому населению не только по береговой линии стран-соседей КНР и Индии, но и по всему миру. Или же, во упрощение задачи, можно было бы обговорить с Китаем вопрос о включении в миссию «Ковчега мира» специалистов из стран ШОС и через это — придание ей дополнительной роли — роли выразителя коллективной воли и «мягкой силы» ШОС.

(«Хэпин Фанчжоу» с 2010 г. заходил в страны Южной Азии, Тихого океана, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна и даже Австралию для оказания бесплатной медицинской помощи местным жителям и обмена опытом с коллегами из указанных стран.)

Сотрудничество в развитии здравоохранения, которое можно назвать «дипломатией здоровья», бесспорно, служит эффективным средством «мягкой силы» субъекта МО и демонстрации его гуманистического характера, ибо затрагивает сознание простых небогатых граждан, особо чувствительных к помощи и поддержке.

И наконец, стоит подчеркнуть, что возведение «мягкосиловой» активности в ранг коллективного политического курса международной организации представляет собой беспрецедентное явление в мировой жизни. До сих пор этого не делало ни одно интернациональное объединение. Если бы ШОС решилась на такой шаг, то он стал бы яркой инновацией в теории и практике международных отношений.

Примечания

¹ Цит. по: URL: <https://kokshetau.asia/interesnoe/17202-myagkaya-sila-rossii-v-tsentralnoj-azii>

² Приводится по: *Gao, Charlotte*. China's Soft Diplomacy at the Munich Security Conference// The Diplomat. 2018. № 2. URL: https://thediplomat.com/2018/02/chinas-soft-diplomacy-at-the-munich-security-conference/?utm_content=buffer4965c&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

³ URL: <https://ria.ru/analytics/20180310/1516055941.html>

⁴ Trump trade war: China tells US it will defend national interests. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-43525592>

⁵ *Бердаков Д.* Механизмы «мягкой силы» Китая в Кыргызстане. URL: <http://eurasia.expert/mekhanizmu-myagkoy-sily-kitaya-v-kyrgyzstane/>

⁶ См., например: *Mendee Jargalsaikhan*. China and the SCO — Influence and 'Soft Power'. URL: <http://apm.iar.ubc.ca/china-and-the-sco-influence-and-soft-power/>

⁷ *Куртов А.* ОДКБ и ШОС объединились. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2007-10-22/16_odkb-shos.html?id_user=Y

⁸ Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/?idn=16792>

⁹ URL: <http://rus.sectsko.org/cooperation/#2>; URL: <http://rus.sectsko.org/news/20080519/520.html>

¹⁰ URL: <https://www.zakon.kz/4863108-kazakhstan-vystupaet-za-nalazhivanie.html>

¹¹ URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=91>

¹² Цатурян С. А. «Мягкая сила» ЕС: инструмент создания единственной сверхдержавы // Молодой ученый. 2010. № 1-2. Т. 2. С. 181—186. URL: <https://moluch.ru/archive/13/1223/> (дата обращения: 14.03.2018).

¹³ Барский К.М. Перспективы участия ШОС в миротворческой деятельности, предотвращении и урегулировании конфликтов. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/011_mo_barskiikm.pdf

¹⁴ Организация Объединенных Наций. Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-viii/index.html>

¹⁵ Цит. по: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/perspektivy-uchastiya-shos-v-mirotvorcheskoj-deyatelnosti-predotvraschenii-i-uregulirovanii-konfliktov>. С. 95.

¹⁶ URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2007-10-22/16_odkb-shos.html?id_user=Y

¹⁷ Приводится по: Барский К.М. Указ. соч.

¹⁸ Приводится по: Nantulya, Paul. Pursuing the China Dream through Africa: Five Elements of China's Africa Strategy. URL: <https://africacenter.org/spotlight/china-dream-five-elements-china-africa-strategy>

¹⁹ Бутрос-Гали Б. Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 г. на заседании Совета Безопасности на высшем уровне / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1992. С. 4.

²⁰ См.: Бояркина А.В., Лыков К.Ф., Печерица В.Ф. Превентивная дипломатия как инструмент «Мягкой силы» КНР. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preventivnaya-diplomatiya-kak-instrument-myagkoy-sily-kr>

²¹ URL: <http://eurasia.expert/mekhanizmy-myagkoy-sily-kitaya-v-kyrgyzstane>

²² Приводится по: URL: <https://kokshetau.asia/interesnoe/17202-myagkaya-sila-rossii-v-tsentralnoj-azii>

*Ю.В. Кулинцев**

МЯГКОСИЛОВЫЕ ФАКТОРЫ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТА ШОС)

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) находится в центре внимания как мировой общественности, так и политиков разных государств мира. Основными целями и задачами ШОС, наряду с совместным противодействием силам «трех зол», также является поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, культурной и образовательной сферах¹. Достижению поставленных целей отвечает деятельность Университета ШОС, идея о создании которого была предложена в 2007 г. на Бишкекском саммите глав правительств государств — членов ШОС, когда Россия выступила с инициативой создать университет, основанный на сетевом принципе.

С географической точки зрения «Один пояс, один путь», одна из основных частей которого проходит по странам Центральной Азии, в значительной мере пересекается с территориальной зоной ответственности Шанхайской организации сотрудничества. Пространство ШОС предоставляет возможность активного многостороннего взаимодействия для поиска совместных решений и инновационных форм сотрудничества². Глобальный характер экономики неизбежно потребовал организации глобального образования, но в

* *Кулинцев Юрий Викторович*, научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

этом процессе должны быть учтены актуальные вызовы и угрозы. Создание современной воспитательной среды стало одной из целей функционирования нового международного образовательного учреждения. В рамках Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС) были сформированы такие формы взаимодействия, которые позволили раскрыть достоинства систем образования стран-участниц.

В октябре 2008 г. в Астане на втором совещании министров образования государств — членов ШОС был подписан ряд документов, отразивших общее стремление стран к созданию Университета, а также подтвердивших общее содержание Концепции Университета ШОС. На третьем совещании министров образования, которое состоялось в 2010 г. в Новосибирске, была принята новая редакция Концепции Университета ШОС, в которой были определены основные направления подготовки (регионоведение, энергетика, нанотехнологии, экология, IT-технологии) и сформулирована миссия Университета: «Осуществление скоординированной подготовки высококвалифицированных кадров на основе согласованных инновационных образовательных программ по специальностям, представляющим приоритетный интерес для экономического и социального развития государств — членов Шанхайской организации сотрудничества»³.

В сентябре 2010 г. состоялся пилотный запуск магистратуры Университета ШОС, и в российские вузы приехали более 100 студентов из Казахстана, Киргизии и Таджикистана. С этого момента УШОС стал полноценной частью ШОС, занимая достойное место наряду с Форумом ШОС, Деловым советом ШОС, Молодежным объединением ШОС (рис. 1).

В настоящее время сетевой Университет ШОС представляет собой объединение головных вузов стран — участников проекта. В состав УШОС по состоянию на 2017 г. входит более 70 университетов из Республики Беларусь, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и России. От России представлено 22 вуза, от КНР — 20, от Казахстана — 14, от Киргизской Республики — 9, от Таджикистана — 10, от Беларуси — 1. В списке российских вузов — два вуза, имеющих статус федерального университета, и шесть вузов в статусе национального исследовательского университета.

Рис. 1. Организационная структура ШОС.

Источник: URL: <http://wiki-org.ru>

Созданная структура представляет собой межгосударственную сеть уже существующих университетов в государствах — членах ШОС, в странах-наблюдателях и партнерах по диалогу, которые объединились для достижения целей:

- укрепления взаимного доверия и добрососедских отношений между государствами — членами ШОС;
- развития интеграционных процессов в области образования, науки и технологий;
- придания нового импульса к расширению многостороннего образовательного, научного и культурного сотрудничества;
- расширения возможностей для молодежи получать качественное современное образование, а для педагогов и ученых — развивать научные контакты;
- содействия эффективному сотрудничеству государств — участников Организации в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях⁴.

Уникальный проект, создавший единое образовательное пространство на территории Евразии, где проживает более четверти на-

селения земного шара более 100 национальностей, где соприкасаются разные культуры и где действует около 4,5 тыс. высших учебных заведений, обрел новое наполнение в контексте мягкосиловых факторов концепции «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), значительно повысив актуальность сотрудничества в образовательной сфере. Университет ШОС стал способствовать более широкому международному сотрудничеству ученых, преподавателей и студентов, что, в свою очередь, стало проявлением механизма «мягкой силы»⁵ в культурно-гуманитарном сотрудничестве стран ШОС. С геополитической точки зрения УШОС является одним из элементов «мягкой силы», но его уникальность заключается в том, что он работает не на одну страну, а воздействует своей «мягкой силой» на все страны-участницы.

В целях формирования единого социокультурного и образовательного пространства государств — членов Шанхайской организации сотрудничества придается важное значение разработке совместных образовательных программ, где особое место уделяется идее создания благоприятной среды для молодежи, которая не препятствует нормальным и естественным политическим, экономическим, культурным и иным контактам новых субъектов международных отношений, а поддерживает традиционные связи прежних десятилетий в области науки, образования, развития молодежи. Такая политика для стран — членов ШОС означает четкое осознание своей роли на пространстве Организации и в судьбе молодого поколения ее стран.

На данный момент первоочередные мероприятия по созданию Университета ШОС направлены на решение чисто научно-образовательных задач, а именно:

- расширение обмена учащимися, студентами, аспирантами, докторантами и научно-педагогическими работниками;
- подготовка профессиональных кадров для осуществления совместных проектов на пространстве ШОС, для совместного реагирования на социально-политические, экономические, экологические и иные вызовы;
- увеличение научно-академического сотрудничества;
- внедрение современных образовательных методик и технологий;

- создание механизмов признания и эквивалентности документов об образовании Университета ШОС государствами — членами ШОС и мировым образовательным сообществом.

Среди дополнительных задач выделяется:

- проведение экспертиз и выработка рекомендаций в конкретных областях сотрудничества ШОС;
- подготовка кадров для структур ШОС и аффилированных с ней организаций;
- создание сети языковых (русский и китайский) и страноведческих курсов⁶.

В настоящее время в результате институционального и политико-экономического развития вес ШОС в мировых делах значительно увеличился. С каждым годом усиливается роль и влияние Организации на региональном и глобальном уровнях, в том числе с учетом деятельности ШОС в ООН, взаимодействия организации с такими структурами, как «Группа двадцати», НАТО, АСЕАН, БРИКС. Расширение состава участников, института наблюдателей, создание группы стран — партнеров по диалогу также усиливает влияние Организации в различных частях мира⁷. Используя формат ШОС, государства-члены могут на равноправной основе проводить в жизнь интеграционные проекты с учетом своих национальных интересов.

Потенциал, заложенный в ШОС, позволяет посредством создания единой образовательной среды использовать ресурсы «мягкой силы» (рис. 2), которая наряду с «народной дипломатией», СМИ и традиционным культурно-гуманитарным сотрудничеством является одним из эффективных инструментов продвижения своих интересов в современном мире.

Наиболее эффективно среди стран ШОС «мягкую силу» использует КНР. Предложенная Пекином концепция стала новым, нестандартным средством утверждения имиджа Китая как дружественного, миролюбивого, достойного доверия геополитического партнера. Подобное его позиционирование в международном сообществе стало основой того, что «мягкой силе» в китайской дипломатии стало уделяться значительно больше внимания. «Мягкая сила» становится для Китая формой глобального взаимодействия, механизмом эффективного и при этом несилового разрешения разногласий и противоречий⁸.

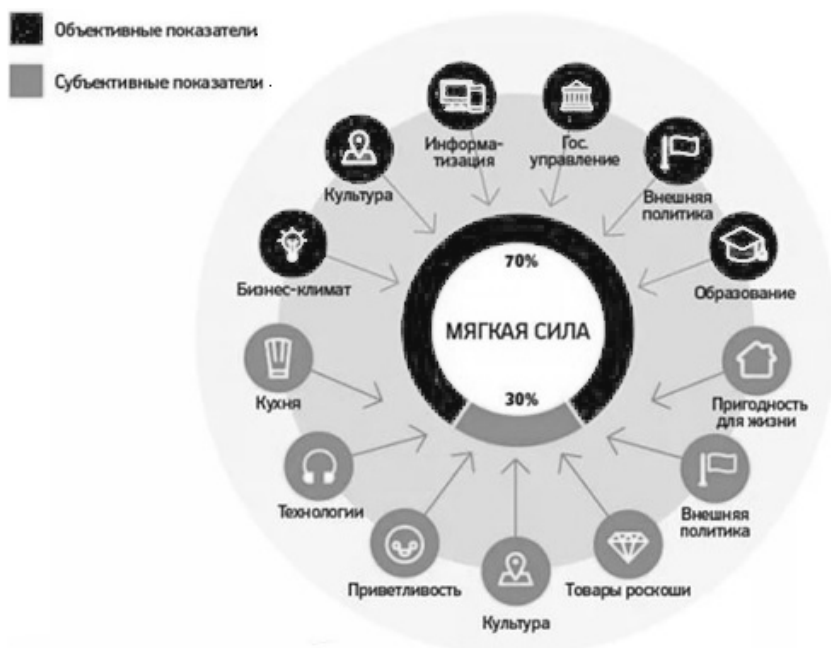

Рис. 2. Факторы «мягкой силы».

Источник: Global ranking of Soft Power, Portland PR Limited

Экономическое возвышение Китая, который начиная с 2011 г. признан экспертами второй экономикой мира по суммарным размерам ВВП, заставило мировое сообщество обратить внимание на факторы, способствующие мощному прогрессу азиатского гиганта. Основным драйвером, способствующим росту Китая, стала миграция людей из аграрного сектора страны в современные отрасли экономики, промышленность и услуги. Примерно в то же время администрации Б. Обамы принимает решение о «возвращении» США в Восточную Азию.

Учитывая эти тенденции мирового и регионального развития, правительство Китая разрабатывает и в 2013 г. официально объявляет о концепции «Экономического пояса Шелкового пути», которая становится основой новой внешней стратегии страны на ближай-

шую историческую перспективу. Заявленная цель крупномасштабного проекта направлена на развитие новых экономических факторов, способствующих более эффективному распределению ресурсов в регионе и укреплению рыночной интеграции между государствами Евразии и Африки.

Концепция «Экономического пояса Шелкового пути», которая позже была объединена с концепцией «Морской Шелковый путь XXI века» под общим названием — инициатива «Один пояс, один путь», получила всеобъемлющее распространение и была позитивно воспринята большинством стран региона. Высокопоставленные чиновники соседних с Китаем государств отмечали, что новая инициатива является важной, конструктивной и своевременной и что их страны готовы активно участвовать в данном процессе⁹. Для стран Центральной Азии многосторонний китайский проект выглядел наиболее выигрышно, он позволял естественным образом сформировать евразийскую экономическую зону, включающую в себя страны ЕС, Россию, Ближний Восток и Китай.

После прихода к власти лидер КНР Си Цзиньпин сразу выдвинул целый ряд новых социо-культурных, имиджевых и экономических концепций: «китайская мечта», «азиатско-тихоокеанская мечта», «новый тип отношений между крупными державами», «сообщество общей судьбы», «новое взаимодополнение справедливости и выгоды», которые стали своеобразными дипломатическими лозунгами¹⁰. Не следует забывать, что концептуальное обеспечение внешних и внутренних инициатив КНР всегда было важным целевым направлением идеологической работы китайского руководства.

Курс на реализацию инициативы «Один пояс, один путь» с опорой на ряд «мягкосиловых» факторов органично вписывается в новую фазу внешнеполитической деятельности Китая. В официальных китайских документах четко просматривается идея о высоком «мягкосиловом» значении концепции «Один пояс, один путь». Отмечается, что данный проект поможет странам-участницам расширить процессы гуманитарных обменов и взаимообогащения культур во имя большего взаимодоверия и взаимоуважения, международной гармонии, спокойствия и достатка¹¹.

Поддержка ведущих международных организаций также оказывала положительное влияние на эффективность китайской «мягкой

силы». В апреле 2015 г. заместитель генерального секретаря ООН Ян Элиассон заявил, что эта инициатива соответствует целям ООН. Высоко оценив многостороннюю направленность внешней политики Китая, он призвал страны — члены ООН приветствовать решения международного уровня, отвечающие интересам многих государств-членов в условиях современного взаимозависимого мира¹².

О существенном успехе международного имиджа и культурной дипломатии КНР, которые являются составными частями «мягкой силы», говорит получение Китаем поддержки от ЮНЕСКО, которая в 2014 г. включила восточные участки «старого» Шелкового пути в список объектов Всемирного наследия человечества¹³.

«Мягкосиловые» факторы, заложенные в инициативе «Один пояс, один путь», показывают, что реализация этой концепции может послужить средством достижения «китайской мечты», т. е. вернуть Китаю статус великой державы и при этом создать новые экономические, межцивилизационные и социо-культурные связи с привлечением потенциала региональных союзников.

С одной стороны, развивающимся партнерам Китая по ЭПШП импонируют такие тезисы, как защита принципа многосторонности и многополярности, поиска справедливости и гармонизации международных отношений, невмешательство во внутренние дела государств, отсутствие политических требований взамен на экономическое сотрудничество. С другой стороны, наличие факторов мягкой силы позволяет Пекину оценивать успешность политических и экономических проектов ЭПШП в зависимости от достижений народной дипломатии, имиджевой работы и конструктивности гуманитарных связей КНР.

Образовательная деятельность в рамках Университета ШОС позволяет использовать преимущество «мягкой силы», заключающееся в том, что через практическое гуманитарное сотрудничество она делает осознание «общности судьбы» более наглядным и достижимым, чем через политические заявления. Гуманитарное наполнение образовательных программ ШОС может стать ключевым для формирования взаимной терпимости в отношении другого образа жизни и мировоззренческих установок¹⁴.

Как носитель «мягкой силы» УШОС способен играть огромную воспитательную роль, поскольку длительный период обучения по-

зволяет развить у студентов новое мышление и приверженность к новому образу действий. Студенты, которые прошли через УШОС, могут не только впитать социо-культурные ценности разных стран, но и стать их распространителями, что станет огромным шагом на пути формирования единых подходов развития Евразии.

Система образования не случайно является одним из ключевых факторов «мягкой силы». Именно в ней закладываются те ценности, которые определяют характер будущего взаимодействия между представителями молодого поколения стран ШОС. Особая роль здесь принадлежит высшим учебным заведениям, которые приобщают студентов к идеалам взаимного доверия, равенства и гуманизма, стремлению к прогрессу, т. е. к тому «шанхайскому духу», который выделяет ШОС среди других международных организаций.

Университеты стран ШОС имеют свои богатые традиции, уникальность которых определяется особенностями соответствующих образовательных пространств. Так, вузы России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, которые ранее входили в состав единого светского образовательного пространства, могут сыграть важную роль в гармонизации образовательных практик на современном евразийском континенте¹⁵.

Необходимо отметить, что у Университета ШОС и инициативы «Один пояс, один путь» существует несколько взаимодополняющих моментов. В рамках двух проектов большое внимание уделяется международному и гуманитарному сотрудничеству, направленному на воспитание молодого поколения, а образовательная сфера является общей областью приложения усилий. Кроме этого, на повестке дня Университета ШОС стоит вопрос гармонизации систем образования Запада и Востока, сопряжение образовательных пространств Евразии. Обсуждается процесс формирования евразийского пространства академической мобильности, взаимного признания квалификаций между европейским и азиатско-тихоокеанским образовательными пространствами¹⁶.

С учетом превращения региона Центральной Азии в важнейший стратегический приоритет китайской инициативы «Один пояс, один путь», общее образовательное пространство позволит в полной мере использовать опыт сотрудничества, который накоплен за годы деятельности Университета ШОС. В этой связи первоочередной стано-

вится задача создания механизмов признания и эквивалентности документов об образовании Университета ШОС государствами — членами ШОС и мировым образовательным сообществом. Решение этого вопроса возможно на основе координации деятельности национальных ведомств, отвечающих за развитие образования. Прежде всего, необходимо начать планомерную работу по доработке Концепции развития Университета ШОС. Основным координирующим органом в данном случае могла бы стать рабочая экспертная группа по развитию сотрудничества в области образования ШОС.

Университет ШОС уже заложил новую форму образовательной интеграции на пространстве Восточной и Центральной Азии, создал модель позитивного взаимодействия на различных организационных и методических уровнях. Эта реально действующая модель может стать важнейшим фактором мягкой силы инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии на основе многостороннего взаимодействия в области образования, предусматривающего создание новых образовательных методик, регулярный обмен студентами, аспирантами и преподавателями, а также работу над совместными научными проектами в рамках вузовской науки.

Примечания

¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 г. URL: <http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=83>

² Кулинцев Ю.В. Национальные интересы стран Центральной Азии в ШОС в свете реализации концепции ЭПШП // Сборник докладов III международной конференции молодых востоковедов. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 38—44.

³ Концепция Университета ШОС: цели и задачи // Университет Шанхайской Организации Сотрудничества. URL: http://uni-sco.ru/stat/2/stat_2.html

⁴ Официальный сайт Университета Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://uni-sco.ru/>

⁵ В сферу международных отношений термин «мягкая сила» (soft power) ввел профессор Гарвардского университета США Джозеф Най, который в 1990 году в ряде политологических публикаций. Это понятие подразумевает использование нематериальных ресурсов, культуры, убеждения и политических идеалов для оказания необходимого влияния на население зарубежных стран без задействования более традиционных элементов силового, в том числе военного, давления.

Можно сказать, что это неагрессивное воздействие, основанное на информационно-идеологических, культурных и имиджевых ресурсах.

⁶ Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.пф/>

⁷ *Лузянин С.Г.* Шанхайская организация сотрудничества. 2013—2015 гг. Прогнозы, сценарии и возможности развития. М., 2013.

⁸ *Сафронова Е.И.* Новые моменты в экономической дипломатии Китая в СВА и АТР и региональная безопасность // Проблемы обеспечения безопасности в СВА: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 82—83.

⁹ *Кулинец Ю.В.* «Один пояс, один путь»: инициатива с китайской спецификой // Российский совет по международным делам. 22.05.2015. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868

¹⁰ Shambaugh, David. China's Soft-Power Push. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>

¹¹ Перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Госкомитет по делам развития и реформ, МИД и Министерство коммерции КНР. 28.03.2015. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

¹² China's Belt and Road initiative “fits into UN goals”: UN deputy secretary-general. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-04/09/c_134138185.htm

¹³ Dobra-Manzo, Yasemin. China's foreign policy and Silk Road initiatives spur cultural diplomacy. URL: <http://www.silkroadencyclopedia.com/OBORChinaSilkRoadRoutesRevival.htm>

¹⁴ *Сафронова Е.И.* Инициатива «Один пояс, один путь»: политико-гуманитарный аспект // Материалы круглого стола «Стратегия ЭПШП и роль ШОС в ее реализации» (ИДВ РАН, 16 марта 2016 г.). М.: ИДВ РАН, 2016. С. 149—162.

¹⁵ *Смирнова Л.Н.* О концепции «Евразийского пространства высшего образования» // Государственная служба. 2015. № 6 (98).

¹⁶ *Филиппов В., Сунь Юйхуа.* Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). URL: <http://pa-journal.ranepa.ru/articles/r102/3560/>

*Ю.В. Морозов, Е.И. Сафронова**

ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ ПАРТНЕРАМИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В наше время репутация государства на международной арене, формируемая в том числе и с помощью инструментов «мягкой силы» (МС), является важным условием для привлечения и приращения идеологических и материальных ресурсов страны. Тем не менее до сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегменты, единой трактовки МС нет.

Экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «народной дипломатии» и СМИ.

В китайской политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов: 1) культурный диалог со странами-партнерами; 2) несиловое лидерство (обусловленное экономическими успехами) в развивающемся мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; 3) проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Куль-

* *Морозов Юрий Васильевич*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

турный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (*хуацяо*), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в том числе и через институты Конфуция и СМИ.

«Простое» гуманитарное сотрудничество (ГС), «народная дипломатия», а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — это «три кита», на которых обычно и зиждется «мягкая сила».

На взгляд авторов, это триединство может быть реально возведено в ранг МС только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, согласно которой это государство четко будет представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несиловыми методами. Может ли свод его морально-этических и культурных ценностей, а также модель социально-экономического развития побудить партнеров следовать в русле его политики не по принуждению, а по причине общественно-политической и культурной привлекательности этого государства?

Видимо, это тот вопрос, на который стоит ответить, если мы хотим достичь высокой эффективности и осмысленности нашей «мягкой силы».

На взгляд авторов, «мягкая сила» — это не только гуманитарное сотрудничество, «народная дипломатия» (НД) и имидж-мейкерская работа государства. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение образа страны в мировом восприятии. МС же — это овладение умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus vivendi* и *modus operandi* страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания.

Авторы, учитывая существующие разночтения термина «мягкая сила», позволили себе там, где это не нарушает смысла повествования, заменять его термином «гуманитарное сотрудничество» для явщего понимания излагаемого. При этом они подразумевают, что гуманитарную деятельность страны по своей значимости можно по-

ставить в один ряд с его внешнеполитической и экономической активностью, направленной на обеспечение государственных интересов за рубежом.

Гуманитарное сотрудничество в постсоветской Европе как сфера проявления различных политических сил: уроки для России

После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после холодной войны статус-кво нарушаться не будет и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию ГС с бывшими республиками СССР. Она финансировала там свои мероприятия «мягкой силы» по остаточному принципу в расчете на то, что молодые государства экономически и исторически и так прочно связаны с Россией.

Запад же во главе с США, в нарушение устных договоренностей, явно или тайно действовал. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций (НПО) он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами общественное сознание, культуру и даже мировоззрение. В силу этого ряд государств европейского региона стал переориентироваться от РФ в сторону США и ЕС. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, продвигать имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно.

Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем — и Грузией. И когда Россия в 2008 г. оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан от очевидного агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в иностранных СМИ — т. е. в глазах «мировой общественности» — была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. Так ей был дан серьезнейший урок на тему роли и значения информационных и имиджевых технологий.

В 2011 г., в преддверии украинского кризиса, США увеличили финансирование своих НПО, действовавших на Украине, более чем в два раза. Результатом стала интенсификация процессов объединения НПО в разветвленные сетевые структуры. Американцы и их партнеры создали плацдарм внутри страны: обосновавшиеся на Украине разнообразные фонды и институты, как правило «неправительственные» и «независимые» по названию, на деле финансируются из бюджета правительств западных государств.

В разгар кризиса в 2013 г. Америка выделила Украине более 100 млн долл. в качестве помощи в реализации реформ, необходимых для подготовки к процессу «евроинтеграции». В целом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву в достижении целей, реализация которых должна была «стать залогом благосостояния и демократичности Украины»¹. Но эти средства были предназначены не только для формирования прозападного курса страны.

Главная цель финансирования — осуществление русофобского, да еще с неонацистской «начинкой» проекта по отрыву Украины от России по аналогии с произошедшим ранее со странами Восточной Европы и Балтии. Они, вступив в НАТО, стали «запевалами» в антироссийской риторике, игнорируя все то, что было сделано нашей страной для их освобождения из-под ига фашизма во время Второй мировой войны и восстановления из руин в послевоенное время. И какие же меры, спросим себя, предприняла Россия для того, чтобы не допустить повторения грузинского сценария применительно к Украине и сохранить положительный имидж в глазах зарубежной общественности?

Москва избрала тактику невмешательства во внутренние дела Украины. Киеву разъяснялись экономические последствия, к которым привело бы заключение соглашения об ассоциации Украины с ЕС в версии, предлагавшейся к подписанию на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Единственное, что позволила себе Москва, — это восстановить историческую справедливость, присоединив к РФ Крым после проведения там референдума по соответствующему вопросу.

Данный шаг в конечном итоге вызвал глубокий кризис в отношениях Москвы и Киева на фоне активной поддержки Вашингто-

ном и Брюсселем прозападного выбора Украины. Россия была обвинена во всех проблемах украинского общества и в глазах мировой общественности вновь стала «агрессором». Перманентные изменения в составе политической элиты Украины, никак не ориентированной на мнение рядовых граждан страны, и происходящие под влиянием внешнего фактора (частично европейского, очень редко — российского и всегда — американского) также сыграли деструктивную роль.

Казалось бы, по сравнению с США, у России в диалоге с Украиной есть более весомые «козыри» не только в экономической, но и в гуманитарной сфере: общая история и культура, многочисленные диаспоры и трансграничные родственные узы и многое другое, что неразрывно связывает россиян и украинцев. Для сохранения и укрепления этих связей Москве было необходимо не только задействовать потенциал структуры МИД РФ — Россотрудничества, но и активно противостоять антироссийской пропаганде и практике хотя бы путем работы по развитию культурного присутствия РФ на Украине через скоординированную реализацию гуманитарных, образовательных и лингвистических проектов.

Увы, если что и было сделано Москвой в этом направлении, то по сравнению с усилиями Запада этого оказалось явно недостаточным.

В международной жизни есть немало примеров, свидетельствующих о том, что гуманитарное влияние — это не какая-то дополнительная опция к традиционному внешнеполитическому арсеналу государства, состоящему из политических, экономических, дипломатических и/или военных возможностей, но самостоятельный, самодостаточный раздел международного курса государства.

И если по тем или иным причинам Россия недооценила важность соответствующей деятельности в Европе, то ей следует не упустить из внимания ситуацию на другом форпосте российских интересов — Центральной Азии (ЦА), где наращивает влияние не только Запад, но и иные внерегиональные силы. Эта необходимость связана в том числе и с решимостью РФ переориентировать вектор ее экономического и политического развития с Запада на Восток, в частности ввиду западных санкций, наложенных в связи с воссоединением Крыма и России.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центральной Азии: существующие проблемы и возможные пути их решения

В сфере культурно-гуманитарного взаимодействия со странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР) Россия больше сориентирована на государства — члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в Организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС — Китая.

Большой пласт населения центральноазиатских стран — членов ШОС продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение — «ступенькой» для карьерного роста и выхода в мир. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20 % их населения. Тесные культурные связи РФ со странами ЦА позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦАР является более высокой, чем в других постсоветских странах. Так, в Казахстане она составляет 84 %, Узбекистане — 85 %, Киргизской Республике — 84 %, в Таджикистане — 90 %².

Такие показатели были достигнуты в том числе благодаря работе в регионе Россотрудничества, Фонда «Русский мир», Киргизско-российского и Таджикско-российского университетов, филиалов российских вузов, а также других российских гуманитарных структур.

Концептуальным основанием нынешнего ГС с государствами Центральной Азии является тезис, сформулированный президентом РФ В.В. Путиным в 2012 г., — о необходимости расширять образовательное и культурное присутствие России в мире и особенно в странах, где часть населения говорит на русском языке или понимает его. В этом тезисе нашли свое место ключевые аспекты ГС — развитие сети культурных центров за рубежом, наращивание диалога в образовательной, лингвистической и других сферах.

За последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с

18 государствами, в частности со странами центральноазиатского региона — Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится и Китай.

В ближайших планах — учредить культурные представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и в Худжанде (Таджикистан). При этом организация подобных центров — не самоцель. Главная сфера приложения усилий — это люди, местные аудитории, уже обретенные и потенциальные друзья России, соотечественники и их организации, студенты и школьники, лица, изучающие русский язык, литературу и искусство. Для них работают библиотеки в российских центрах культуры, проводятся концерты и иные массовые мероприятия, действуют курсы русского языка.

В 2014 г. принята комплексная Стратегия расширения гуманитарного влияния России в мире. Она призвана сформулировать подходы и задачи в сфере «мягкой силы». Документ является беспрецедентным для РФ. В некоторых вопросах его разработчики вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и подсмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитивного имиджа России в ЦА и обоснование притягательности сотрудничества с РФ.

Так, одним из препятствий является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы советского/российского образования*. Во многих странах ЦА был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало перезагруженность оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостаточностью числа учителей и уровня их подготовки. При поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центрально-азиатских абитуриентов.

И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последних 15 лет не снизилось, однако сущест-

венно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. Так, среди обладателей стипендии «Болашак» вузы ЕС выбрали 46,6 %, США — 29 %, а РФ — только 9,5 % молодых людей. При этом на центральноазиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные — Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Например, в исламских странах учится 2,3 тыс. таджиков, что гораздо больше студентов из Таджикистана в России. Многие третьи страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения³.

Тенденция свертывания обучения на русском языке, сопровождающаяся желанием центральноазиатской молодежи получить высшее образование в западных и восточных вузах, диктует необходимость дополнительной поддержки изучению русского языка. Однако ряд инициатив РФ в этой области наталкивается на проблемы с местным законодательством, а также восприятием в определенных кругах стран ЦА политики России как «возвращения к традициям Советского Союза».

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах ЦА показывает растущую потребность расширения в регионе сети образовательных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в школах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке и применять иные формы включения школьников из стран ЦА в российское образовательное пространство.

Все это видится важным для привлечения наиболее перспективной молодежи к получению образования в России. При этом средства, выделяемые на обучение студентов, остаются в РФ, так как они вкладываются в российские вузы. Привлекая студентов из ЦА, наши высшие учебные заведения повышают свой международный рейтинг, учитывающий количество студентов из зарубежных стран.

Для того чтобы обучить русскому языку и поддержать эти знания среди населения ЦАР, естественно, должны активизироваться курсы русского языка. Необходимо также распространять методики и пособия для его самостоятельного изучения. В каждой централь-

ноазиатской столице желательно открыть центры переподготовки и повышения квалификации учителей русскоязычных школ.

Если говорить о *научно-образовательном сотрудничестве* РФ со странами ЦА, то его интенсивность по сравнению с кооперацией с западными партнерами остается невысокой. Продолжающийся финансовый кризис негативно отражается на взаимодействии в этой сфере. Тем не менее в 2013 г. была проведена Неделя российского технического образования в Узбекистане (февраль) и Неделя российского образования в Таджикистане (апрель).

Для исправления сложившегося положения видится целесообразным создание межгосударственных исследовательских центров и формирование смешанных научных групп для проработки совместных проектов по темам, представляющим взаимный интерес, и привлечение финансовых средств российских госкорпораций, заинтересованных в развитии на территории ЦА полезных для РФ отраслей НИР. Небесполезной и не требующей масштабного финансирования является организация семинаров, конференций, интернет-форумов и т. д. Могут быть задействованы возможности Университета ШОС, на базе которого целесообразно создание нескольких научных центров. Внести вклад в расширение сотрудничества способна и реализация киргизской идеи о создании межакадемического научного совета с целью углубленной интеграции и координации интеллектуальных усилий академических кругов РФ и стран ЦА⁴. Полезным видится и расширение практики совместных проектов по грантам научных фондов, например РГНФ.

Следует также констатировать, что в России очень мало *фондов поддержки гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии*. Хотя и существуют Росзарубежцентр и Фонд «Русский мир», однако этого явно недостаточно. Нет в России и НПО, которые работали бы исключительно в Центральном-Азиатском регионе. А ведь там уже активно функционируют фонды К. Аденаура, Ф. Эберта, Макартуров, Карнеги, Сороса и другие западные НПО, затраты которых в ЦА увеличиваются год от года. Это способствует росту влияния в регионе стран ЕС и НАТО. Государства ЦАР, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

Проблемы поддержки соотечественников, проживающих в ЦА, заключаются, прежде всего, в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор на пространстве ШОС не решена проблема двойного гражданства, и только с Таджикистаном у России есть соответствующее соглашение. А соотечественники из других центральноазиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве — это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема — слабость организационной базы, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание координационных советов, объединяющих все или большинство организаций соотечественников в каждой стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом советы должны иметь информационное обеспечение: интернет-сайт либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов. Положительным примером здесь может послужить Киргизия, где 63 местным организациям соотечественников удалось создать единый Координационный совет.

Одной из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии*. Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа и какие специальности им нужны (информация в основном исходит от друзей и родственников, уже побывавших в России). Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обуславливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда. Они часто пополняют ряды криминальных элементов, провоцирующих коррупцию, допускают и другие нарушения российского законодательства.

Правовое, а значит и уважительное, обращение с мигрантами — это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Крайне полезным видится создание в странах ЦА центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для пребывания на территории РФ. Зная язык и законы России, мигранты смогут получать юридическую защиту. Также представляется целесообразным открытие единой центральноазиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Россией в этом направлении уже предпринят ряд практических шагов, хотя пока и не масштабных. Так, в 2013 г. в Москве на базе Россотрудничества был проведен круглый стол «Создание системы подготовки и проведения государственного тестирования иностранных граждан за рубежом», а также онлайн-семинары в РУДН — «Организация тестирования за рубежом» и «Валютное законодательство».

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами*. Гуманитарная деятельность западных и восточных стран и их организаций/союзов развивается по нарастающей.

Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России. Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и выстраивает политику таким образом, чтобы она открыто не задевала интересы РФ.

США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в ЦАР, а также растущую там роль КНР, в лице которой США видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон открыто нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центральноазиатских стран⁵.

Роль Турции в гуманитарном диалоге со странами ЦА носит двойственный характер. С одной стороны, страна отстаивает гео-

стратегию Запада, стремясь наглядно продемонстрировать ему свою лояльность и целесообразность посреднической роли в ЦА, а с другой — Анкара продвигает на пространстве ЦАР собственные интересы. Историческая, культурная и языковая близость к тюркоязычному населению центральноазиатских государств, «прозападный» имидж светской мусульманской страны, а также поддержка США способствуют расширению турецкого влияния в регионе, в том числе в гуманитарной сфере.

Иран обозначил свое присутствие в ЦА, прежде всего, в экономической области, что в принципе отвечает интересам государств региона. Однако имидж ИРИ как страны «воинствующего ислама», претензии Тегерана на лидерство в мусульманском мире, чрезмерная идеологизация его внешней политики не способствуют популярности Ирана в Центральной Азии.

Начиная с 1991 г. на гуманитарном пространстве ЦА проявилась Япония. Она стала проводить в регионе дни своей культуры, а с 1999 г. — предоставлять студентам из Центральной Азии стипендии для обучения в японских университетах. Правительство Японии учредило в Алма-Ате Центр развития человеческих ресурсов, который проводит различные культурные мероприятия, организует курсы по изучению японского языка и подготовке менеджеров и т. д. Токио также начал выдавать гранты на цели развития культурно-образовательных и спортивных учреждений в ЦАР.

Можно сделать вывод о том, что интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих интересам РФ целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, России крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно принести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией или США.

Развитие ШОС и рост ее авторитета в мире также ставят вопрос о необходимости усиления российского влияния на образовательном и культурном пространстве Организации. При этом следует обратить особое внимание на то, что Китай проявляет к вопросу применения МС в отношении государств — членов ШОС все больший интерес.

«Мягкая сила» Китая в сотрудничестве с центральноазиатскими государствами — членами ШОС

Создание ШОС в 2002 г. планировалось Китаем для несилового, юридически фундированного, взаимоприемлемого проникновения КНР на экономическое пространство ЦА. И в этом смысле ШОС есть плод китайской «мягкой силы». Данный посыл можно аргументировать и тем, что Пекин предложил для Организации протоидеологическую платформу — тезис о «шанхайском духе», подразумевающий гармоничный мир, взаимодоверие, взаимовыгоду, равноправие, учет мнений друг друга с помощью консультаций, уважение многообразия культур и стремление к совместному развитию.

ШОС — это организация, которой КНР не хочет придавать роль военного союза, т. е. инструмента «жесткой» силы. На пространстве Шанхайского форума Пекин допускает возможность применения «жесткой силы» только вынужденно, дискретно и в исключительных случаях (массированные выступления террористических сил). Пожалуй, можно сказать, что ШОС для Китая представляет собой и некий зачаток и попытку формирования «умной силы», т. е. способности адекватно, уместно и эффективно сочетать в международных отношениях силу «мягкую» и «жесткую».

Одним из наиболее известных и масштабных «мягкосиловых» проектов Пекина является создание глобальной сети институтов Конфуция (ИК). К 2020 г. Китай планирует открыть тысячу таких учреждений. Обвинениям в том, что ИК выполняют разведывательную функцию и имеют своей целью вытеснить Тайвань из международного гуманитарного общения (так как в этих институтах китайская иероглифическая письменность преподается в упрощенном виде, принятом в КНР, а не в полном написании, употребляемом на Тайване), можно противопоставить тот умиротворяющий аргумент, что увеличение числа ИК на всех континентах является одной из форм открытости Китая внешнему миру.

И, конечно же, Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. По нашим оценкам, он тратит на соответствующие цели до 10 млрд долл. в год. Из них 7 млрд — на зарубежное вещание (радио, ТВ, другие СМИ), вплоть до использования электронных

рекламных щитов. Миллионы долларов направляются на финансирование институтов Конфуция, образовательных проектов, обмен студентами и преподавателями. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная (публичная) дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике.

Китайская мировая «образовательная экспансия» как механизм «народной дипломатии», да и МС в целом, развивается достаточно успешно: по данным ЮНЕСКО, число китайских студентов за рубежом составляет 14 % от общемирового показателя, превращая Китай в крупнейшего «поставщика» студентов-иностранцев. В США наибольшее количество обладателей степени PhD неамериканского происхождения приходится на выходцев из КНР. В Китай возвращается только треть обучившихся, но это, видимо, не особенно беспокоит Пекин, в частности потому, что оставшиеся специалисты представляют собой ресурс и резерв «мягкой силы» КНР за рубежом.

В целом в мировой политологии в качестве факторов успешности МС называются: наличие общедоступных и привлекательных культурных ценностей и удачной внутренней модели развития, обеспечивающей устойчивый экономический рост и единство общества, эффективных политических институтов, привлекательного международного имиджа, качественного образования и здравоохранения, технико-технологического прогресса и проведение дружественной внешней политики. В Китае немало специалистов, разделяющих эту точку зрения.

Китайская МС сейчас более эффективна не на западном направлении, а в «третьем мире». Но Центральная Азия — это тот островок мировой развивающейся зоны, где «мягкосиловое» влияние РФ превосходит соответствующее влияние Китая. Пекин это прекрасно понимает, вынужден считаться с этим фактом, и поэтому интенсифицирует создание специальных гуманитарных программ для государств Шанхайского форума: в частности, по подготовке специалистов по ШОС, обучению их китайскому языку, увеличению числа стипендий для студентов из центральноазиатских стран.

Поэтому для России в Центрально-Азиатском регионе важно не столько убедить его население в своей международной привлекательности (РФ и так достаточно заманчива для него своим «работо-

дательным» потенциалом), сколько восстановить единое с ним культурное пространство, во многом опирающееся на сохранение русского языка. Здесь возможности у РФ есть. Так, в Казахстане, по данным Gallup, рейтинги новостных программ на русском в разы выше, чем у аналогичной продукции на казахском языке. В странах ЦАР смотрят либо ретранслируемые российские каналы, либо закупленную местными телеведущими российскую продукцию. В свое время репортажи и передачи российских каналов оказали заметное влияние на рост антиамериканских настроений в Киргизии и изменение статуса авиационной базы «Манас»⁶.

В регионе пользуется спросом и русскоязычная печатная продукция: так, в Казахстане 75—90 % книг, поступающих в продажу, ввозятся из России. В Киргизии на российские научные и научно-популярные книги приходится примерно 70—75 % библиотечных фондов⁷. Сохранение русского языка в Центральной Азии — мощное конкурентное преимущество, которое трудно переоценить.

Не стоит забывать о гуманитарной силе самого массового из искусств — кино. Следует поддерживать интерес к русскому языку с помощью продукции нашей киноиндустрии, продумать возможность осуществления совместных кино- и телепроектов и поощрять проникновение ТВ-каналов из стран ЦА в Россию.

Ввиду указанных выше обстоятельств у РФ больше возможностей для представительства на культурно-образовательном, кинематографическом и телевизионном рынке ШОС, особенно в ее центрально-азиатском сегменте, чем у Китая, и это также следует использовать. У КНР есть трудности в продвижении своей гуманитарной продукции за рубеж в силу специфики китайского менталитета и образа жизни, особой сложности языка, в ряде случаев — в отсутствии общей культурно-исторической базы со странами-реципиентами. А в области киноэкспорта у КНР просто нет достаточного опыта. Так, в 2011 г. китайская киноиндустрия выпустила 791 фильм, но только 52 оказались пригодны для продажи за рубеж. Из них 50 картин было снято в совместном формате, поэтому истинно китайским «культурным продуктом» оказались только два фильма. Кроме того, в Китае было снято 15 тыс. серий телесериалов (самый высокий показатель в мире в 2011 г.), но выручка от экспорта этого вида кинопродукции оказалась вдвое меньше, чем заработала Юж-

ная Корея, изучившая запросы массового иностранного телезрителя.

Значение ГС для двух ее «стержнеобразующих» государств — России и Китая — можно проиллюстрировать положениями дискуссии двух экспертов: российского — В. Ларина и китайского — Гао Чжунъи. Так, известный российский ученый В.Л. Ларин считает вопрос о состоянии российско-китайских гуманитарных связей гораздо более важным, нежели совершенство экономических отношений двух стран, поскольку пока «самым слабым звеном нынешней конструкции» российско-китайского стратегического партнерства ему видится отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Российский эксперт полагает, что и китайские, и российские школьные программы и учебники дают примитивные знания о странесоседе, из которых в дальнейшем складывается неверное или негативное восприятие друг друга. В этой связи В. Ларин подчеркивает значение подготовки истинных профессионалов — специалистов-синологов в России и русистов — в Китае, которых пока катастрофически не хватает.

Гао Чжунъи считает, что многие крупные проекты сотрудничества тормозятся именно из-за недопонимания и по этой же причине с трудом набирает обороты двустороннее инвестиционное взаимодействие, часты торговые трения.

Тем не менее российско-китайские культурные связи имеют достаточно крепкий фундамент, возведенный еще во времена великой дружбы КНР и СССР. В Китае признают, что страны ЦА находятся под большим влиянием русской культуры и что именно русский язык служит универсальным языком общения в регионе. На официальном уровне китайцы стараются рассматривать это обстоятельство в позитивном ключе, поскольку оно-де создает в ШОС «уникальные условия для содействия обмену и сотрудничеству в гуманитарной сфере».

За годы своего существования ШОС удалось заложить фундамент сотрудничества в области культуры, образования, защиты окружающей среды и ликвидации последствий стихийных бедствий. С 2005 г. реализуются документально закреплённые планы многостороннего культурного взаимодействия. Некоторые «общешосовские» мероприятия имеют четкую периодичность. Например, пере-

крестные Дни культуры в государствах — членах ШОС, ежегодные фестивали культуры и искусства стран Организации.

Во время официального визита президента России В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. между РФ и КНР был подписан целый ряд важных документов, среди которых можно выделить три, относящиеся к гуманитарной сфере. Это Меморандум о взаимопонимании между Российско-китайским инвестиционным фондом и компанией «Vcanland» в отношении учреждения фонда по инвестированию в отрасль недвижимости для пожилого населения и туризма; Соглашение о сотрудничестве между общественными организациями «Деловая Россия» и China Federation of Industrial Economics; Меморандум о взаимопонимании между министерствами образования РФ и КНР о сотрудничестве по проекту создания российско-китайского университета Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским технологическим университетом.

Этим стороны выразили свое намерение придать их гуманитарному взаимодействию стабильно-долгосрочный характер.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

На глобальном уровне Россия и Китай являются стратегическими партнерами. В ООН и во многих других международных организациях КНР и РФ занимают сходные или совпадающие позиции по целому ряду мировых проблем.

Тем не менее развитие ситуации на международной арене и деструктивные действия Запада, создающие препоны для РФ и КНР в их внешнеполитических инициативах, обостряют вопрос о совершенствовании стратегического партнерства двух стран. Надо учитывать вероятность того, что при неблагоприятном развитии событий Москва и Пекин в одиночку не смогут успешно решать возникающие проблемы.

Для поддержки совпадающих интересов Китая и России в ЦА целесообразны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона западным акциям и по превращению ШОС в

важный элемент региональной безопасности, в частности путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Страны Центральной Азии, Китай и Россия являются носителями богатых традиций и обычаев, удивительной истории, и поэтому можно сказать, что их сотрудничество открывает пути для межцивилизационного диалога. Поэтому следует отметить крайнюю желательность следующих инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС в следующих областях.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС. Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе бывший в то время президентом РФ Д.А. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств-членов и наблюдателей ШОС суть происходивших событий на Кавказе.

Это свидетельствует о том, что, *во-первых*, даже не все лидеры государств имели полное представление о юго-осетинском кризисе, а *во-вторых*, что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках Организации до сих не создано единой информационной сети, и в ее центральноазиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел. Можно вспомнить, как предвзято освещались и освещаются в США и странах ЕС события на Украине, в Андижане и на Тибете, ситуация вокруг иранской ядерной программы, а также положение в Афганистане⁸.

В плане выправления ситуации в медийной сфере очевидно, что первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия должно стать формирование единого «информационного поля» ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В связи с этим целесообразным видится создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News) либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран — участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и основание печатного органа ШОС, например доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации.

Эти и другие меры в исполнении российско-китайского «дуэта» могли бы повысить взаимопонимание между народами и снизить

возможность искажения политики РФ и КНР и деятельности ШОС в целом.

Сотрудничество в области здравоохранения. Со дня своего основания ШОС декларирует необходимость сотрудничества в области здравоохранения. Но поскольку эта сфера во многом — конкурентная отрасль, то кооперация стран Организации в этом направлении носила (и носит до сих пор) дискретный характер. Правда, на саммите глав государств ШОС в Шанхае в 2006 г. Секретариату было поручено разработать план взаимодействия ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать целевую экспертную группу, действующую на постоянной основе, что пока не принесло ощутимых результатов.

Необходимость наращивания сотрудничества в здравоохранной сфере диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы больниц из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего⁹.

Следует отметить, что к настоящему времени страны ЦА с помощью международных здравоохранных организаций достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности туберкулезом. Тем не менее вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым, и он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС.

Еще одним фактором эпидемического риска является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особо остро для ШОС встает вопрос о ответственности санитарного контроля на границах, состояния экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясомолочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую

очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания¹⁰.

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Распространение ВИЧ/СПИД ускоряется ростом в ЦА внутривенного потребления наркотиков. На долю потребителей инъекционных наркотиков приходится 70—90 % новых случаев СПИД/ВИЧ в регионе, при этом инфицируется в основном молодежь. Комбинированная инфекция ТБ/СПИД снижает выживаемость и увеличивает затраты на медицинскую помощь¹¹. В Россию из ИРА ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, а число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18 % ввозящихся наркотических средств¹².

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), задачей которой станет создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам всех государств — членов Шанхайской организации в любой стране — участнице Организации. В системе ШОЗ, основные усилия по созданию которой, видимо, придется предпринять России и Китаю, можно было бы проводить обучение и стажировку специалистов из стран-членов и наблюдателей ШОС, обмениваться опытом и идеями.

Создание ШОЗ — это задача средне- и даже долгосрочного характера, поскольку для ее выполнения понадобится не только отладка практического взаимодействия и договорное обеспечение новой структуры, но и весьма значительные инвестиции.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов методам исследования биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе туберкулеза, полиомиелита, чумы, малярии; а также для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей, проведения действенного эпидемиологического мониторинга, повышения ответственно-

сти санитарного контроля в пунктах пересечения границ¹³. Профилактика, выявление и лечение болезней эпидемического характера — весьма актуальная и важная задача для многих стран ШОС, учитывая то, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОС по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем.

Видится целесообразным и привлечение стран ШОС к практике здравоохранных учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС и МЧС России — на страновом.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам. Особенно страдают от их последствий менее экономически успешные страны региона, а также ряд провинций КНР.

В 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощь у соседей, что не только не решает проблему, но и затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и тренинга и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенных катастроф.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и совместным с Пекином спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управления ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны Организации по долевному принципу.

Сопутствующая задача здесь — создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств¹⁴.

Сотрудничество в области экологии. Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это круп-

нейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приарале, но и на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить контрдиастерные мероприятия при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др.

В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградационным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты — «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с международными структурами, в частности с ЮНИСЕФ, ЮПФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Крупный казахстанский дипломат Б. Нургалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз подчеркивал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: *«Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС... присоединятся дружественные страны и институты системы ООН..., можно добиться прогресса в ... реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населения и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, восстановления биоразнообразия»*¹⁵.

В заключение следует отметить, что задействование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание положительного между-

народного имиджа нашей страны. Если Россия не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей МС, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие также и в ЦАР и заметно потеснить нашу страну с занимаемых ею позиций.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центрально-Азиатского региона устойчиво продолжается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» есть важная предпосылка успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом. России следует незамедлительно принять меры по усилению ее «мягкосиловых» позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это преимущество, и гуманитарное сотрудничество может быть эффективным механизмом выполнения этой задачи.

Авторитет ШОС в мире растет. Организация все более становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала ШОС.

Примечания

¹ Панов В. «Мягкая сила» крушит Украину. URL: http://www.stoletie.ru/politika/magkaja_sila_krushit_ukrainu_325.htm

² Опросы, проводившиеся центрами «Ижтимоий Фикр», SIAR — Bishkek и Gallup в 2003—2008 гг.

³ Морозов Ю.В. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной области: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4. С. 69—72.

⁴ Там же.

⁵ Морозов Ю.В. Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 94—115.

⁶ Мендкович Н. Слабости нашей «мягкой силы». URL: http://www.odnako.org/almanac/material/show_24289

⁷ Там же.

⁸ Морозов Ю.В. Указ. соч.

⁹ Сафронова Е.И. 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.

¹⁰ Сафронова Е.И. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран — членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—182.

¹¹ Сафронова Е.И. Указ. соч.

¹² Назаралиев Ж. Евразийский защитный зонт против афганского экстремизма. URL: knews.kg/columnist/32027_jenishbek_nazaraliev_evraziyskiy_zaschitnyy_zont_protiv_afganskogo_ekstremizma

¹³ Сафронова Е.И. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectsco.org/ru123/show.asp?id=81>

Заключение

*Ю.В. Морозов, Ю.В. Кулинцев**

Итогом проведенного в ходе круглого стола анализа перспектив многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами стало выявление ряда *специфических особенностей и проблем* деятельности Организации в современных геополитических и экономических условиях.

Международно-правовые аспекты деятельности ШОС:

- выход Организации на глобальный уровень проявляется, в том числе, в ее кооперации с международными структурами (ООН, РИК и БРИКС, ОДКБ, АСЕАН и др.), с которыми заключен ряд меморандумов о сотрудничестве и взаимопонимании (всего — 9), но в большинстве случаев они носят декларативный характер. Факты реальной кооперации — практически не наблюдаются. Структуры ШОС, РИК и БРИКС в организационном плане стоят на разных ступенях институциональной лестницы, хотя имеют сходные подходами к вопросам миропорядка и структурирования современного мира;
- в контексте евразийской интеграции в рамках проекта «Большого евразийского партнерства» ШОС занимает определенную

* *Морозов Юрий Васильевич*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

нишу. Однако Организация пока не является основной движущей силой китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), имея потенциал стать одной из основных институциональных площадок для реализации этой инициативы. Реализация процессов интеграции в межрегиональную кооперацию может также стать одной из основных задач ШОС совместно с РИК и БРИКС, невзирая на разницу в их институциональном статусе;

- гармоничному развитию Организации не способствуют существующие противоречия между ее членами — Китаем, Индией и Пакистаном, которые необходимо решать. Кроме того, на государства ШОС влияет ситуация в Сирии, Афганистане и усиливающиеся разногласия между Россией и Китаем с США. С учетом указанных вызовов назрела объективная необходимость усиления силовой составляющей деятельности ШОС.

Экономические аспекты сотрудничества ШОС:

- в Организации по-прежнему отсутствуют перспективные многосторонние проекты экономического характера, имеющие стратегическую значимость, и согласованность среди её членов в выделении средств для осуществления этих проектов. Их реализация, как правило, претворяется в жизнь на двустороннем уровне. Это подталкивает ряд стран ШОС (прежде всего, центральноазиатские государства) к более тесному сотрудничеству с кредитно-финансовыми структурами развитых западных стран, что размывает экономический кооперационный потенциал ШОС;

- отсутствие Банка развития ШОС является ключевым вопросом, сдерживающим рост торгово-экономического взаимодействия в рамках Организации. Вызывают опасения и диспропорции внутри планируемого Банка, обусловленные финансовыми активами и экономическими амбициями Китая. Это не выгодно России, так как не ей позволяет контролировать процесс деятельности банка на равноправной основе с КНР. Это обуславливает ситуацию, при которой многие проекты в Центральной Азии финансируются Китаем, что ведет к его экономическому доминированию в регионе. С учетом текущего председательства КНР в ШОС ожидаема активизация китайской стороны по поводу создания Банка развития ШОС. При этом Пекин явно не демонстрирует свой интерес, но предпринимает определенные шаги, чтобы данный вопрос был бы обсужден на саммите в Циндао.

Проблемы безопасности на пространстве ШОС:

- нынешние геополитические реалии таковы, что государства ШОС оказались в «дуге нестабильности», начинающейся на Ближнем Востоке и Северной Африке и через Кавказ и Каспий проходящей в Центральную и Южную Азию. Ряд западных держав (прежде всего США) реализовали несколько геополитических «программ» в этом регионе, в основе которых было целенаправленное вмешательство в дела независимых государств и свержение «неудобных» Западу режимов. Эта ситуация привела к дестабилизации обстановки и к масштабным боестолкновениям в Ираке, Ливии, Сирии и других районах Ближнего Востока и Африки;

- сохранение традиционных вызовов и угроз в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) для ШОС становится «новым» террористическим вызовом, идущим из Сирии (САР) и Ближнего Востока в ЦАР. В ходе развития конфликта в САР отмечается формирование новой связки трех стран, имеющих отношение к ШОС: России, как главного фактора, Ирана и Турции, также выполняющих свои задачи в этой стране. С точки зрения обеспечения коллективной безопасности ШОС в ЦАР приоритетным для государств Организации является афганский фактор;

- внутренняя аморфность ШОС в условиях борьбы с Западом за формирование многополярного мира против сохранения монополярности ослабляет Организацию и облегчает западным странам, включая США, задачу уменьшения влияния ШОС в мире. Ее решение достигается путем изыскания в ШОС «слабых звеньев» и их использования Западом с целью внесения раскола в ее ряды;

- основным препятствием для становления эффективной системы безопасности в ЦАР является отсутствие у государств общего подхода к ее формированию и склонность к установлению преимущественно двустороннего сотрудничества. Приоритет национальных интересов над коллективными и ориентация большинства союзников России по ОДКБ и ШОС на одностороннюю выгоду приводят к отсутствию политической солидарности в случае возникновения угрозы конкретному государству. Парадокс заключается и в том, что ШОС, в отличие от ОДКБ, не имеет ни миротворческих сил, ни сил быстрого реагирования и не позиционирует себя как во-

енную организацию, хотя проводит многочисленные двусторонние и многосторонние военные учения «Мирная миссия».

Гуманитарное взаимодействие в рамках ШОС:

- на фоне отсутствия реальных достижений в экономической деятельности ШОС гуманитарное взаимодействие в рамках Организации приобретает чрезвычайно важное значение в условиях осложнения международной обстановки и скатывания отношений между ведущими державами мира к уровню новой холодной войны. Однако в борьбе с тремя «силами зла» механизм контрпропаганды используется не в полной мере;

- гуманитарное сотрудничество также способствует сглаживанию противоречий внутри Организации. Это единственная сфера деятельности «восьмерки», полезность которой не подвергается сомнению всеми членами ШОС. Тем не менее для создания позитивного имиджа на международном уровне ШОС недостаточно использует свою «мягкую силу».

На основании выводов о специфических особенностях деятельности ШОС экспертами Института Дальнего Востока РАН высказан ряд *предложений и рекомендаций* в интересах дальнейшего развития Организации.

По вопросам дальнейшего развития Организации:

- Конкретные направления дальнейшего развития Организации целесообразно включить в План реализации «Стратегии развития ШОС до 2025 г.», который может быть дополнен Секретариатом ШОС. Эти направления должны содержать ряд разделов в соответствии со сферами деятельности ШОС, включающих подразделы, относящиеся к этапам и целям развития Организации. С учетом принятых в её состав Индии и Пакистана в Плане целесообразно уточнить определения, касающиеся: понятия «пространства деятельности ШОС»; целей и приоритетных задач развития Организации, обозначив этапы их решения на ближайшую и среднесрочную перспективу; порядка их исполнения соответствующими структурами ШОС.

- В качестве *первоочередной задачи* было бы целесообразно ликвидировать существующие противоречия внутри ШОС и углубить сотрудничество со странами-наблюдателями и странами — партнёрами по диалогу. Для этого необходима точная характеристика

«нестыкочков» интересов членов ШОС в различных областях деятельности для их устранения и активизация диалога между Индией, Пакистаном и Китаем для снижения конфликтного потенциала между ними и ликвидации «дуги напряженности» в ЦАР. При этом Афганистан как страна-наблюдатель должен гарантировать нейтралитет и исключить использование своей инфраструктуры против кого-либо из участников ШОС.

- В качестве *среднесрочной перспективы* дальнейшего развития ШОС в Плане могут быть отражены условия для формирования межрегионального интеграционного образования в Евразии, взаимодействующего с другими международными организациями и государствами мира. При этом «шанхайский октет» её постоянных членов должен оставаться многопрофильным неконфронтационным объединением, способным по мере своего развития решать проблемы безопасности на пространстве ШОС без вмешательства извне на основании общих принципов (уважение территориальной целостности, разрешение любых споров мирными средствами, взаимодействие по отражению внутренних и внешних угроз безопасности, прямых и косвенных дестабилизирующих действий внешних сил и т. д.).

- *Долгосрочной перспективой* Организации, отраженной в Плане, может стать реализация международно-правового потенциала, который позволит ШОС стать реальным «полюсом» мироустройства в будущем. Это может быть осуществлено путем согласования роли каждого участника ШОС в той или иной сфере её деятельности, а также института наблюдателей, его функций, перспектив расширения и других с учётом национальных интересов каждого государства-члена в свете генеральных задач ШОС.

- С учетом активизации процессов евразийской интеграции представляется актуальным формирование собственной «евразийской стратегии» ШОС. Поскольку Организация встраивается в евразийскую систему отношений, этот факт налагает на нее новые обязанности, в том числе и как ответственного субъекта международных отношений, играющего важную роль на Евразийском континенте. Представляется целесообразным развитие формата «ШОС+» с использованием опыта АСЕАН. В условиях сложной международной обстановки и применения санкционной политики подобный формат позволяет развивать сотрудничество как «ШОС+АСЕАН», так и

«ШОС+ЕС», поскольку речь идет о «восьмерке» государств. Следует также иметь в «запасе» ряд предложений на случай активизации стран Запада взаимодействия с ШОС. Предложенная Организацией программа такого сотрудничества обеспечит ей инициативу в развитии контактов с западным миром. Конкретными сферами таких контактов могут быть те, в которых заинтересованы обе стороны: терроризм, борьба с наркотрафиком, Афганистан и т. п.

В сфере финансово-экономического развития ШОС:

- В Плане целесообразно отобразить перспективы экономического взаимодействия членов ШОС. Китай и Индия могут привнести новый инвестиционно-инфраструктурный импульс в сферу развития Организации. Россия должна начать модернизацию Транссиба и обеспечение транспортной безопасности перемещения внешне-торговых грузов из Восточной Азии в Западную Европу, где основным двигателем станет континентальное взаимодействие по последовательному сопряжению Евразийского экономического союза и ОПОП. Страны ЕС заинтересованы участвовать в китайском проекте с учетом его инфраструктурного характера и желания Германии, Франции и Италии задействовать в нем свои производственные мощности.

- Необходимо нивелировать противоречия внутри ШОС, сближив векторы развития двух евразийских интеграционных группировок — ЕАЭС и ШОС, — включая взаимодействие России и Китая на центральноазиатском направлении. Использование БАМа и трансазиатской магистрали в рамках реализации проекта ОПОП способно смягчить трения между Россией и Китаем, поскольку это позволит КНР увеличить экспортируемую товарную массу и скомпенсировать потери от пересечения пространства Таможенного союза. Также следует более активно предлагать членам ШОС использовать открывающиеся возможности Северного морского пути, где в результате глобального потепления увеличилось время прохода танкеров и торговых судов из Азии в Европу и обратно.

- В сфере финансово-экономического сотрудничества в рамках ШОС и в интересах дальнейшего развития Организации назрела необходимость выполнения следующих мероприятий:

- оптимизация сферы международно-правового регулирования финансово-экономического сотрудничества на базе разработки ба-

зового универсального экономического соглашения между странами-участниками Организации;

- гармонизация национальных законодательств в сфере финансово-экономического сотрудничества и создание системообразующих структур, необходимых для материализации проектной деятельности ШОС;

- расширение роли частного сектора за счет создания условий, которые будут содействовать его развитию в финансово-экономической области ШОС;

- определение более точных сфер сотрудничества, где есть условия для экономического взаимодополнения, что должно вызвать интерес у внешних партнеров и уменьшить долю недоверия в ожидаемых деловых отношениях между ШОС с другими акторами;

- использование опыта создания Нового банка развития БРИКС для доработки концепции Банка ШОС и определения его статуса и роли в структуре Секретариата ШОС — с правом принятия обязательных рекомендаций в сфере финансового сотрудничества, которые выносились бы на обсуждение в рамках Совета глав государств и Совета глав правительств Организации.

Для преодоления бюрократических проволочек и «дипломатического саботажа» при обсуждении вопроса о создании Банка развития ШОС, на предстоящем саммите в Циндао предлагается принятие специальной короткой декларации на высшем уровне, провозглашающей учреждение Банка и содержащей основные согласованные принципы его создания. Дальнейшая конкретная работа по строительству Банка развития ШОС будет осуществляться в рамках поручения глав государств — членов ШОС правительствам своих стран и Межбанковскому объединению ШОС в соответствии с вышеуказанной декларацией.

Обеспечение безопасности на пространстве Организации:

- Неопределенность относительно направления развития ситуации в сфере безопасности и реальная возможность эскалации террористических угроз дают основания говорить об объективно назревшей необходимости военно-политической эволюции ШОС. Учитывая противоречивые факторы, а также двусторонний или «многосторонне-избирательный» характер партнёрства в рамках ОДКБ и ШОС, первоначально можно было бы из всего «набора» го-

сударств — участников этих организаций создавать «коалиции по совпадающим интересам» в сфере безопасности на пространстве ШОС.

Возможность создания такой коалиции является одним из возможных направлений дальнейшего развития системы безопасности на пространстве ШОС на основе более тесного сотрудничества между этими организациями. Данная модель должна строиться исключительно на оборонительной доктрине защиты и упреждения внешних угроз безопасности и территориальной целостности стран — членов ШОС. При этом Организация может осуществлять координацию деятельности коалиции «по групповым интересам» в общих интересах всех их участников. Для этого целесообразна разработка соответствующих правил.

- Нарботанный в ШОС опыт совместных действий вооруженных сил государств-членов в процессе проведения учений «Мирная миссия» рационально использовать для придания подготовленным на этих маневрах подразделениям статуса «миротворческих сил ШОС». В этом направлении можно было бы рассмотреть возможность создания объединённого «миротворческого контингента ШОС» на основе существующих подразделений ее стран-членов, систематически привлекаемых на маневры «Мирная миссия». В первую очередь, он может быть полезным для внутренних потребностей Организации. В случае одобрения ООН идеи задействования «шо-совских» миротворческих сил в зонах конфликтов в других «горячих точках» планеты, разумно использовать опыт применения «голубых касок» России, Китая, Индии и Казахстана.

- С учетом угроз, исходящих с территории Афганистана, странам-участникам ШОС было бы целесообразно переосмыслить политику в сфере безопасности их границ с этим государством. Речь может идти о создании совместных пограничных сил по линии ОДКБ/ШОС (примером подобной структуры служат «Международные силы и наблюдатели», в которых участвуют 12 государств, действующая на египетско-израильской границе). Подобная инициатива несёт в себе немалый объём организационных трудностей, включающих разную структуру и уровень подготовки пограничных сил стран — участников ШОС. Однако их необходимо преодолеть, учитывая ограниченные

возможности погранслужб отдельных стран. В противном случае территория стран ШОС может подвергаться систематическим атакам террористов из Северного Афганистана, который после выхода боевиков ИГ из Сирии может превратиться в их базу.

- Для обеспечения безопасности на пространстве Организации представляется целесообразным разработать концепцию безопасности ШОС, которая должна обеспечить безопасность ее государств-членов и иметь комплексный и всеобъемлющий характер. Такое решение проблемы, *во-первых*, отражает баланс интересов всех субъектов международных отношений; *во-вторых*, обеспечивает каждому государству право на независимый выбор пути развития в соответствии с собственной спецификой; и, *в-третьих* — гарантирует урегулирование международных и региональных конфликтов и кризисов политико-дипломатическими средствами в соответствии с принципами и нормами международного права при учете законных интересов всех вовлеченных сторон.

- Следует также уделить внимание развитию потенциала ШОС в реализации «сетевой дипломатии» как деятельности в рамках неформальных альянсов, которая опирается на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач. А в целях наработки репутационного актива в мировом сообществе ШОС следует более активно использовать «превентивную дипломатию», которая ранее не использовалась, эффективным инструментарием которой является отслеживание тенденций развития обстановки на пространстве Организации, где существует много точек вероятных «вспышек» и в пограничных районах, и в местах проживания разных этнических групп. В этом случае «превентивная дипломатия» станет не только репутационным активом ШОС, направленным вовне, но и видом деятельности, полезным для «внутреннего пользования» Организации.

В совокупности использование инструментариев миротворчества, «сетевой и превентивной дипломатии» в рамках ШОС будет способствовать реализации потенциала Организации и приблизит её к глобальной структуре безопасности — ООН, что будет свидетельствовать об эволюции ШОС применительно к изменениям, происходящим в мире.

Развитие потенциала «мягкой силы» ШОС

- При разработке программы дальнейшего развития гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС предлагается более активно использовать «мягкую силу» в качестве коллективного политического курса Организации. Это станет инновацией в практике международных отношений. В данном контексте к основным элементам коллективной «мягкой силы» ШОС, которые целесообразно развивать, относятся:

- коллективные СМИ «шанхайской группы». Их необходимо развивать не только через улучшение работы ее сайта, но и посредством публикации качественных печатных изданий (примером может послужить соответствующий опыт КНР в странах — членах ШОС). А для повышения рейтинга ШОС в мировом медиапространстве и формирования притягательного её бренда целесообразно усиливать информационную поддержку деятельности Организации. Она, будучи малозатратной областью кооперации, гарантированно дает ощутимые результаты на уровне широких масс и позволяет выступить в качестве инструмента пропаганды как Организации в целом, так и отдельных аспектов ее деятельности;

- сетевой Университет ШОС, который следует использовать в качестве перспективного носителя коллективной «мягкой силы» и позиционировать его как коллегиальное образовательное явление и просветительское «лицо» Организации. Представляется целесообразным не замыкаться на работе внутри «восьмерки», а взять курс на выход Университета за рамки ШОС и ориентировать его на получение рейтинга на мировом рынке образовательных услуг;

- сотрудничество в развитии здравоохранения и демонстрация его гуманистического характера, поскольку это затрагивает небогатых граждан, особо чувствительных к помощи и поддержке. Для формирования позитивного имиджа и продвижения коллективной «мягкой силы» ШОС было бы целесообразным создать сеть бесплатных больниц под эгидой ШОС, базирующихся в социально неблагополучных районах на территории Организации для оказания помощи простому населению (на примере использования госпитального судна КНР «Хэпин фанчжоу» («Ковчег мира»), оказывающему помощь странам — соседям КНР по береговой линии).

- С учетом угроз, исходящих от адептов терроризма и сепаратизма, представляется целесообразным в рамках ШОС разработать контрпропагандистскую стратегию Организации этим явлениям. К данной работе целесообразно привлечь учёных-исламоведов и представителей исламского духовенства, а также раскаявшихся бывших боевиков ИГ, желающих получить общественное прощение. Эта стратегия могла бы быть востребована не только в борьбе с пропагандой «Исламского государства», но и в противостоянии с другими террористическими группировками Ближнего Востока и Средней Азии на пространстве ШОС.

SUMMARY

This collective monograph is written by a team of researchers from the North East Asia Strategic Issues and SCO Center of the IFES RAS and by invited experts from other think-tanks. The monograph analyses development prospects of the Shanghai Cooperation Organization and the conditions of its cooperation with international structures in the light of obtaining the full SCO membership status by India and Pakistan.

The scientific groundwork of the monograph is represented by results of the Round Table, organized by the Center, during which the international law aspects of SCO activity, trade-economic cooperation, security issues in the Central Asian and in the SCO region were examined. The book offers new theoretical and practical approaches to conduct multilateral cooperation and use SCO potential as an instrument of collective security. The special attention is devoted to the analysis of regional issues and to the development opportunities of Russian-Chinese relationships in the fields of economy, political spheres and cultural cooperation.

Keywords: SCO, People's Republic of China (PRC), Russian Federation, Central Asia, foreign policy, economy, Russian-Chinese relations.

Table of Contents

<i>Morozov Y.V. Editor's note</i>	5

<i>Luzyanin S.G. Introduction. The role of SCO in the global dimension of the XXI century</i>	7

Part I. INTERNATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF SCO ACTIVITY IN THE INTERESTS OF ITS STRATEGY FURTHER DEVELOPMENT

<i>Uyanaev S.V. SCO, RIC and BRICS: possibilities and limits of the network cooperation</i>	17
<i>Batiuk V.I. Russia and China in the strategy of Trump's administration</i>	26
<i>Davydov A.S. West and SCO: cooperation or conflict of interests?</i>	40
<i>Morozov Y.V. Trump's Indo-Pacific strategy as a threat to the interests of China and Russia in the APR</i>	53

Part II. ECONOMIC COMPONENTS OF THE SCO MULTILATERAL COOPERATION

<i>Matveev v.A. Consideration of the national interests of SCO states in the Greater Eurasian Partnership</i>	71
<i>Balakin V.I. Integration projects in Eurasia as a field of cooperation between Russia and China with EU and other international organizations</i>	84
<i>Kashin V.B. SCO role in the development of trade-economic relations between EAEU and Asian countries in modern times</i>	108
<i>Petrovskiy V.E. Challenges and prospects of the financial and economic cooperation within SCO</i>	118

Part III. SCO AND ACTUAL PROBLEMS OF THE REGIONAL SECURITY

<i>Klimenko A.F.</i> The system of regional security in the SCO region: the problem of the efficiency increment	131
<i>Gordienko D.V.</i> The possible ways of cooperation between SCO and international organizations in the security sector	145
<i>Morozov Y.V.</i> The potential areas of cooperation between NATO and SCO in Afghanistan	170
<i>Vasilyev L.E.</i> The prospects of SCO cooperation with international regional organizations in the field of anti-terrorism efforts	192
<i>Evseenko A.S.</i> Russian national interests in Syria	208
<i>Klimenko A.F.</i> Russia, India, China: the problem of security and cooperation in the region of Greater Eurasia	231
<i>Vasilyev L.E.</i> Chinese current policy in the area of security concerns in Asia ..	240

Part IV. HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN SCO AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

<i>Safronova E.I.</i> The SCO collective “soft power”: statement of the question ...	263
<i>Kulintsev Y.V.</i> Soft powers factors of the OBOR initiative in Eurasia (the case of SCO University)	278
<i>Morozov Y.V., Safronova E.I.</i> The role of humanitarian cooperation between Central Asian countries within SCO framework	289
<i>Morozov Y.V., Kulintsev Y.V.</i> Afterword	313
About the authors	327

Об авторах

Балакин Вячеслав Иванович (*Vyacheslav I. BALAKIN*), кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Родился в 1949 г. в Москве. В 1976 г. с отличием окончил международно-правовой факультет МГИМО МИД СССР; 1977—1978 гг. — стажировался в университете «Дзёти Дайгаку» (Токио, Япония); 1986—1988 гг. — учился в аспирантуре МГИМО МИД СССР; 1988—1989 гг. — работал в Дипломатической академии МИД СССР. Владеет: японским, английским, китайским, немецким языками, читает по-французски. Имеет ученое звание доцента.

Опубликовано 94 научные работы в области комплексного концептуального регионоведения Восточной Азии и международных отношений (общим объемом более 130 п.л.). В директивные инстанции направлено более 40 аналитических материалов по внешнеполитической тематике КНР (общим объемом более 35 п.л.). Среди них:

1. Японские оценки китайской формулы восточноазиатской интеграции. Доклад на XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы». 16—18 октября 2013 г. ИДВ РАН. Москва. 0,3 п.л.

2. Китайские инвестиции в зарубежные активы: выбор стратегии в межкризисный период до начала мирового финансового кризиса. Научный сборник конференции ИДВ РАН «Экономика Китая после вступления в ВТО». 2013 г. 0,75 п.л.

3. Региональный интеграционный проект КНР для Восточной Азии. Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новей-

шей истории Китая и его отношений с Россией. Москва, 3-4 апреля 2013 г. ИДВ РАН. 0,5 п.л.

4. Сингапурские инвестиционные технологии в отношении КНР. Научный доклад на конференции «Экономика КНР в свете решений XVIII съезда КПК». ИДВ РАН. Москва, 2014. 0,5 п.л.

5. Монголия в интеграционных процессах Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. 2014. С. 77—81.

Батюк Владимир Игоревич (Vladimir I. BATIUK),
доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН.

E-mail: ctas@inbox.ru

Родился в 1961 г. В 1983 г. окончил исторический факультет МГУ и поступил в аспирантуру Института США и Канады. С ноября 1986 г. и по настоящее время — научный сотрудник ИСКРАН.

С 2004 г. возглавляет Центр региональных аспектов военной политики США.

В 1987 г. В.И. Батюк защитил кандидатскую, а в 2008 г. — докторскую диссертацию. Начиная с 2001 г. В.И. Батюк преподает на факультете мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук, подготовил спецкурс «История международных отношений и внешней политики России». Неоднократно принимал участие в работе ряда международных конференций, которые проводились в последние годы в Институте США и Канады РАН.

Сфера научных интересов — взаимоотношения США, Европы и России в сфере безопасности, история холодной войны, система международных отношений. Избранные публикации:

1. *Батюк В.И., Дьякова Н.А.* Военная политика США в Евразии: российский ответ. М.: ИСКРАН, 2010. 20 а.л.

2. *Батюк В.И.* Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2. 1,2 а.л.

3. *Батюк В.И.* Военная политика новой американской администрации // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2010. № 2. 1 а.л.

4. *Батюк В.И.* Российско-американское партнерство в постбиполярной системе международных отношений // США—Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 9. 1,2 а.л.

5. *Батюк В.И.* Военная политика новой американской администрации // Вестник российского Университета дружбы народов. 2010. № 1. 1 а.л.

Васильев Леонид Евгеньевич (Leonid E. VASILYEV), старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: levdvina@mail.ru

Окончил Военную инженерную академию им. А.Ф. Можайского в 1976 г. До 1992 г. служил в Вооруженных Силах СССР. В последующем работал в Центре информационно-аналитического обеспечения международных программ РАЕН. С 2000 г. — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Основные направления исследований: изучение проблем борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в Восточной Евразии, а также проблемы безопасности в АТР.

По тематике исследования подготовлено свыше 40 публикаций, в том числе:

1. *Васильев Л.Е.* Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М.: ИДВ РАН, 2009.

2. *Васильев Л.Е.* Юго-Восточная Азия. США и Китай: от соперничества к противостоянию // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012.

3. *Васильев Л.Е.* Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии // Возможность изменения ситуации в Афганистане. М.: ИДВ РАН, 2011.

4. *Васильев Л.Е.* Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011.

5. *Васильев Л.Е., Локишин Г.М.* Сообщество безопасности АСЕАН; Особенности борьбы с экстремизмом и сепаратизмом в АСЕАН // АСЕАН в начале XXI века. М.: ИД «ФОРУМ», 2010.

Гордиенко Дмитрий Владимирович (Dmitry V. GORDIENKO), доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН, действительный член Академии военных наук.

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Родился 11 июля 1962 г. В 1984 г. окончил Калининский политехнический институт, а в 1994 г. Во-

енную командную академию противовоздушной обороны. В 1998 г. защитил кандидатскую, а в 2004 г. — докторскую диссертацию. Доктор военных наук, профессор.

С 1985 по 2010 г. проходил службу в Вооруженных СССР/РФ, в том числе в Центре военно-стратегических исследований Генерального штаба и в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

С 2010 г. ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Профессор кафедры государственного регулирования экономики Института государственной политики и прикладных гуманитарных исследований РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Автор более 240 научных трудов, в том числе пяти монографий, учебника «Военная география», учебных пособий «Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса», «Основы экономической безопасности государства», «Военно-экономическая безопасность государства».

Лауреат премии Министерства обороны Российской Федерации III степени за 2009 г., премии АВН им. А.А. Свечина III степени за 2007 г. В число работ Гордиенко Д.В. входят:

1. *Гордиенко Д.В., Яковлева Н.Г.* Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства: монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013.

2. *Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г.* Глобализация и обеспечение экономической безопасности Китая // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 296—325.

3. *Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г.* Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2013.

4. *Гордиенко Д.В., Гордиенко В.Н.* Центрально-Азиатский регион: анализ военно-политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил: монография. Тверь: ВА ВКО, 2012.

5. *Гордиенко Д.В.* Основы экономической безопасности государства. Курс лекций: учеб.-метод. пособие. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2009.

Давыдов Андрей Сергеевич (Andrew S. DAVYDOV), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» ИДВ РАН.

E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Окончил Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова (1970), Курсы переводчиков ООН при МГПИИЯ им. М.Тореза (1973). Стажировался в Шанхайском институте иностранных языков (КНР) (1988—1989). Кандидат исторических наук (2005). Тема диссертации «Идеология и прагматизм в китайской политике США».

По окончании института служил в Советской Армии (1970—1972). Сотрудник Секретариата ООН (Нью-Йорк, США) (1973—1979). Эксперт международного управления Оргкомитета «Олимпиада-80» (1979—1980). Сотрудник Главной редакции информации для заграницы ТАСС (1981—1987). Заведующий Редакцией изданий на китайском, корейском и японском языках Издательства АПН (1987—1991). Консультант Бюро переводов при ЦК КПК, редактор-консультант Редакции информации для зарубежных стран агентства Синьхуа (Пекин, КНР) (1992—2000). Член Союза журналистов СССР (1984—1991), России и Москвы.

С марта 2001 г. — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Основные направления исследований: внешняя политика КНР, американо-китайские отношения, проблемы взаимоотношений ведущих мировых держав в формате международных организаций и региональных объединений. С декабря 2003 г. — заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока». Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН (2007).

Автор более 150 публикаций в научных изданиях и СМИ, в том числе:

1. *Давыдов А.С.* КНР—США—Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 67—83.
2. *Давыдов А.С.* Безопасность в Северо-Восточной Азии и китайско-американские противоречия в регионе // Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 64—71.
3. *Давыдов А.С.* Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди? // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 86—103.
4. *Давыдов А.С.* К вопросу о взаимоотношениях ШОС и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 68—76.
5. *Давыдов А.С.* Китайско-американские отношения // Китай в начале XXI века. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. С. 384—392.

Евсеенко Андрей Сергеевич (Andrew S. EVSEENKO), кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исследований внешнеполитического механизма США, ученый секретарь ИСКРАН.

E-mail: bubba89@yandex.ru

Родился в 1989 г. в г. Омске. В 2012 г. окончил с отличием Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского по специальности «История». В 2015 г. окончил очную аспирантуру Института США и Канады РАН. В 2017 г. защитил диссер-

тацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Политика США в отношении иракской государственности: оценки и перспективы» по специальности 23.00.04 — «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Сотрудник Института США и Канады РАН с 2015 г. — председатель Совета молодых ученых ИСКРАН. С 2018 г. — научный сотрудник Центра исследований внешнеполитического механизма США ИСКРАН.

С 2016 г. ведет преподавательскую деятельность на факультете мировой политики (ФМП) Государственного академического университета гуманитарных наук на кафедре мировой политики и международных отношений. Владеет английским языком.

Является специалистом в области политики США на Ближнем Востоке.

Автор более 10 научных работ, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования РИНЦ.

Список основных публикаций:

1. *Евсеенко А.С.* Политика США в отношении иракской государственности: оценки и перспективы: Дисс. ... канд. полит. наук // Институт США и Канады РАН. М., 2017.

2. *Евсеенко А.С.* Основные направления политики США в области безопасности на Ближнем Востоке при администрации Д. Трампа // Ломоносов-2017. Электронный ресурс. Министерство образования и науки РФ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Президентском Совете по науке, технологиям и образованию. 2017.

3. *Евсеенко А.С.* Проблема завершения войны в Ираке в дискурсе Барака Обамы // Война в американской культуре: тексты и контексты. Российский государственный гуманитарный университет. 2017. С. 473—480.

4. *Евсеенко А.С.* Ирак после победы над «исламским государством»: пути укрепления страны // Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. 2017. С. 7—15.

Кашин Василий Борисович (Vasiliy B. KASHIN), кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: v_kashin@yahoo.com

В 1996 г. закончил ИСАА при МГУ.

С 2001 г. — старший научный сотрудник ИДВ РАН.

В 2004—2009 гг. — корреспондент, зам. редактора отдела международной информации газеты «Ведомости».

В 2010—2011 гг. — зам. руководителя представительства РИА Новости в Пекине.

С 2012 г. — старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий.

Список основных публикаций:

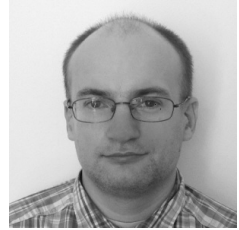
1. *Кашин В.Б.* Структурная реформа китайского авиапрома в 2008—2012 г и его выход на мировой рынок // Китай в мировой и региональной политике — 2012. М.: ИДВ РАН, 2012.

2. *Кашин В.Б.* Выйти из тени. Китай в поисках новой внешней политики // Россия в глобальной политике. 2012. № 3.

3. *Кашин В.Б.* Без альянсов и идеологий. Российская внешняя политика с точки зрения интересов ОПК // Россия в глобальной политике. 2012. № 4.

4. *Кашин В.Б.* Эволюция китайской военной политики // Экспорт вооружений. 2012. № 100 (спецномер).

5. *Кашин В.Б.* Ракетно-космическая промышленность КНР // Экспорт вооружений. 2012. № 2.

Клименко Анатолий Филиппович (Anatoly F. KLIMENKO), кандидат военных наук, профессор, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: klimenko46@mail.ru

Родился в 1946 г. В 1967 г. окончил Ташкентское танковое училище, в 1976 г. — Военную академию бронетанковых войск, а в 1986 г. — Военную академию Генерального штаба ВС РФ. Генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, профессор Академии военных наук.

С 1967 г. проходил воинскую службу на командных и штабных должностях в Группе Советских войск в Германии, в Дальневосточном и Забайкальском военных округах. С 1986 г. — в Генеральном штабе Вооруженных Сил РФ.

В 1993 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук по вопросу о методологии формирования военной доктрины государства. Принимал активное участие в разработке ряда важнейших документов по военной безопасности и военному строительству, в том числе — Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации, Основ военной политики в области военного строительства и ряде других. Член Научного совета при Совете Безопасности РФ.

За заслуги перед Отечеством награжден четырнадцатью правительственными наградами, в том числе двумя орденами, Советского Союза и Российской Федерации.

С июля 2001 г. — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук. Научная специализация: исследование проблем военной политики, военной безопасности и военной деятельности государств; изучение Шанхайской организации сотрудничества и региональных проблем безопасности.

Избранные публикации:

1. *Клименко А.Ф.* Национальные интересы России в АТР, их соотношение с интересами других акторов в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 28—57.
2. *Клименко А.Ф.* Китай и Афганистан. Взаимодействие их с Россией по афганскому регулированию // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. М.: ИД «ФОРУМ» 2013. С. 321—326.
3. *Клименко А.Ф.* О необходимости совершенствования системы технического обеспечения войск и развития промышленности боеприпасов и спецхимии // Военно-теоретический журнал «Военная мысль». 2013. № 8. С. 17—28. (В соавторстве.)
4. *Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009.

Кулинецв Юрий Викторович (Yury V. KULIN-TSEV), научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Окончил факультет мировой экономики Института государственного администрирования, факультет восточных языков ВУМО РФ, имеет степень MBA по специальности «Finance and management in Asia» (Тайвань).

Сфера научных интересов: актуальные проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона; развитие Шанхайской организации сотрудничества; современные российско-китайские отношения; концепция «Экономического пояса Шелкового пути».

Список основных публикаций:

1. *Кулинецв Ю.В.* Шанхайская организация сотрудничества как основа политического диалога // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса* (г. Уфа, 6—10 октября 2015 г.). В 3-х т., Т. II. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 335.

2. *Кулинецв Ю.В.* «Один пояс, один путь»: инициатива с китайской спецификой // *Российский совет по международным делам*. 22.05.2015. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868

3. *Кулинецв Ю.В.* Роль ШОС в процессе сопряжения ЕАЭС и концепции «Экономического пояса Шелкового пути» // *Многосторонние институты: глобальная эффективность vs национальные интересы: материалы IX Конвента РАМИ*, октябрь 2015 г. М.: МГИМО-Университет, 2015.

4. *Кулинецв Ю.В.* Национальные интересы стран Центральной Азии в ШОС в свете реализации концепции «Экономического пояса Шелкового пути» // *Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны. Доклады, представленные на III международной конференции молодых востоковедов в ИДВ РАН* (Москва, 11—12 ноября 2015 г.) М.: ИДВ РАН, 2016. С. 38—44.

5. *Кулинецв Ю.В.* Среднесрочная перспектива реализации концепции «Экономического пояса Шелкового пути» // *Государственная служба*. 2015. № 6. С. 54—57.

Лузянин Сергей Геннадьевич (Sergey G. LUZYANIN), доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Родился в 1956 г. В 1977 г. окончил с отличием Иркутский государственный педагогический институт по специальности преподаватель истории, научная специализация — монголоведение. В 1982 г. закончил аспирантуру, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Русско-монгольские отношения 1911—1917 гг.».

В 1997 г. в Институте Востоковедения РАН защитил докторскую диссертацию по теме: «Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. (политические взаимоотношения)». В 2005 г. в МГИМО (У) МИД РФ было присвоено ученое звание профессора востоковедения.

В 1991—1999 гг. — докторант и научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. С 1999 г. — заместитель руководителя Центра «Россия — Китай» Института Дальнего Востока РАН.

В 2001—2008 гг. переведен на работу содиректором магистратуры МГИМО (У) МИД РФ, в 2009 г. — директор международного исследовательского Центра «Россия — АСЕАН» МГИМО (У) МИД РФ и профессором кафедры востоковедения МГИМО с сохранением совместительства в ИДВ РАН на должности главного научного сотрудника Центра «Россия—Китай».

В 2009 г. был переведен на постоянную работу в ИДВ РАН заместителем директора по науке и руководителем Центра стратегических проблем СВА и ШОС Института. С 2015 г. назначен врио директора ИДВ РАН, с 2016 г. избран директором ИДВ РАН.

С 2012 г. постоянный член Научного совета при Совбезе РФ, член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» и заместитель главного редактора журнала «Москва—Пекин», член специализированного Диссертационного совета по политическим наукам Дипломатической академии МИД РФ.

Ведет преподавательскую работу в МГИМО (У) МИД РФ, НИУ «ВШЭ», Байкальском государственном университету (БГУ) г. Иркутска, в Томском государственном университете (ТГУ) по проблематике безопасности и развития стран Восточной Азии и российским интересам в АТР.

Ведущий российский специалист в области международных отношений и глобального управления, по внутренней и внешней политике КНР, двусторонним российско-китайским отношениям, Монголии, проблемам безопасности в регионе АТР и Центральной Азии. Автор 163 научных работ, включая восемь монографий. Обладает большим опытом экспертно-аналитической / академической работы. Владеет английским, китайским и монгольским языками.

Награжден правительственными наградами: медалью Совета Безопасности «За заслуги в обеспечении национальной безопасности»; медалью Совета министров иностранных дел ШОС «За развитие ШОС»; медалью и дипломом «За разработку международно-энергетической тематики, активное участие и подготовку XII Международного форума ТЭК России»; наградным знаком Института стран СНГ «За научные исследования и поддержку соотечественников».

Избранные публикации:

1. Китай. Глобальное управление: возможности и риски (гл. 2, 3). Колл. монография / отв. ред. В.Г. Барановский, В.И. Иванова // Глобальное управление и риски. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

2. Россия—Китай: формирование обновленного мира: монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018.

3. Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / руководитель С.Г. Лузянин (с российской стороны), ЧжаоХуашэн (с китайской) / гл. ред. И.С. Иванов. М.: РСМД, 2018.

4. Евразийская экономическая интеграция и «Экономический пояс Шелкового пути»: вопросы стратегического сопряжения на центральноазиатском направлении // Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии / А. Казанцев, С. Лузянин и др. М.: РСМД, 2016.

4. РФ и КНР в ШОС: колл. монография / руководитель — С.Г. Лузянин. М., 2015.

5. Потенциал и перспективы сотрудничества КНР и РФ в области традиционной и нетрадиционной энергии: колл. монография / руководитель С.Г. Лузянин (на русском и китайском языках). М.—Пекин, 2015.

Матвеев Владимир Александрович (Vladimir A. MATVEEV), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveevva@ifes-ras.ru

Родился в 1951 г. В 1974 г. закончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности экономико-географ (1974 г.), Высшие экономические курсы при Госплане СССР (1981 г.), защитил кандидатскую диссертацию по экономике по специальности «Ценообразование»

(1989 г.).

По окончании МГУ работал в научных институтах Министерства газовой промышленности СССР и в Госкомцен СССР. В 1994—2004 гг. советник аппарата Комитета по делам Федерации и региональной политике Государственной Думы Российской Федерации.

С 2005 г. ведущий научный сотрудник Центра по стратегическим проблемам СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН. Помощник на общественных началах заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по международным делам в 2005—2012 гг. Государственный советник Российской Федерации 3 класса в отставке. Действительный член Русского географического общества.

Основные направления научной деятельности: политика, законодательство и экономический анализ в переходных экономиках (на примере стран ШОС); стратегическое планирование социально-экономического развития России (в частности, регионы Сибири и Дальнего Востока), стран Центральной Азии и Китая; исследование экономического, энергетического и транспортного сотрудничества стран ШОС; освоение Арктической зоны Евразии: проблемы, интересы акторов и перспективы развития; транзитный потенциал Северного морского пути.

Автор более 35 научных публикаций, в том числе:

1. *Матвеев В.А.* Реалии современного этапа разработки стратегий социально-экономического развития регионов России // Современный российский федерализм. Казань: Центр федерализма и публичной политики, 2013.
2. *Матвеев В.А.* Евразийское измерение и Китай: новые вызовы // Евразийская интеграция в XXI веке. М.: ЛЕНАНД, 2012.
3. *Матвеев В.А.* Экспортный потенциал газовой отрасли Туркменистана: перспективы и риски // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 4.

4. *Матвеев В.А.* Топливо-энергетические отрасли // Основные отрасли и сферы экономики современного Китая (в соавторстве) / отв. ред. А.В. Островский. В 2 кн. М.: ИДВ РАН, 2012.

5. *Матвеев В.А.* Роль России в решении проблемы стабилизации социально-экономического положения в Центральном-Азиатском регионе // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011.

Морозов Юрий Васильевич (Yury V. MOROZOV), кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Окончил Высшее командное училище (1974), Общевоинскую академию (1979), адъюнктуру Общевоинской академии (1982), Академию Генерального штаба (1992), Высшие курсы наблюдателей ООН (1994), Военный колледж НАТО в Риме (2000).

Полковник запаса. Кандидат военных наук (1985), старший научный сотрудник (1990). Профессор Академии военных наук и Международной академии наук по проблемам национальной безопасности, член-корреспондент Академии геополитических проблем.

До 2002 г. служил на командных должностях в войсках, в Центре военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ и в миссиях ООН на Балканах и на Кавказе. В 2002—2008 гг. работал в Институте Европы РАН в должности руководителя сектора европейской безопасности. С 2000 г. является ведущим научным сотрудником ИСКРАН.

С 2008 г. работает в Институте Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник. Основные направления исследований: проблемы региональной стабильности и безопасности, аспекты региональной политики России и международных организаций союзов, вопросы конфликтологии и международной национальной миротворческой деятельности, проблемы и перспективы развития ШОС.

Автор более 130 научных работ, в том числе:

1. *Морозов Ю.В.* Перспективные направления развития ШОС в Евразии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 1 (358). С. 137—152.

2. *Морозов Ю.В.* Проблемы, препятствующие реализации интеграционных процессов Китая и России в Евразии // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. М., 2017. С. 112—133.

3. *Морозов Ю.В.* Применение США «мягкосилового арсенала» в современном мире // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. С. 154—160.

4. *Морозов Ю.В.* Возможная американская военная политика на Ближнем Востоке при президенте США Д. Трампе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 11 (575). С. 54—68.

5. *Morozov Y.V.* Outlook for US Policy in Relations with China and Russia // Far Eastern Affairs. 2017. V. 45. № 3. P. 41—53.

Обладает большим опытом работы в международных переговорах, участник более 80 международных конференций и семинаров. Организатор более 20 международных семинаров и конференций в России по проблемам национальной и региональной безопасности.

Обладает опытом подачи заявок на получение государственных и международных грантов для проведения исследований (является научным руководителем/исполнителем ряда научно-исследовательских проектов, проводимых под эгидой РГНФ/РФФИ РФ, НИУ США и Китая).

За свою практическую и научно-исследовательскую работу неоднократно поощрялся руководством РФ, имеет ряд правительственных и международных наград.

Петровский Владимир Евгеньевич (Vladimir E. PETROVSKIY), доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Родился в 1960 г. в г. Оренбурге; окончил Военный институт Министерства обороны. 1985—1987 гг. — аспирант Института США и Канады АН СССР. С 1987 г. — на научной работе в Институте Дальнего Востока АН СССР (РАН). 1993—1999 гг. — помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 2000 г. — выпускник Центра изучения проблем азиатско-тихоокеанской безопасности (APCSS). 2004—2005 гг. — помощник члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2001—2006 гг. — профессор МГИМО (У) МИД РФ. 2006—2010 гг. — профессор факультета государственного управления и ВШГА МГУ им. Ломоносова. 2010—2011 гг. — ученый секретарь по связям с общественностью и СМИ ИДВ РАН. 2011—2012 гг. — заместитель руководителя Регионального представительства РИА «Новости» в Пекине.

Профессор факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ (2010—2011).

Автор четырех монографий и более 100 научных публикаций на русском, английском, китайском, корейском и немецком языках по теории международных режимов; многосторонним механизмам безопасности на постсоветском пространстве, в Азиатско-Тихоокеанском и Евро-Атлантическом регионах; военно-гражданским отношениям и реформе сектора безопасности; международному миротворчеству и урегулированию конфликтов; проблемам безопасности личности и содействия развитию.

Основные научные публикации:

1. *Петровский В.Е.* «Вторая дорожка» Женевы-2. Роль межрелигиозного диалога в урегулировании сирийского кризиса // UPF Сегодня. 2014. № 2.

2. *Петровский В.Е.* «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // Международная жизнь. 2013. № 7.

3. *Петровский В.Е.* Россия и Восточная Азия в контексте украинского кризиса: «нет» санкциям, «да» новому миропорядку // Международная жизнь. 2014. № 10.

4. *Петровский В.Е.* О перспективах развития российско-китайских отношений // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. М.: ИДВ РАН, 2013.

5. *Петровский В.Е.* О перспективах трехстороннего диалога США—Китай—Россия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2013.

Сафронова Елена Ильинична (Elena I. SAFRONOVA), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, ответственный редактор-составитель ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность».

E-mail: safronova@ifes_ras.ru

Родилась в Москве. В 1980 г. окончила экономический факультет МГИМО МИД СССР по специальности «Международные экономические отношения». Владеет английским, испанским и португальским языками.

1984—1987 гг. — аспирант ИДВ АН СССР.

1987—1992 гг. — м.н.с., затем н.с. ИДВ АН СССР (РАН).

1990—1992 гг. — ученый секретарь Научного совета по комплексному изучению проблем современного Китая Отделения экономики РАН.

1992—1994 гг. — докторант ИДВ РАН.

В 1994—1997 гг. — на работе в ИДВ РАН по совместительству, с 1998 г. — старший научный сотрудник Центра «Россия—Китай» ИДВ РАН, с 2007 г. — ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Постоянный автор Ежегодника «КНР: политика, экономика, культура», с 2006 г. — ответственный редактор-составитель ежегодного издания ИДВ РАН «Китай в мировой и региональной политике. История и современность». Член Ученого совета ИДВ РАН.

Сферы научных интересов: экономическая дипломатия КНР, «мягкая сила» в международных отношениях, экономические основы нового мирового порядка; отношения КНР с государствами Африки и Латинской Америки, экономические и гуманитарные аспекты отношений КНР со странами Центральной Азии (ШОС); экономические проблемы отношений «Север—Юг» и позиция КНР.

Автор более 150 опубликованных научных работ, среди них:

1. *Сафронова Е.И.* Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки): монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018.

2. *Сафронова Е.И.* КНР — развивающиеся страны: история и концептуальная база отношений (1949—2013) на примере Африки и Латинской Америки: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2017.

3. *Сафронова Е.И.* Экономическая дипломатия Китая в Северо-Восточной Азии как фактор безопасности ШОС // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС / отв. ред. С.Г. Лузянин, сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 96—115.

4. *Сафронова Е.И.* «Поворот» России на Восток: дискурс и состояние дел // Современные российско-китайские отношения/под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 34—51.

5. *Сафронова Е.И.* Восточная Азия как вектор интересов БРИКС // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 4—12.

Уянаев Сергей Владимирович (Sergey V. UYANAEV), кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Родился в 1953 году в г. Нальчике. В 1977 г. закончил МГИМО МИД СССР, в 1980 — аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР (1977—1980).

1981—1992 гг. — редактор, ст. редактор, редактор-консультант, специальный корреспондент Агентства печати «Новости»; 1982 — 1985 гг. — редактор Бюро АПН в Монголии; 1989—1990 гг. — стажер-исследователь Ляонинского педагогического университета (КНР, г. Далянь); 1992—2000 гг. — краткосрочные рабочие командировки в Р. Корея, Таиланд, ОАЭ, Турцию, Грецию, Болгарию. С 2002 г. — на научной работе в ИДВ РАН, участник международных научных конференций в КНР (Пекин, Шанхай), в Индии (г. Дели). Владеет английским и китайским языками.

Основные публикации:

1. *Уянаев С.В.* Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений: колл. монография / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018.

2. *Уянаев С.В.* Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017.

3. *Уянаев С.В.* Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС / отв.ред. С.Г. Лузянин, ред.-сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2017.

4. *Уянаев С.В.* Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / отв. ред.-сост. В.А. Матвеев. М.: ИДВ РАН, 2017.

5. *Уянаев С.В.* Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016.

Научное издание

**Перспективы многостороннего
сотрудничества ШОС
с международными структурами
в интересах развития
стратегии Организации**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваниной*

Подписано в печать 25.04.2019.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 21,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 4

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
г. Москва, Нахимовский пр., 32

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.